

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Псковский государственный университет

Псковское региональное отделение Российского
общества интеллектуальной истории

Псковское региональное отделение
Восточного археологического общества

МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИИ

Научный альманах

Выпуск 9

Псков
Псковский государственный университет
2017

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Демьяненко Ю. А., ректор Псковского государственного университета (председатель) (Россия, Псков);

Истомин А. В., проректор по научной работе Псковского государственного университета (заместитель председателя) (Россия, Псков);

Гарбузов В. Н., директор Института США и Канады РАН, доктор исторических наук, профессор (заместитель председателя) (Россия, Москва);

Габелко О. Л., профессор кафедры истории древнего мира Российского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва);

Кащенко С. Г., заведующий кафедрой источниковедения Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург);

Мухамедов Ш. Б., заместитель директора Института истории Академии наук Республики Узбекистан (Узбекистан, Ташкент);

Никитина Н. П., декан исторического факультета Псковского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент (Россия, Псков);

Никонов В. П., старший научный сотрудник отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН, кандидат исторических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург);

Ольбрыхт М. Я., заведующий кафедрой древней истории и востоковедения Жешувского университета, доктор исторических наук, профессор (Польша, Жешув);

Пьянков И. В., профессор кафедры всеобщей истории Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, доктор исторических наук, профессор (Россия, Великий Новгород).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дмитриев В. А., доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент (главный редактор) (Россия, Псков);

Михеев Д. В., доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета, кандидат исторических наук (заместитель главного редактора) (Россия, Псков);

Губарев В. К., доцент кафедры истории и права Донецкого национального технического университета, кандидат исторических наук, доцент (Украина, Донецк);

Ермаченко И. О., доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат исторических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург);

Колпаков М. Ю., заведующий кафедрой всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета, кандидат исторических наук (Россия, Псков);

Райкова В. А., доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат исторических наук (Россия, Санкт-Петербург).

Альманах основан в 1997 г. Идея издания: В. Н. Гарбузов, А. В. Юрасов

Альманах индексируется в базах данных: «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ); «The European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences» (ERIH PLUS); «Database for statistikk om høgre utdanning» (DBH); «Index Copernicus Journals Master List» (IC JML); InfoBase Index (IBI).

Издатель: Псковский государственный университет (www.pskgu.ru).

Сайт альманаха: <https://sites.google.com/site/metamorphoseshistory/home>.

Статьи в альманахе публикуются под лицензией Creative Commons «Атрибуция Некоммерческое использование 4.0 Всемирная» (CC BY-NC 4.0).

The Ministry of Education and Science of
the Russian Federation

Pskov State University

Pskov Regional Branch of the Russian Society of
Intellectual History

Pskov Regional Branch of the
Oriental Archaeological Society

METAMORPHOSES of HISTORY

Scientific Almanac

Issue 9

Pskov
Pskov State University
2017

EDITORIAL COUNCIL:

Yury A. Demyanenko, Rector of Pskov State University (chairman) (Pskov, Russia);
Anatoly V. Istomin, Vice-Rector of Pskov State University (vice chairman) (Pskov, Russia);

Valery N. Garbuzov, Director of Institute for US and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences (vice chairman) (Moscow, Russia);

Oleg L. Gabelko, Professor of Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia);

Sergey G. Kaschenko, Professor of Saint-Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia);

Shuhrat B. Mukhamedov, Vice-Director of Institute of History of Academy of Sciences of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan);

Natalia P. Nikitina, Dean of Historical Faculty of Pskov State University (Pskov, Russia);

Valery P. Nikonorov, Senior Researcher of Institute for History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia);

Marek J. Olbrycht, Professor of University of Rzeszow (Rzeszow, Poland);

Igor V. Pyankov, Professor of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia).

EDITORIAL BOARD:

Vladimir A. Dmitriev, Associate Professor of Pskov State University (editor-in-chief) (Pskov, Russia);

Dmitry V. Mikheev, Associate Professor of Pskov State University (managing editor) (Pskov, Russia);

Igor O. Ermachenko, Associate Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia);

Viktor K. Gubarev, Associate Professor of Donetsk National Technical University (Donetsk, Ukraine);

Maxim Yu. Kolpakov, Head of the Department of World History and Area Studies of Pskov State University (Pskov, Russia);

Vera A. Raikova, Associate Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia).

The almanac was founded in 1997.

The idea of the almanac: Valery N. Garbuzov, Andrey V. Yurasov.

The almanac is indexed in databases:

“**The European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences**” (ERIH PLUS); “**Database for statistikk om høgre utdanning**” (DBH); “**Russian Index of Science Citation**” (RISC); “**Index Copernicus Journal Master List**” (IC JML); **InfoBase Index (IBI)**.

Publisher: Pskov State University (www.pskgu.ru).

Almanac’s website:

<https://sites.google.com/site/metamorphoseshistoryen/home>.

Papers are published under Creative Commons License

“Attribution – NonCommercial 4.0 International” (CC BY-NC 4.0).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

- Shavarebi E.* A Note on “The Saint Petersburg School”
and Its Contribution to Sasanian Numismatics:
Past and Present 9
- Душин О. Э.* Схоласты об usura: дискурс совести и этос
средневековых городов 29
- Hirvonen V. M.* The Mystic Jean Gerson on the Dangers
on the Way to the Holiness: Can Too Strong Asceticism
Lead to Mental Disorder? 42
- Вуков Н.* Память и монументальная репрезентация
Великой войны: балканские проекции 50

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

- Шарнина А. Б.* Дипломатические инструменты
в практике предотвращения военных конфликтов
в эллинистическую эпоху (асилия) 76
- Хришкевич Т. Г.* Организационно-правовые механизмы
обеспечения антитеррористической безопасности
в ФРГ в начале XXI в. 93

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

- Maksymiuk K. I.* Destruction of the Ādur Gušnasp Temple
in Ādurbādagān as a Revenge for Abduction of the
Holy Cross from Jerusalem in the Context of the Letters
of Heraclius 109
- Дмитриев В. А.* «Око государево»: к истории
военной контрразведки в сасанидском Иране 126

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

- Митин В. В.* Особенности политической борьбы
в Монгольской империи в XIII в. 137
- Михеев Д. В.* Развитие испанской оборонительной
системы в Новом Свете накануне Англо-испанской
войны 149

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

- Чой Доккю.* Император Коджон и план по созданию
корейского правительства в изгнании в Приморье 163
- Хришкевич Т. Г.* «Альтернатива для Германии» между
федеральными выборами – феномен популярности
малой партии 175

РОССИЯ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

- Жучков К. Б.* Французская военная мысль
в России накануне Отечественной войны 1812 г. 192
- Фролов В. В.* Образ Германии на страницах
российского дореволюционного издания
«Летопись войны» 1914–1917 гг. 223
- Филимонов А. В.* Репатрианты в Псковской области
в первые послевоенные годы (1944–1949) 234

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 258

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 259

CONTENTS

INTELLECTUAL HISTORY

- Shavarebi E.* A Note on “The Saint Petersburg School”
and Its Contribution to Sasanian Numismatics:
Past and Present 9
- Oleg Dushin.* Scholastics about Usura: Discourse
of Conscience and Ethos of Medieval Towns 29
- Hirvonen V. M.* The Mystic Jean Gerson on the Dangers
on the Way to the Holiness: Can Too Strong Asceticism
Lead to Mental Disorder? 42
- Nikolai Vukov.* Memory and Monumental Representation
of the Great War: Balkan Projections 50

INTERNATIONAL SECURITY

- Katarzyna Maksymiuk.* Destruction of the
Ādur Gušnas̄p Temple in Ādurbādagān as a Revenge
for Abduction of the Holy Cross from Jerusalem in the
Context of the Letters of Heraclius 76
- Tatiana Khrishkevich.* The Organizational and Legal
Mechanisms for Ensuring Anti-terrorism Security in
the FRG at the Beginning of the 21st Century 93

ANCIENT HISTORY

- Maksymiuk K. I.* Destruction of the Ādur Gušnas̄p Temple
in Ādurbādagān as a Revenge for Abduction of the
Holy Cross from Jerusalem in the Context of the Letters
of Heraclius 109
- Vladimir Dmitriev.* “The Eye of the King”:
the Military Counterintelligence in Sasanian Iran 126

MEDIEVAL and EARLY MODERN HISTORY

- Valery Mitin.* Features of Political Struggle in the
Mongol Empire in the 13th Century 137
- Dmitry Mikheev.* The Development of Spanish Defensive
System in the New World on the Eve of the
Anglo-Spanish War 149

MODERN and CONTEMPORARY HISTORY

<i>Choi Deokkyu.</i> Emperor Kojong and the Plan to Establish a Korean Government-in-exile in Primorye	163
<i>Tatiana Khrishkevich.</i> “Alternative for Germany” between the Federal Elections: the Phenomenon of Minor Party’s Popularity	175

RUSSIA IN THE WORLD HISTORY

<i>Konstantin Zhuchkov.</i> The French Military Thought in Russia on the Eve of the Patriotic War of 1812	192
<i>Vasily Frolov.</i> The Image of Germany on the Pages of the Russian pre-Revolution Periodical “Chronicle of War” of 1914–191	223
<i>Anatoly Filimonov.</i> Repatriates in Pskov Region in the Early Postwar Years (1944–1949)	234

LIST of ABBREVIATIONS	258
------------------------------------	-----

GUIDELINES for AUTHORS	259
-------------------------------------	-----

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930(091):930(092)

Shavarebi E.

A NOTE ON THE “SAINT PETERSBURG SCHOOL” AND ITS CONTRIBUTION TO SASANIAN NUMISMATICS: PAST AND PRESENT¹

This essay presents a bibliographical outline of the contribution of Saint Petersburg scholars to the study of Sasanian numismatics, from the mid-19th century up to today. The “Saint Petersburg School” of Sasanian numismatics seems to have passed two substantial periods during the past two centuries: a period of “collector-cataloguer collaboration” in the 19th century and a period of “historical-archaeological numismatics” during the Soviet and post-Soviet time. In the following, the characteristic and highlights of the “Saint Petersburg School” are surveyed and the representatives of each period are briefly introduced.

Key words: Sasanian Numismatics, the “Saint Petersburg School”, The State Hermitage Museum, Jean de Bartholomaei, Bernhard Dorn, Alexis de Markoff, Vladimir G. Lukonin.

Dedicated to Academician Dr. Aliy Ivanovich Kolesnikov

I. The “Saint Petersburg School” in the 19th Century: Collector-Cataloguer Collaboration

The very first studies on Sasanian epigraphic and numismatic documents were done in the late 18th century by the French orientalist Antoine-Isaac Silvestre de Sacy². Although he has correctly been called “le fondateur de l'épigraphie sassanide” by

¹ This paper is read at the International Conference of Iranian Studies in Eurasia: Past, Present and Future, held at the Russian State University for the Humanities (RSUH) in Moscow on the 22 September 2016.

² *Silvestre de Sacy A.-I. Mémoires sur diverses antiquités de la Perse et sur les médailles des rois de la dynastie des Sassanides, suivis de l'histoire de cette dynastie trad. du persan de Mirchond. P., 1793.*

Edmond Drouin, he did not succeed to found a *school* of Sasanian numismatics, thus a long gap began in these studies after him for nearly half a century.

In spite of the scanty publications of Sir William Ouseley of London, Thomas Christian Tychsen of Göttingen, Christian Martin Frähn of Saint Petersburg, Adrien Prévost de Longpérier of Paris, Justus Olshausen of Kiel, Albrecht Krafft of Vienna, and Frédéric Soret of Geneva in the first half of the 19th century³, it was not until the mid-19th century that the first *school* of Sasanian numismatics was established in Saint Petersburg. The coin collectors seem to have always been one step ahead of the academics in that era. The earliest publications of the Saint Petersburg school on Sasanian coinage belongs to two originally non-Russian numismatists: Lieutenant-Général Jean de Bartholomaei [Иван Алексеевич Бартоломей] (1813–1870) (fig. 1) and Academician Johannes Albrecht Bernhard Dorn [Борис Андреевич Дорн] (1805–1881) (fig. 2).

Fig 1. Lieutenant-Général Jean de Bartholomaei
(Portrait by Ivan S. Ksenofontov. Military Historical Museum
of Artillery, Engineers and Signal Corps. Saint Petersburg, Russia)

³ For a list of publications on Sasanian numismatics until two decades ago, see: *Malek H. M. A Survey of Research on Sasanian Numismatics* // NC. 1993. Vol. 153. P. 252–269.

Bartholomaei spent a part of his life in military and diplomatic missions in the Caucasus and Persia, studied oriental languages, and collected ancient oriental coins from the time of Alexander the Macedonian until the rise of Islam, i. e., Greco-Bactrian, Arsacid and Sasanian coins. He was a founding-member and secretary of the Société d'Archéologie et de Numismatique de St.-Petersbourg as well as a full-member of the Russian Geographical Society. His first works on Sasanian numismatics are two brief treatises published in 1847; one dated 14 April 1947 on the coinage of the successors of the Sasanian king Pērōz⁴ and the other dated 13 May 1947 on the classification of Georgian medals of Sasanian type⁵.

Fig. 2. Bernhard Dorn

The German-born orientalist Dorn, who moved to Saint Petersburg in 1935, was since 1939 a member of the Russian Imperial Academy of Sciences, since 1942 director of the Asian Museum of Saint Petersburg and head of the oriental section of the Imperial Public Library, and since 1952 academician of the

⁴ *Bartholomaei J., de. Conjectures sur quelques médailles sassanides, postérieures au roi Firouz. SPb., 1847.*

⁵ *Bartholomaei J., de. Classement de médailles géorgiennes au type sassanide, du point de vue de l'art. SPb., 1847.*

Imperial Academy of Sciences⁶. He had a great contribution to the development of the study of oriental manuscripts and coins in Saint Petersburg. His first writings on Sasanian numismatics were published in 1840s in *Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des sciences de Saint-Petersbourg*⁷. From 1950s, his numismatic articles were published in *Mélanges Asiatique tirés du Bulletin historico-philologique et du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de Saint-Petersbourg*⁸. The major focus of his articles is on the new coins acquired by the Asian

⁶ *Luzhetskaya N. L. Dorn, Johannes Albrecht Bernhard // EIr. N. Y., 1995. Vol. VII. Fasc. 5. P. 511-513. [Electronic resource]: URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/dorn>*

⁷ *Dorn B. Versuch einer Erklärung von drei Münzen mit Sasaniden-Gepräge // BCSHPP. 1944. T. I. № 3. Col. 33-43; Dorn B. Die neueste Bereicherung des asiatischen Münzcabinettes der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften // BCSHPP. 1944. T. I. № 7. Col. 105-110 (II. Sasaniden: Col. 107-110); Dorn B. Die letzte Schenkung von morgenländischen Münzen an das asiatische Museum // BCSHPP. 1944. T. I. № 17. Col. 268-272 (II. Nicht-muhammedanische, d. i. Parsen-Münzen: Col. 270-272); Dorn B. Ueber einige bisher ungekannte Münzen des dritten Sassaniden-Königes Hormisdas I. // BCSHPP. 1944. T. I. № 18-19. Col. 273-294; Dorn B. Bemerkungen zur Sasaniden-Münzkunde // BCSHPP. 1948. T. V. № 15. Col. 225-234.*

⁸ *Dorn B. Die Pehlewy-Münzen des asiatischen Museums der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. III. Die Münzen der Ispehbede, Chalifen und deren Statthalter // MA. 1854. T. II. 3^e livr. P. 249-263; Dorn B. Noch einige Nachweisungen über Pehlewy-Münzen // MA. 1855. T. II. 4^e livr. P. 387-398; Dorn B. Ueber die letzten dem Asiatischen Museum zugekommenen Pehlewy-Münzen // MA. 1856. T. II. 5^e livr. P. 608-611; Dorn B. Noch einige Worte über ein auf Pehlewy-Münzen vorkommendes sogenanntes Münnzeichen oder Monogramm // MA. 1858. T. III. 3^e livr. P. 286-315; Dorn B. Neue Ansichten in der Pehlewy-Münzkunde // MA. 1859. T. III. 4^e livr. P. 426-459; Dorn B. Nachträge zu den neuen Ansichten in der Pehlewy-Münzkunde // MA. 1859. T. III. 4^e livr. P. 460-475; Dorn B. Forschungen in der Pehlewy-Münzkunde I // MA. 1859. T. III. 6^e livr. P. 613-630; Dorn B. Forschungen in der Pehlewy-Münzkunde II // MA. 1860. T. IV. 1^e livr. P. 22-24; Dorn B. Zwei dem asiatischen Museum zugekommene Münzen Erwerbungen // MA. 1869. T. VI. 1^e livr. P. 141-150 (cf.: P. 141-144); Dorn B. Seiben aus dem Nachlass des Gen.-Lieut. v. Bartholomaei dem Asiatischen Museum zugekommene Münzen // MA. 1873. T. VI. [5^e livr.]. P. 678-680; Dorn B. Einige Bemerkungen zur Sasaniden-Münzkunde // MA. [1877]. T. VIII. 2^e livr. P. 197-201; Dorn B. Sechsendachtzig Silbermünzen mit Pehlewy-Inschriften // MA. [1877]. T. VIII. 2^e livr. P. 269-280.*

Museum as well as reading and interpreting the Middle Persian coin legends. A great part of his numismatic studies were inspired by the coins collected by Bartholomaei. During the late 1850s, when Bartholomaei was serving in military missions in the Caucasus, he was in regular communication with Dorn in Saint Petersburg. A number of the letters he sent to Dorn from Lankaran and Tbilisi, containing his archaeological and numismatic observations in the Caucasus, are published in *Mélanges Asiatiques*⁹. The collaboration between Bartholomaei and Dorn is one of the first examples of collector-cataloguer cooperation in oriental numismatics. A complete catalogue of the Sasanian coins of the Bartholomaei collection was published by Dorn in 1973, i.e., three years after the death of Bartholomaei¹⁰. The collection belongs to the State Hermitage Museum now.

Another important collection of oriental coins in the 19th century was belonging to the Institute of Oriental Languages of the Ministry of Foreign Affairs in Saint Petersburg, which was founded in 1826 by the German born director of the Institute and president of the Saint Petersburg Academy of Sciences, Friedrich von Adelung [Фёдор Павлович Аделунг] (1762–1843) (fig. 3), tremendously supported by Count Karl Robert von Nesselrode [Карл Васильевич Нессельроде] (1780–1862) (fig. 4), foreign minister of the Russian Empire. Adelung acquired and collected a great number of ancient and mediaeval oriental coins from different provenances for the Médaillier of the Institute during the two decades of his administration—the Médaillier was possessing 5424 oriental coins when he died. To develop the study of numismatics at the

⁹ *Bartholomaei J., de.* Extrait d'une lettre de M. Bartholomaei à M. Dorn, datée de Lenkoran, 12 mai 1857, contenant des observations numismatiques concernant les règnes de Kovad et de Khosrou I // MA. 1858. T. III. 2e livr. P. 138–148; *Bartholomaei J., de.* Extraits des lettres de M. Bartholomaei à M. Dorn; datées de Lenkoran, 30 juin et 6 juillet et de Tiflis, 11 août 1857, de même d'une lettre de M. Khanykov, datée de Tébriz, 5 (17) juin 1857 // MA. 1858. T. III. 2e livr. P. 149–165; *Bartholomaei J., de.* Extraits des lettres de M. Bartholomaei à M. Dorn datées de Tiflis 5, 9, 12, 16 et 26 mai 1858, contenant des observations sur la numismatique sassanide, avec des remarques de M. Dorn // MA. 1859. T. III. 4e livr. P. 349–372; see also: *Bartholomaei J., de.* Lettres numismatiques et archéologiques, relatives à la Transcaucasie. St.-Petersbourg, 1859.

¹⁰ *Dorn B.* Collection de monnaies Sassanides de feu le Lieutenant-Général J. de Bartholomaei, représentée d'après les pièces les plus remarquables. SPb, 1873 (2e éd.: 1875).

Institute, Adelung established a chair for oriental numismatics in 1834. The first occupant of this chair, until 1843, i.e., the death of Adelung, was Bernhard Dorn. After Adelung's death at the age of 81, Baron Jean Jacques Pierre Desmaisons [Пётр Иванович Демезон] (1807–1873), French born diplomat and orientalist, became his successor. His appointment propelled the Institute's course in a new direction. As a lexicographer, he abandoned the Institute's acquisition of oriental coins and focussed on the study of oriental languages.

Fig. 3. Friedrich von Adelung

Except for the Arsacid and Sasanian coins, the rest of the collection was catalogued by Dorn and Christian Martin Frähn [Христиан Данилович Фрэн] (1782–1851) (fig. 5) under the administration of Adelung. Some minor studies were also done on certain Sasanian coins of the Médaillier by the both academicians¹¹, but a catalogue of the whole Sasanian collection was not available until the end of the 1880s, i. e., under the administration of Matvej Avelevich Gamazof [Матвей Авелевич Гамазов] (1812–1893), when Markoff's *Catalogue des monnaies arsacides, subarsacides, sassanides, dabweihides [etc.]* was published in the publication series

¹¹ Cf. e.g.: Frähn Chr. M. Über eine Münze des sasaniden Narses // St. Petersburger Zeitung. 1829. № 6.

of the *Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères*¹². Alexis de Markoff [Алексей Константинович Марков] (1858-1920) was a Russian archaeologist and numismatist with a specific interest in Arsacid numismatics. Since 1888, he was director of the department of oriental coins at the Imperial Hermitage (later: the State Hermitage). Apart from his catalogue, he has another significant monograph on Sasanian numismatics concerning the topography of Sasanian and early Islamic hoards, which provides a full list of the hoards known at that time¹³.

Fig. 4. Count Karl Robert von Nesselrode (Portrait by Franz Krüger. Pavlovsk Palace Museum. Saint Petersburg, Russia)

¹² *Markoff A., de. Catalogue des monnaies arsacides, subarsacides, sassanides, dabweihides, ainsi que des pièces frappées par les Isphebeds arabes du Tabaristan et les gouverneurs de la Perse et du Maverannah au nom des Khalifes. SPb., 1889.*

¹³ *Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910.*

Fig. 5. Christian Martin Frähn

After Markoff's death, his position at the State Hermitage was occupied by Richard Wilhelm Georg Vasmer [Рихард Рихардович Фасмер] (1888–1938) (fig. 6), a German-born orientalist and numismatist. Ten years later, in 1930, he became head of the Oriental numismatics division. Although the major field of Vasmer's studies was Islamic numismatics and Kufic epigraphy, he also studied some issues of pre-Islamic numismatics and published a few articles on Sasanian coinage, including an important article in *The Numismatic Chronicle* of London, presenting a detailed typological survey of early Sasanian coinage and introducing 82 rare coins of the third and fourth centuries, from the time of Ardashīr I until Shāpūr II¹⁴.

¹⁴ Vasmer R. Die Sasanidenmünzen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft // SbGEG. 1927. P. 276–286; Vasmer R. Sassanian Coins in the Ermitage // NC. 1928. Series 5, Vol. 8. P. 249–334; Vasmer R. Zur Goldmünze Sapors II von Persien // BMB. 1930. N. F. Bd. 10. Jg. 50. P. 9; Vasmer R. Zur Münzkunde der Sasaniden // Numismatik: Internationale Monatsschrift. 1933. P. 109–115.

Multilingualism was a significant aspect of the Saint Petersburg school of oriental studies in the 19th century. A great number of the Saint Petersburg scholars in that century were coming from western and central Europe and were in regular contact with the academic communities in Germany, Austria, France and other European countries. Like the other European numismatists of the 19th century, the Saint Petersburgers were also mostly concentrating on reading and interpreting the legends of Sasanian coins. The first serious studies of the iconography of Sasanian coins, particularly the crown types, were carried out by German archaeologist Ernst Herzfeld (1879–1948) and German art historian Kurt Erdmann (1901–1964) in the second quarter of the 20th century¹⁵. The school of Saint Petersburg, however, did not apply this approach before 1960s.

Fig. 6. Richard Vasmer

II. The “Leningrad School” in the 20th Century: Historical-Archaeological Numismatics

After the October Revolution of 1917, researches on Sasanian

¹⁵ Cf. *Herzfeld E.* *Khusrau Parwēz und der Tāq i Vastān* // *AMI.* 1938. Band 9. S. 102; *Erdmann K.* *Wie sind die Kronen der sāsānidischen Münzen zu lesen?* // *ZDMG.* 1945–49. Bd. 99/2. S. 206–211; *Erdmann K.* *Die Entwicklung der sāsānidischen Krone* // *Ars Islamica.* 1951. Vol. 15/16. P. 87–123.

numismatics were abandoned in Russia for nearly half a century until the early 1960s, when the “Saint Petersburg School” – or the “Leningrad School” – was re-established in a completely different manner. It was nothing but the genuine effort of Vladimir G. Lukonin [Владимир Григорьевич Луконин] (1932–1984) (fig. 7) that revived the study of Sasanian history, art and numismatics in Leningrad. Lukonin was director of the Oriental Department of the State Hermitage from 1965 until his death. In addition to his profound studies on Sasanian seals, bullae and silverwares of the Hermitage collection, Lukonin played a remarkable role in the progress of the Sasanian numismatics as well.

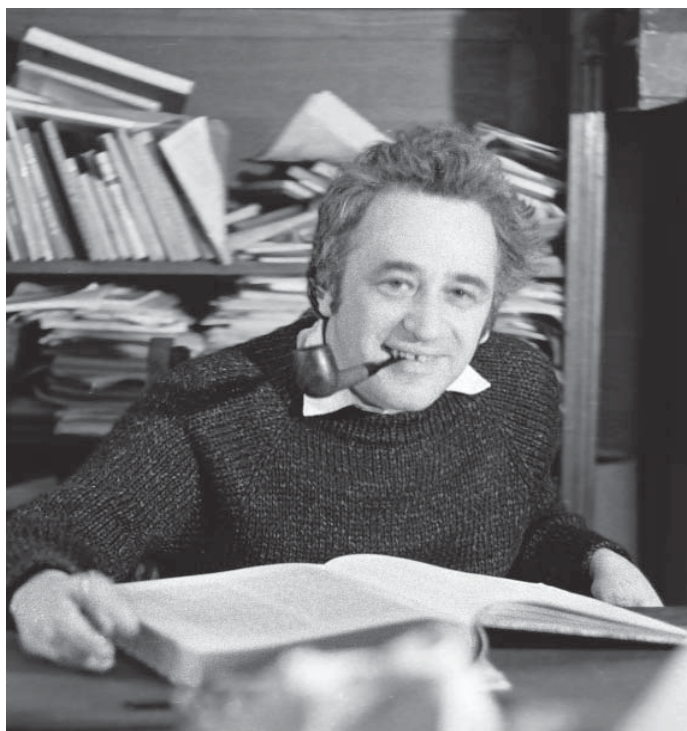

Fig. 7. Vladimir G. Lukonin

He published a catalogue of the coins of Ardashīr I in the Hermitage collection as a supplement to one of his first monographs

on early Sasanian Iran¹⁶, as well as some typological observations on Ardashīr I's coinage in a 1968 article¹⁷. In another important article on the coinage of Wahrām II and Narseh, published in 1964, he introduced a new obverse legend on a unique coin of Wahrām II, bearing the name of Queen Šābuhrduxtāg¹⁸.

In his both substantial monographs on the history of the early Sasanian period, published in 1969 and 1979¹⁹, Lukonin put the coins in the same category with the rock reliefs amongst the sources for Sasanian history and used the iconographic features shared by coins and reliefs to interpret them together. This approach, which was very well received by Lukonin's contemporary scholars in Europe, is also dominant in his more general monographs²⁰.

In his book published in 1969, he tried to establish a standard typology for the Sasanian coins of the 3rd century on the basis of the numismatic collections of the State Hermitage and the State Historical Museum in Moscow, but his typological coding has never been used by other scholars, because a standard typology of the whole Sasanian period was proposed by the prominent Viennese numismatist Robert Göbl (1919–1997) at the same time²¹. Also, his attempt to solve the problem of the chronology of the Kushans, which was based on a dating of certain Kushano-Sasanian coins to the late 4th century²², received serious criticism and remained abortive.

Nevertheless, he had a great contribution to Sasanian numismatics and started a new period in the "Saint Petersburg school". Although the period of "collector-cataloguer collaboration" was terminated at the beginning of the 20th century, Lukonin

¹⁶ Луконин В. Г. Иран в эпоху первых Сасанидов: Очерки по истории культуры. Л., 1961.

¹⁷ *Loukonin V. G. Monnaies d'Ardachir I et l'art officiel sassanide // IrAnt. 1968. Vol. 8. P. 106–117.*

¹⁸ Луконин В. Г. Варахран и Нарсе // ВДИ. 1964. № 1. С. 48–63. See also: Луконин В. Г. Культура Сасанидского Ирана. М., 1969. С. 174.

¹⁹ Луконин В. Г. Культура Сасанидского Ирана; Луконин В. Г. Иран в III веке: Новые материалы и опыт исторической реконструкции. М., 1979.

²⁰ Cf. e.g.: *Lukonin V. G. Persia II: From the Seleucids to the Sassanids. Geneva, 1967; Луконин В. Г. Искусство Древнего Ирана. М., 1977.*

²¹ *Göbl R. Sasanidische Numismatik. Braunschweig, 1968.*

²² Луконин В. Г. Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии // ВДИ. 1969. № 2. С. 20–44.

was the first scholar in Russia to consider the historiographical importance of Sasanian coins to evaluate historical sources in the light of numismatic evidence.

While Lukonin was studying the history of the early Sasanian period by this method, another scholar of his generation applied the same method to reconstruct the economic, social, and political history of the late Sasanian period. Aliy I. Kolesnikov [Алий Иванович Колесников], to whom the present essay is dedicated, has already published several monographs and articles of great significance on various aspects of the late Sasanian and early Islamic history of Iran²³.

The other important aspect of the period begun by Lukonin is the effective role of excavated coins and hoards. From 1951 to 1963, Lukonin himself was participating in the archaeological expeditions to Sarkel, Panjikant and Kara-tepe every year²⁴. In collaboration with E. V. Zeimal, he published a brief report on the coins finds from the archaeological excavations of Kara-tepe, near Termez, from 1961 until 1971²⁵. He also catalogued a hoard of 159 coins from Chohur-kabala, in collaboration with A. Rajabli²⁶.

The archaeological expeditions conducted by Soviet archaeologists in Central Asia, besides shedding light on many dark aspects of the history and culture of ancient and mediaeval Central Asia, fostered the development of numismatic studies in Russia. The catalogues and analytical works by Mikhail E. Masson [Михаил Евгеньевич Массон], Olga I. Smirnova [Ольга Ивановна Смирнова], Evgeny V. Zeimal [Евгений Владиславович Зеймаль], Alexandr V. Nikitin [Александр Борисович Ники-

²³ Especially his four monographs: *Колесников А. И. Иран в начале VII века*. Л., 1970; *Колесников А. И. Денежное хозяйство в Иране в VII веке*. М., 1998; *Kolesnikov A. I. The Quantity of Silver Coinage and Levels of Revenues in Late Sasanian Iran*. P., 1999; *Колесников А. И. Сасанидский Иран: история и культура*. СПб., 2012. For an updated list of his publications on the late Sasanian history and numismatics, see the bibliography of the latter book at pages 482–483.

²⁴ *Dandamajev M., Medvedskaya I. Lukonin, Vladimir Grigor'evich* // *Elr*. 2009. [Electronic resource]: URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/lukonin-v-g>.

²⁵ *Луконин В. Г., Зеймаль Е. В. Монеты из раскопок Кара-тепе 1961–1971 гг. // Будийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе*. М., 1972. С. 101–103.

²⁶ *Луконин В. Г., Раджабли А. Клад из Чохур-кабала // Луконин В. Г. Иран в III веке*. М., 1979. С. 74–85. Табл. 6–19.

тин], etc. played and still play a key role in studying the economic history of Central Asia. Particularly, the catalogue series of the Sasanian coins of Marv by Sergej D. Loginov and A. B. Nikitin provided fresh evidence on the presence of Sasanians in Marv and their coinage and monetary circulation in that region²⁷.

III. The “Saint Petersburg School” Today and Tomorrow

After passing two periods of “collector-cataloguer collaboration” in the 19th century and “historical-archaeological numismatics” in the 20th century, the Saint Petersburg School of Sasanian numismatics needs to start a new period today.

In spite of this long and fecund past and all the researches done so far, we do not have yet a complete, photographed catalogue of the Sasanian coins preserved in the two major collections in Russia, i.e., the State Hermitage Museum in Saint Petersburg and the State Historical Museum in Moscow, published and available to scholars. These two collections are home to a total number of more than 11,000 Sasanian coins, which, taken as a whole, might be considered as the largest collection of Sasanian coins in the world. A number of these coins have been registered in the *Numismatische Zentralkartei (NZK)* in Vienna. Also, the Sasanian coins of the Hermitage collection are recorded in the photographic archive of the British Museum’s Department of Coins and Medals since 1994²⁸. Nonetheless, the establishment of the European project of *Sylloge Nummorum Sasanidarum (SNS)*, under the direction of Michael Alram and Rika Gyselen, and its new typological and stylistic standards, which are to a great extent impressed by the Viennese School of numismatics, corroborates the necessity of re-studying the Sasanian coins of the Hermitage and the Moscow Historical Museum and preparing a complete *sylloge* of them—of course in addition to a historical scrutiny of the coin’s provenance

²⁷ Loginov S. D., Nikitin A. B. Sasanian Coins of the Third Century from Merv // Mesopotamia. 1993. Vol. 28. P. 225–246; Loginov S. D., Nikitin A. B. Coins of Shapur II from Merv // Mesopotamia. 1993. Vol. 28. P. 247–269; Loginov S. D., Nikitin A. B. Sasanian Coins of the Late 4th–7th Centuries from Merv // Mesopotamia. 1993. Vol. 28. P. 271–312; Loginov S. D., Nikitin A. B. Post-Sasanian Coins from Merv // Mesopotamia. 1993. Vol. 28. P. 313–317.

²⁸ Cf.: Sarkhosh Curtis V. Some Observations on Coins of Peroz and Kavād I // Coins, Art and Chronology: Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands / Hrsg. von M. Alram, D. Klimburg-Salter. Wien, 1999. S. 303.

and the process of their entrance to the Museums, which can help to achieve an SNS-based method adapted to the Russian collections and the principles of “the Saint Petersburg School”.

Bibliography

- Bartholomaei J., de.* Conjectures sur quelques médailles sassanides, postérieures au roi Firouz. SPb., 1847.
- Bartholomaei J., de.* Classement de médailles géorgiennes au type sassanide, du point de vue de l'art. SPb., 1847.
- Bartholomaei J., de.* Extrait d'une lettre de M. Bartholomæi à M. Dorn, datée de Lenkoran, 12 mai 1857, contenant des observations numismatiques concernant les règnes de Kovad et de Khosrou I // MA. 1858. T. III. 2e livr. P. 138-148.
- Bartholomaei J., de.* Extraits des lettres de M. Bartholomæi à M. Dorn; datées de Lenkoran, 30 juin et 6 juillet et de Tiflis, 11 août 1857, de même d'une lettre de M. Khanykov, datée de Tébriz, 5 (17) juin 1857 // MA. 1858. T. III. 2e livr. P. 149-165.
- Bartholomaei J., de.* Extraits des lettres de M. Bartholomæi à M. Dorn datées de Tiflis 5, 9, 12, 16 et 26 mai 1858, contenant des observations sur la numismatique sassanide, avec des remarques de M. Dorn // MA. 1859. T. III. 4e livr. P. 349-372.
- Bartholomaei J., de.* Lettres numismatiques et archéologiques, relatives à la Transcaucasie. SPb., 1859.
- Dandamayev M., Medvedskaya I.* Lukonin, Vladimir Grigor'evich // EIr. 2009. [Electronic resource]: URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/lukonin-v-g>
- Dorn B.* Versuch einer Erklärung von drei Münzen mit Sasaniden-Gepräge // BCSHPP. 1944. T. I. № 3. Col. 33-43.
- Dorn B.* Die neueste Bereicherung des asiatischen Münzcabinettes der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften // BCSHPP. 1944. T. I. № 7. Col. 105-110 (II. Sasaniden: Col. 107-110).
- Dorn B.* Die letzte Schenkung von morgenländischen Münzen an das asiatische Museum // BCSHPP. 1944. T. I. № 17. Col. 268-272 (II. Nicht-muhammedanische, d. i. Parsen-Münzen: Col. 270-272).
- Dorn B.* Ueber einige bisher ungekannte Münzen des dritten Sasaniden-Königes Hormisdas I. // BCSHPP. 1944. T. I. № 18-19. Col. 273-294.
- Dorn B.* Bemerkungen zur Sasaniden-Münzkunde // BCSHPP. 1948. T. V. № 15. Col. 225-234.

- Dorn B.* Die Pehlewy-Münzen des asiatischen Museums der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. III. Die Münzen der Ispehbede, Chalifen und deren Statthalter // MA. 1854. T. II. 3^e livr. P. 249–263.
- Dorn B.* Noch einige Nachweisungen über Pehlewy-Münzen // MA. 1855. T. II. 4^e livr. P. 387–398.
- Dorn B.* Ueber die letzten dem Asiatischen Museum zugekommenen Pehlewy-Münzen // MA. 1856. T. II. 5^e livr. P. 608–611.
- Dorn B.* Noch einige Worte über ein auf Pehlewy-Münzen vorkommendes sogenanntes Münzzeichen oder Monogramm // MA. 1858. T. III. 3^e livr. P. 286–315.
- Dorn B.* Neue Ansichten in der Pehlewy-Münzkunde // MA. 1859. T. III. 4^e livr. P. 426–459.
- Dorn B.* Nachträge zu den neuen Ansichten in der Pehlewy-Münzkunde // MA. 1859. T. III. 4^e livr. P. 460–475.
- Dorn B.* Forschungen in der Pehlewy-Münzkunde I // MA. 1859. T. III. 6^e livr. P. 613–630.
- Dorn B.* Forschungen in der Pehlewy-Münzkunde II // MA. 1860. Tome IV. 1^e livr. P. 22–24.
- Dorn B.* Zwei dem asiatischen Museum zugekommene Münzen Erwerbungen // MA. 1869. T. VI. 1e livr. P. 141–150.
- Dorn B.* Seiben aus dem Nachlass des Gen.-Lieut. v. Bartholomaei dem Asiatischen Museum zugekommene Münzen // MA. 1873. T. VI. [5e livr.]. P. 678–680.
- Dorn B.* Collection de monnaies Sassanides de feu le Lieutenant-Général J. de Bartholomaei, représentée d'après les pièces les plus remarquables. SPb., 1873 (2e éd.: 1875).
- Dorn B.* Einige Bemerkungen zur Sasaniden-Münzkunde // MA. 1877. T. VIII. 2e livr. P. 197–201.
- Dorn B.* Sechsendachtzig Silbermünzen mit Pehlewy-Inschriften // MA. 1877. T. VIII. 2e livr. P. 269–280.
- Erdmann K.* Wie sind die Kronen der sāsānidischen Münzen zu lesen? // ZDMG. 1945–49. Bd. 99/2. S. 206–211.
- Erdmann K.* Die Entwicklung der sāsānidischen Krone // Ars Islamica. 1951. Vol. 15/16. P. 87–123.
- Frähm Chr. M.* Über eine Münze des Sassaniden Narses // St. Petersburger Zeitung. 1829. № 6.
- Göbl R.* Sasanidische Numismatik. Braunschweig, 1968.
- Herzfeld E.* Khusrau Parwēz und der Tāq i Vastān // AMI. 1938. Bd. 9. S. 91–158.

- Kolesnikov A. I.* The Quantity of Silver Coinage and Levels of Revenues in Late Sasanian Iran. P., 1999.
- Loginov S. D., Nikitin A. B.* Sasanian Coins of the Third Century from Merv // *Mesopotamia*. 1993. Vol. 28. P. 225–246.
- Loginov S. D., Nikitin A. B.* Coins of Shapur II from Merv // *Mesopotamia*. 1993. Vol. 28. P. 247–269.
- Loginov S. D., Nikitin A. B.* Sasanian Coins of the Late 4th–7th Centuries from Merv // *Mesopotamia*. 1993. Vol. 28. P. 271–312.
- Loginov S. D., Nikitin A. B.* Post-Sasanian Coins from Merv // *Mesopotamia*. 1993. Vol. 28. P. 313–317.
- Lukonin V. G.* Persia II: From the Seleucids to the Sassanids. Geneva, 1967.
- Loukonin V. G.* Monnaies d'Ardachir I et l'art officiel sassanide // *IrAnt*. 1968. Vol. 8. P. 106–117.
- Luzhetskaya, N. L.* Dorn, Johannes Albrecht Bernhard // *EIr*. 1995. Vol. VII. Fasc. 5. P. 511–513. [Electronic resource]: URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/dorn>
- Malek H. M.* A Survey of Research on Sasanian Numismatics // *NC*. 1993. Vol. 153. P. 227–269.
- Markoff A., de.* Catalogue des monnaies arsacides, subarsacides, sassanides, dabweihides, ainsi que des pièces frappées par les Ispéhbeds arabes du Tabaristan et les gouverneurs de la Perse et du Maverannah au nom des Khalifes. SPb., 1889.
- Sarkhosh Curtis V.* Some Observations on Coins of Peroz and Kavvad I // *Coins, Art and Chronology: Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands* / Hrsg. von M. Alam, D. Klimburg-Salter. Wien, 1999. P. 303–313.
- Silvestre de Sacy A.-I.* Mémoires sur diverses antiquités de la Perse et sur les médailles des rois de la dynastie des Sassanides, suivis de l'histoire de cette dynastie trad. du persan de Mirchond. P., 1793.
- Vasmer R.* Die Sasanidenmünzen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft // *SbGEG*. 1927. P. 276–286.
- Vasmer R.* Sassanian Coins in the Ermitage // *NC*. 1928. Series 5. Vol. 8. P. 249–334.
- Vasmer R.* Zur Goldmünze Saptors II von Persien // *BMB*. 1930. N.F. Bd. 10. Jg. 50. P. 9.
- Vasmer R.* Zur Münzkunde der Sasaniden // *Numismatik: Internationale Monatsschrift*. 1933. P. 109–115.
- Колесников А. И.* Иран в начале VII века. Л., 1970.

- Колесников А. И. Денежное хозяйство в Иране в VII веке. М., 1998.
- Колесников А. И. Сасанидский Иран: история и культура. СПб., 2012.
- Луконин В. Г. Иран в эпоху первых Сасанидов: Очерки по истории культуры. Л., 1961.
- Луконин В. Г. Варахран и Нарсе // ВДИ. 1964. № 1. С. 48–63.
- Луконин В. Г. Культура Сасанидского Ирана. М., 1969.
- Луконин В. Г. Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии // ВДИ. 1969. № 2. С. 20–44.
- Луконин В. Г., Зеймаль Е. В. Монеты из раскопок Кара-тепе 1961–1971 гг. // Будийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972. С. 101–103.
- Луконин В. Г. Искусство Древнего Ирана. М, 1977.
- Луконин В. Г. Иран в III веке: Новые материалы и опыт исторической реконструкции. М., 1979.
- Луконин В. Г., Раджабли А. Клад из Чохур-кабала // Луконин В. Г. Иран в III веке. М, 1979. С. 74–85. Табл. 6–19.
- Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910.

Ehsan Shavarebi, Research Fellow of the Department of Ancient Iranian Languages and Culture, Faculty of Letters and Humanities (University of Tehran; Tehran, Iran); e-mail: ehsanshavarebi@gmail.com.

Санкт-Петербургская школа и её вклад в изучение сасанидской нумизматики: прошлое и настоящее

Статья представляет собой библиографический очерк, посвящённый роли Санкт-Петербургских учёных в изучении сасанидской нумизматики с середины XIX в. до наших дней. В почти двухсотлетней истории Санкт-Петербургской школы сасанидской нумизматики автор выделяет два основных этапа: «коллекционно-каталогизаторский» период (XIX в.) и период «историко-археологической нумизматики» (советское и постсоветское время). Отмечается, что в настоящее время Санкт-Петербургская школа вступает в новый период своего развития. В статье рассмотрены основные направления деятельности Санкт-Петербургской нумизматической школы, кратко охарактеризованы представители каждого из периодов.

Ключевые слова: сасанидская нумизматика, Санкт-Петербургская школа, Государственный Эрмитаж, И. А. Бартоломей, Б. А. Дорн, А. К. Марков, В. Г. Луконин.

Эхсан Шавареби, научный сотрудник отдела древних иранских языков и культуры факультета филологии и гуманитарных наук (Тегеранский университет; Тегеран, Иран); эл. почта: ehsanshavadarebi@gmail.com

References

- Kolesnikov A. I.* Iran v nachale VII veka. L., 1970.
- Kolesnikov A. I.* Denezhnoe khozyaystvo v Irane v VII veke. M., 1998.
- Kolesnikov A. I.* Sasanidskiy Iran: istoriya i kul'tura. SPb., 2012.
- Lukonin V. G.* Iran v epokhu pervykh Sasanidov: Ocherki po istorii kul'tury. L., 1961.
- Lukonin V. G.* Varakhran i Narse // VDI. 1964. № 1. S. 48–63.
- Lukonin V. G.* Kul'tura Sasanidskogo Irana. M., 1969.
- Lukonin V. G.* Zavoevaniya Sasanidov na Vostoke i problema kushanskoj absolyutnoy khronologii // VDI. 1969. № 2. S. 20–44.
- Lukonin V. G., Zeymal' E. V.* Monety iz raskopok Kara-tepe 1961–1971 gg. // Budiyskiy kul'tovyy tsentr Kara-tepe v Starom Termeze. M., 1972. S. 101–103.
- Lukonin V. G.* Iskusstvo Drevnego Irana. M, 1977.
- Lukonin V. G.* Iran v III veke: Novye materialy i opyt istoricheskoy rekonstruktsii. M., 1979.
- Lukonin V. G., Radzhabli A.* Klad iz Chokhur-kabala // *Lukonin V. G.* Iran v III veke. M, 1979. S. 74–85. Tabl. 6–19.
- Markov A. K.* Topografiya kladov vostochnykh monet (sasanidskikh i kuficheskikh). SPb., 1910.
- Bartholomaei J., de.* Conjectures sur quelques médailles sassanides, postérieures au roi Firouz. SPb., 1847.
- Bartholomaei J., de.* Classement de médailles géorgiennes au type sassanide, du point de vue de l'art. SPb., 1847.
- Bartholomaei J., de.* Extrait d'une lettre de M. Bartholomaei à M. Dorn, datée de Lenkoran, 12 mai 1857, contenant des observations numismatiques concernant les règnes de Kovad et de Khosrou I // MA. 1858. T. III. 2e livr. P. 138–148.
- Bartholomaei J., de.* Extraits des lettres de M. Bartholomaei à M. Dorn; datées de Lenkoran, 30 juin et 6 juillet et de Tiflis, 11 août 1857, de même d'une lettre de M. Khanykov, datée de Tébriz, 5 (17) juin 1857 // MA. 1858. T. III. 2e livr. P. 149–165.
- Bartholomaei J., de.* Extraits des lettres de M. Bartholomaei à M. Dorn datées de Tiflis 5, 9, 12, 16 et 26 mai 1858, contenant des observations sur la numismatique sassanide, avec des remarques de M. Dorn // MA. 1859. T. III. 4e livr. P. 349–372.
- Bartholomaei J., de.* Lettres numismatiques et archéologiques, relatives à la Transcaucasie. SPb., 1859.
- Dandamayev M., Medvedskaya I.* Lukonin, Vladimir Grigor'evich // EIr. 2009. [Electronic resource]: URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/lukonin-v-g>.

- Dorn B.* Versuch einer Erklärung von drei Münzen mit Sasaniden-Gepräge // BCSHPP. 1944. T. I. № 3. Col. 33–43.
- Dorn B.* Die neueste Bereicherung des asiatischen Münzcabinettes der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften // BCSHPP. 1944. T. I. № 7. Col. 105–110 (II. Sasaniden: Col. 107–110).
- Dorn B.* Die letzte Schenkung von morgenländischen Münzen an das asiatische Museum // BCSHPP. 1944. T. I. № 17. Col. 268–272 (II. Nicht-muhammedanische, d. i. Parsen-Münzen: Col. 270–272).
- Dorn B.* Ueber einige bisher ungekannte Münzen des dritten Sassaniden-Königes Hormisdas I. // BCSHPP. 1944. T. I. № 18–19. Col. 273–294.
- Dorn B.* Bemerkungen zur Sasaniden-Münzkunde // BCSHPP. 1948. T. V. № 15. Col. 225–234.
- Dorn B.* Die Pehlewy-Münzen des asiatischen Museums der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. III. Die Münzen der Ispehbede, Chalfen und deren Statthalter // MA. 1854. T. II. 3e livr. P. 249–263.
- Dorn B.* Noch einige Nachweisungen über Pehlewy-Münzen // MA. 1855. T. II. 4e livr. P. 387–398.
- Dorn B.* Ueber die letzten dem Asiatischen Museum zugekommenen Pehlewy-Münzen // MA. 1856. T. II. 5e livr. P. 608–611.
- Dorn B.* Noch einige Worte über ein auf Pehlewy-Münzen vorkommendes sogenanntes Münzzeichen oder Monogramm // MA. 1858. T. III. 3e livr. P. 286–315.
- Dorn B.* Neue Ansichten in der Pehlewy-Münzkunde // MA. 1859. T. III. 4e livr. P. 426–459.
- Dorn B.* Nachträge zu den neuen Ansichten in der Pehlewy-Münzkunde // MA. 1859. T. III. 4e livr. P. 460–475.
- Dorn B.* Forschungen in der Pehlewy-Münzkunde I // MA. 1859. T. III. 6e livr. P. 613–630.
- Dorn B.* Forschungen in der Pehlewy-Münzkunde II // MA. 1860. T. IV. 1e livr. P. 22–24.
- Dorn B.* Zwei dem asiatischen Museum zugekommene Münzen Erwerbungen // MA. 1869. T. VI. 1e livr. P. 141–150.
- Dorn B.* Seiben aus dem Nachlass des Gen.-Lieut. v. Bartholomaei dem Asiatischen Museum zugekommene Münzen // MA. 1873. T. VI. [5e livr.]. P. 678–680.
- Dorn B.* Collection de monnaies Sassanides de feu le Lieutenant-Général J. de Bartholomaei, représentée d'après les pièces les plus remarquables. SPb., 1873 (2e éd.: 1875).
- Dorn B.* Einige Bemerkungen zur Sasaniden-Münzkunde // MA. 1877. T. VIII. 2e livr. P. 197–201.
- Dorn B.* Sechsendachtzig Silbermünzen mit Pehlewy-Inschriften // MA. 1877. T. VIII. 2e livr. P. 269–280.
- Erdmann K.* Wie sind die Kronen der sāsānidischen Münzen zu lesen? // ZDMG. 1945–49. Bd. 99/2. S. 206–211.

- Erdmann K.* Die Entwicklung der sāsānidischen Krone // *Ars Islamica*. 1951. Vol. 15/16. P. 87–123.
- Frühn Chr. M.* Über eine Münze des Sassaniden Narses // *St. Petersburger Zeitung*. 1829. № 6.
- Göbl R.* Sasanidische Numismatik. Braunschweig, 1968.
- Herzfeld E.* Khusrau Parwēz und der Tāq i Vastān // *AMI*. 1938. Bd. 9. S. 91–158.
- Kolesnikov A. I.* The Quantity of Silver Coinage and Levels of Revenues in Late Sasanian Iran. P., 1999.
- Loginov S. D., Nikitin A. B.* Sasanian Coins of the Third Century from Merv // *Mesopotamia*. 1993. Vol. 28. P. 225–246.
- Loginov S. D., Nikitin A. B.* Coins of Shapur II from Merv // *Mesopotamia*. 1993. Vol. 28. P. 247–269.
- Loginov S. D., Nikitin A. B.* Sasanian Coins of the Late 4th – 7th Centuries from Merv // *Mesopotamia*. 1993. Vol. 28. P. 271–312.
- Loginov S. D., Nikitin A. B.* Post-Sasanian Coins from Merv // *Mesopotamia*. 1993. Vol. 28. P. 313–317.
- Lukonin V. G.* Persia II: From the Seleucids to the Sassanids. Geneva, 1967.
- Loukonin V. G.* Monnaies d’Ardachir I et l’art officiel sassanide // *IrAnt*. 1968. Vol. 8. P. 106–117.
- Luzhetskaya N. L.* Dorn, Johannes Albrecht Bernhard // *EI*. 1995. Vol. VII. Fasc. 5. P. 511–513. [Electronic resource]: URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/dorn>.
- Malek H. M.* A Survey of Research on Sasanian Numismatics // *NC*. 1993. Vol. 153. P. 227–269.
- Markoff A., de.* Catalogue des monnaies arsacides, subarsacides, sassanides, dabweihides, ainsi que des pièces frappées par les Ispéhbeds arabes du Tabaristan et les gouverneurs de la Perse et du Maveran-nahr au nom des Khalifes. SPb., 1889.
- Sarkhosh Curtis V.* Some Observations on Coins of Peroz and Kavād I // *Coins, Art and Chronology: Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands* / Hrsg. von M. Alram, D. Klimburg-Salter. Wien, 1999. P. 303–313.
- Silvestre de Sacy A.-I.* Mémoires sur diverses antiquités de la Perse et sur les médailles des rois de la dynastie des Sassanides, suivis de l’histoire de cette dynastie trad. du persan de Mirchond. P., 1793.
- Vasmer R.* Die Sasanidenmünzen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft // *SbGEG*. 1927. P. 276–286.
- Vasmer R.* Sassanian Coins in the Ermitage // *NC*. 1928. Series 5. Vol. 8. P. 249–334.
- Vasmer R.* Zur Goldmünze Sapers II von Persien // *BMB*. 1930. N. F. Bd. 10. Jg. 50. P. 9.
- Vasmer R.* Zur Münzkunde der Sasaniden // *Numismatik: Internationale Monatsschrift*. 1933. P. 109–115.

О. Э. Душин

СХОЛАСТЫ ОБ USURA: ДИСКУРС СОВЕСТИ И ЭТОС СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ¹

В статье рассматривается проблема этической оценки ростовщичества с точки зрения христианской моральной теологии схоластики. При этом автор обращает внимание на определённую корреляцию между формированием этоса средневековых городов и развитием схоластического дискурса совести.

Ключевые слова: ростовщичество, схоластика, казуистика, дискурс совести, этос средневековых городов.

Обращение к такой злободневной финансовой процедуре, как кредитование, и её историческому бытованию в качестве ростовщичества (*usura*) в рамках средневековой культуры обнаруживает, что данная деятельность стала предметом особого этического анализа в традиции схоластической моральной теологии и в последующих философских учениях. Например, Фридрих Ницше признавал за системой экономической калькуляции особое значение для развития всего человеческого мышления. В небольшом, но ярком трактате «К генеалогии морали» немецкий философ выводит перспективу формирования самосознания человека исключительно из процедур финансового характера. В частности, он пишет: «Устанавливать цены, измерять ценности, измышлять эквиваленты, заниматься обменом — это в такой степени предвосхищало начальное мышление человека, что в известном смысле и было *самим* мышлением: здесь вырабатывались древнейшие повадки сообразительности, здесь хотелось бы усмотреть и первую накипь человеческой гордости, его чувства превосходства над прочим зверьём»².

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 16-03-00099 «Свобода и субъективность в реформационном учении Мартина Лютера и в философии Нового времени».

² Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Сочинения. М., 1990. Т. 2. С. 449.

Первая ступень утверждения экономических навыков человека, согласно Ф. Ницше, связана с признанием необходимости возврата заимствованного (будь то деньги, вещи, услуги или товары). При этом общество обеспечивает его членам защиту и стабильность существования, предоставляя возможность получения кредита. Тем не менее, обратная сторона такого рода «комфортной» ситуации заключается в том, что если заимствующий не желает возвращать полученные ценности или в силу объективных причин не способен вернуть их, то общество обрушивается на него со всей суровостью закона, его подвергают ostracism и исторгают как преступника. Дело в том, что несоблюдение правил заимствования приравнивается к нарушению незыблемого права частной собственности и ведёт к строгому юридическому преследованию. Однако с развитием общества в отношении к должникам формируется более мягкая и умеренная позиция, когда социум призывает прощать прошттрафившихся подобным образом людей.

Философ утверждает: на этой новой ступени социального генезиса начинает преобладать идея целого, подразумевающая предоставление защиты не только невиновным, но и тем, кто виновен в совершении определённых финансовых преступлений. Мыслитель в этой связи пишет, что «справедливость, начавшая с того, что “ всё подлежит уплате, всё должно подлежать уплате”, кончает тем, что смотрит сквозь пальцы и отпускает неплатежеспособного, — она кончает, как и всякая хорошая вещь на земле, *самоупразднением*. Это самоупразднение справедливости — известно, каким прекрасным именем оно себя называет: *милостью* — остаётся, как это разумеется само собой, преимуществом наиболее могущественного, лучшего того, потусторонностью его права»³. Таким образом, кредитор, «милостиво» соглашающийся простить должника, приобретает особую социальную диспозицию, гарантированную актом милосердия, хотя, на самом деле, оно в полной мере оплачено самим заимствующим.

Для данного исследования особый интерес представляет концепция кредитования и заимствования, которая в понимании немецкого философа является некоторой изначальной практикой межчеловеческих отношений, разворачивающей-

³ Ницше Ф. Указ. соч. С. 452.

ся в направлении торжества закона и укрепления правовой стабильности в обществе, где «милосердие» становится основным нравственным критерием и своеобразным лейблом социально-экономической деятельности людей.

В свою очередь, формирование и развитие городов в период расцвета средневековой западноевропейской культуры XII–XIII вв. привело к появлению многих новых проблем, в том числе финансового толка. Развитие ремесленного производства, торговли, различные потребности самой Церкви (например, денежное обеспечение Крестовых походов), нужды городской знати и феодальной аристократии делали тему кредитования всё более актуальной. В этом контексте средневековое нравственное богословие характеризовалось, как подчёркивает британский исследователь У. Д. Эшли, «всё расширяющимся охватом, посвящённым обсуждению экономических вопросов в общих теологических трактатах, и ещё более примечательно в руководствах по казуистике для применения исповедниками, и в учебниках канонического права для использования церковными юристами»⁴. В самом деле, финансово-экономические вопросы неизбежно проникали в практику церковной жизни, в систему покаянной дисциплины верующих, в повседневные нужды монастырей, в существование многочисленной армии приходских кюре. Но при этом ростовщичество являлось одной из главных проблем, поскольку в книгах как Ветхого (Втор. 23:19–20; 19; Лев. 25:35–37:35; Пс. 15 (14); Ис. 22:25; Втор. 15:7–10; Ам. 8:4–6), так и Нового (Лк. 6:35) Завета на него возлагались вполне определённые запреты.

Тем самым, начиная с эпохи патристики, христианские богословы утверждали, что ростовщичество противоречит Божьим заповедям, оно ассоциировалось с властью «презренного металла» (*turpe lucrum*), а «интерес» за использование денег (*usura*) воспринимался как проявление жадности (*avaritia*), воровства или господства греха над справедливостью. Однако если в Ветхом Завете запрет на ростовщичество распространялся исключительно на братьев по вере, но приветствовался в отношении иноземцев как средство борьбы с ними, то христианские мыслители стали рассматривать его в качестве

⁴ Ashley W. J. *An Introduction to English Economic History and Theory*. L., 1893. P. 382.

неизменного правила для всех людей. Амвросий Медиоланский (ок. 340–397) объяснял требования Второзакония тем, что иудеи жили в окружении врагов, а посему логика их действий была обусловлена военным положением, но в христианском мире не может быть двойной морали. Иную версию толкования данного текста предложил Рабан Мавр (ок. 780–856), утверждавший, что под «братьями» необходимо понимать всех католиков, а под «иноземцами» — преступников и бандитов.

Все известные богословы Средневековья от Августина и Ансельма Кентерберийского до Петра Ломбардского и Фомы Аквинского воспринимали ростовщичество как несправедливую деятельность, которую напрямую отождествляли с мошенничеством и грабежом⁵. В понимании схоластов пагубное значение этой деятельности было обусловлено тем, что ростовщик, предоставляя деньги в заём на определённый срок, по сути, требовал оплаты того времени, в пределах которого использовались его средства, что противоречило пониманию времени как божественного творения. Кроме того, проблема заключалась и в том, что получаемая прибыль не была связана с честным трудом, так как средства зарабатывались лишь за счёт использования денег. «Церковь осуждала процентные займы и без конца напоминала, что деньги не должны делать деньги», — подчёркивает французский учёный Жак Эрс⁶. Таким образом, различные библейские тексты, сочинения Отцов Церкви, трактаты известных схоластов, многочисленные декреты Соборов формировали исключительно отрицательное отношение к занятию ростовщичеством.

Уже церковный капитулярий 806 г. однозначно определяет суть ростовщичество как несправедливое действие, «когда больше спрашивается, чем даётся»⁷. На протяжении всего

⁵ Подробный анализ концепции Фомы Аквинского и соответствующую экспликацию истории развития учения католической Церкви о ростовщичестве см.: *Стецюра Т. Д.* Хозяйственная этика Фомы Аквинского. М., 2010. С. 228–246. В работе также представлен объёмный библиографический список оригинальных источников, зарубежной и отечественной исследовательской литературы по данной теме (с. 266–291).

⁶ Эрс Ж. Рождение капитализма в Средние века: менялы, ростовщики и крупные финансисты. СПб., 2014. С. 92.

⁷ Noonan J. T. Jr. *The Scholastic Analysis of Usury*. Cambridge (Mass.), 1957. P. 15.

Средневековья налагались строгие запреты на любые формы ростовщичества; такие резолюции звучали на II Латеранском Соборе 1139 г., на III Латеранском Соборе 1179 г., на IV Латеранском Соборе 1215 г., Лионском Соборе 1274 г., Венском Соборе 1311 г. и т. д. При этом ростовщиков стали рассматривать в качестве духовных чужаков, их не допускали к причастию и отказывали в погребении на освящённых христианских кладбищах, т. к. их деятельность ассоциировалась со смертным грехом и гибелью души. Ростовщикам запрещалось завещать свои деньги даже на нужды благотворительности. Для духовного спасения от них требовали возвращения всех неправомерно нажитых средств. К тому же в средневековых ехемпла было представлено множество рассказов об адских мучениях ростовщиков.

Какие бы запреты не провозглашались со стороны Церкви, активное развитие городов диктовало необходимость формирования системы займов и кредитов, что, в конечном счёте, вынуждало схоластов прибегать к поиску новых богословских подходов и решений. Данная финансово-экономическая проблематика находила отражение в самых разных жанрах средневековой христианской литературы от покаянных книг и исповедальных пособий до схоластических сочинений «о случаях совести» и специальных трактатах “*De usuris*”. Сталкиваясь с новыми вызовами городской жизни, Церковь стремилась реализовать систему нравственного контроля, инкорпорируя в сознание верующих с помощью таинства исповеди и покаяния строгие этические нормы и моральные принципы. В этой связи авторитетный немецкий социолог Вернер Зомбарт отмечал, что «когда с ростом капитализма сношения распространились на большие пространства, к солидности стала побуждать купца, в конце концов, одна совесть. И пробудить эту совесть было задачей Церкви. Она осуществляла это, осуждая все бесчестные уловки при заключении договоров как грех: *mortaliter peccant*, смертный грех совершают те, кто “с ложными уверениями, обманами и двусмысленностями” ведёт торговлю»⁸. Исповедальные вопросы о нравственных переживаниях и состоянии совести верующих являлись основой всей системы церковной покаянной дисциплины, они затрагивали

⁸ Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 1994. С. 185.

различные стороны повседневной жизни прихожан, включая, разумеется, финансовые проблемы, но, в конечном счёте, соотносили их с самым главным — с делом спасения.

Тем самым в традиции средневековой католической Церкви складывается особое направление моральной теологии, в рамках которого всё внимание схоластов концентрируется на различных «случаях совести» (*casus conscientiae*), из чего следует его общее название «казуистика». Эти нравственные исследования и дискурс совести, с одной стороны, формировали доктрину и определяли практику церковной жизни, с другой стороны, отвечали на запросы динамично развивавшейся средневековой городской культуры. В отношении данных интеллектуальных стратегий схоластов Альберт Джонсен и Стивен Тулмин указывают, что «случаи, которые они рассматривали, были подлинными проявлениями новых социальных, культурных и экономических условий; моральные аргументы, которые они разрабатывали в связи с этими прецедентами, были честными усилиями, направленными на то, чтобы побуждать совесть правителей, прелатов и банкиров»⁹.

С Петра Абеляра (1179–1142) основополагающий статус в экспликации смыслов средневековой этики приобретает «намерение» (интенция); признаётся, что нравственная оценка поступка задаётся не столько самим совершенным актом, сколько, прежде всего, его интеллектуальным умыслом, внутренним основанием, которое определяет греховность даже не состоявшегося действия. Подобный подход распространялся и на нравственную оценку ростовщичества. «Особое значение, — пишет в этой связи А. Я. Гуревич, — придавалось умыслу: ошибка в назначении цены ещё сама по себе не была грехом, существенно состояние совести участников сделки. Ростовщичество начинается с надежды на прибыль, и все увёртки и ухищрения, направленные на сокрытие полученных процентов, не могут спасти душу ростовщика»¹⁰. Причём справедливое вознаграждение или добровольная помощь, оказываемые кредитополучателем в качестве знака благодарности, считались ростовщичеством, если кредитор заранее рассчитывал на такой акт. В целом, следует признать,

⁹ *Jonsen A. R., Toulmin S. The Abuse of Casuistry. A History of Moral Reasoning. Berkley; Los Angeles; L., 1988. P. 194.*

¹⁰ *Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 257.*

что эти строгие церковные требования, пусть и отличные от практических нужд городских прихожан, формировали своеобразный протобуржуазный этос средневековых европейских городов, создавали соответствующие моральные условия и нравственные основания социальной дисциплины, регламентировавшей трудовую и финансовую деятельность бюргеров, стратегии развития их бизнеса и повседневную рутину.

В данной перспективе в изысканиях средневековых схоластов появлялись всё более тонкие интерпретации, которые не просто воспроизводили принципы Откровения и постулаты церковных Соборов, а обосновывали случаи против *usura*, апеллируя к пониманию природы человека и самих вещей, различали виды кредита и пытались установить, какие акты являются справедливыми, а какие — нет. В этой связи схоласты стали рассматривать требования естественной справедливости в рамках конкретных финансово-экономических обстоятельств различного рода предпринимательской и профессиональной деятельности людей. Именно в средневековый период возникает теория законного «интереса» и осмысляются разные виды кредитования. В частности, как указывалось, возникает вопрос о намерении осуществления того или иного займа, что является нравственной интенцией подобного действия: человеческая взаимопомощь, братское милосердие, в основании коих лежит принцип любви к Богу, либо стремление наживы, желание получить прибыль и обрести выгоду. При этом финансовая помощь только ради извлечения прибыли считалась смертным грехом.

В свою очередь, в юридической школе Болоньи было установлено принципиальное различие между выплатами за аренду (*рента*) и ростовщичеством (доходы от денежного займа). Дивиденды, получаемые от сданной в аренду собственности, рассматривались в качестве прибыли за «упущенную» выгоду, как если бы владелец использовал её сам. В этой связи в «Декретах» Грациана было представлено известное толкование, что *ссуда* (*mutuum*) называется так от того, что мое (*meum*) становится твоим (*tuum*). «Именно усилие схоластических авторов объяснить, раскрыть и применить позитивное учение Церкви вылилось в естественно-правовой анализ ростовщичества», — подчёркивает Джон Нунан¹¹. Притом схо-

¹¹ Noonan J. T. Jr. Op. cit. P. 3.

ласты всегда были ориентированы на правовой дискурс, на скрупулёзную экспликацию юридической составляющей всех социально-экономических вопросов. «Твёрдая убежденность в рациональности, неизменности и универсальности закона является, — отмечает Д. Нунан, — основой схоластического подхода ко всем проблемам; и именно в этом более широком контексте должны рассматриваться их дискуссии о любом частном нравственном вопросе»¹².

В этой связи уже к концу XII в. в доктрине католической Церкви складывается чёткое понимание того, что ростовщичество является таким действием, когда требуют вернуть сверх того, что было одолжено. В данном контексте ростовщичество воспринималось как грех, запрещённый Ветхим и Новым Заветом; всякая надежда на обретение благ, превышающих взятые в заём, считалась грехом; соответственно, средства, полученные таким образом, должны были быть возвращены их законным владельцам в полном объёме. При этом повышение цены на продажу в кредит также рассматривалось как скрытое ростовщичество. Тем самым предполагалось, что давать займы нуждающимся следует только на основании любви к Богу и из милосердия. Однако прибыль как таковая не осуждалась: например, купец мог установить цену, превышающую ту, за которую лично купил товар, что воспринималось в качестве оплаты его труда. Так возникает формула, что всякое ростовщичество является прибылью, но не всякая прибыль есть ростовщичество.

В XIII в. к средневековой дискуссии о ростовщичестве был привлечён авторитет Аристотеля («Философа»). Его рассуждения о деньгах как мере всеобщего обмена вещей из «Никомаховой этики» (1133a) и крайне негативные оценки деятельности ростовщиков из «Политики» (1256b–1258b) дополнили картину средневекового схоластического дискурса¹³. Впервые на эти аристотелевские тексты обратил внимание Альберт Великий (1200–1280) и ввёл их в дискуссии схоластики. В свою очередь, Вильгельм Осерский (1150–1231) признавал ростовщичество действием против естественного закона и утверждал, что по своей сути оно является несомненным злом. Отсюда запрет на ростовщичество был более строг, чем даже

¹² Noonan J. T. Jr. Op. cit. P. 21.

¹³ См.: Аристотель. Сочинения. М., 1983. Т. 4. С. 155–156, 388–395.

на убийство, т. к. при убийстве можно обнаружить смягчающие и оправдывающие обстоятельства, тогда как взимание процента не имеет никакого оправдания.

Особое влияние, как и по многим другим вопросам, приобрела позиция Фомы Аквинского (1225–1274), который чётко заявлял, что «взимание денег с какого-либо человека является исключительным злом, так как мы должны рассматривать каждого человека как нашего ближнего и брата» (Сумма Теологии. II II 78; 1 ad 2)¹⁴. Согласно средневековому схоласту, всякая форма предпринимательства, как подчёркивает А. Я. Гуревич, должна была «строиться на основе взаимной помощи и эквивалентности служб и услуг, но не на односторонней выгоде и эксплуатации»¹⁵. Следуя Аристотелю, Аквинат признавал значение денег в качестве всеобщей меры благ, но при этом настаивал на том, что их нельзя продавать. Деньги как мера благ одни и те же в любое время, сами по себе они не могут продаваться, нельзя отделять использование денег в качестве меры благ от их субстанции. Причём если речь идет об использовании (аренде) дома, лошади и т. д., то данный процесс ведёт к изнашиванию вещей, тогда как деньги при осуществлении процедуры займа не изнашиваются. Тем самым, выступая за запрет денежного кредита, Фома Аквинский признаёт возможность аренды вещей с уплатой соответствующего вознаграждения за износ при их использовании. Это имело принципиальное значение для развития новых подходов к идее аренды и кредитования, и, в конечном счёте, к usura как процедуре удовлетворения денежного интереса.

Соответственно, Раймунд Пенафорте (1180–1278), автор нескольких трактатов по вопросам таинства исповеди, включая работу “De usuris”, утверждал, что должно давать займы нуждающимся ближним только во имя Бога и исключительно из милосердия. Таким образом, он также ставит вопрос о нравственном намерении осуществления процедуры денежного займа. При этом извлечение несправедливой прибыли признаётся смертным грехом. Тем не менее, именно Пенафорте выдвигает в качестве критерия справедливости денежной ссу-

¹⁴ Summa Theologica by St. Thomas Aquinas / Transl. by the Fathers of the English Dominican Province [1947]. [Electronic resource]: URL: <http://www.sacred-texts.com/chr/aquinas/summa/sum334.htm> (date of access: 07.07.2016).

¹⁵ Гуревич А. Я. Указ. соч. С. 251.

ды риск (*resicum, risicum, riscus*) осуществления тех или мероприятий (например, морской торговли и т. д.). Кроме того, к финансовым проблемам обращались такие известные позднесредневековые схоласты, как Николай Орем (ок. 1330–1382), автор трактата «О происхождении, сущности и обращении денег», Жан Жерсон (1363–1429), которому принадлежит сочинение «О контрактах» (1420), и даже святые Антоний Флорентийский (1389–1439) и Бернардин Сиенский (1380–1444). Так, св. Бернардин призывал давать займы и одалживать вещи просто в силу христианских чувств милосердия и взаимопомощи. Он считал, что ростовщичество не только не является чем-то необходимым, а, напротив, наносит вред и оказывает разрушительное воздействие на общество, т. к. добродетельные люди, ведущие праведную жизнь, никогда не станут прибегать к кредитам.

При всех нюансах схоластических дискуссий средневековая богословская теория и реальная практика жизни городов принципиально расходились, как, впрочем, и во многих других отношениях. Ростовщичество, хотя и запрещалось Церковью, вполне нормально развивалось, и в рамках городских ландшафтов можно было найти лавки менял, которые, в частности, занимались выдачей займов под процент. Правда, стоит отметить, что кредиты в Средние века были очень дорогими — от 30 до 43,5 % годовых¹⁶. Данная деятельность, воспринимавшаяся в церковных канонах исключительно негативно, часто переносилась на плечи иудеев, что вызывало отрицательное отношение к ним. Согласно церковным предписаниям, христиане были обязаны строго бойкотировать иудеев, занимающихся ростовщичеством, а те, в свою очередь, должны были платить особые пени в казну христианской Церкви. Тем не менее, на практике ни те, ни другие по большей части этому не следовали. При всём том Жак Ле Гофф отмечает, что уже на рубеже XII–XIII вв. произошло вытеснение иудеев из данной сферы¹⁷. В частности, ростовщичеством активно занимались ломбардцы. Так или иначе, несовпадение церковных требований с реалиями жизни не означало принижения христианской религиозности; поскольку эти предпри-

¹⁶ Noonan J. T. Jr. Op. cit. P. 34.

¹⁷ Ле Гофф Ж. Средневековые и деньги: Очерк исторической антропологии. СПб., 2010. С. 84.

сания относились к морально-духовному измерению, то для священников и богословов принципиальное значение имело нравственное увещание, обращённое к состоянию совести верующих и связанное с их смертными грехами и надеждами на спасение.

Как известно, родоначальник Реформации Мартин Лютер признавал в качестве справедливой цену за кредит примерно 4 %¹⁸. Согласно его представлениям, право частной собственности основывается на том, что Христос призывает верующих помогать ближним, но для того, чтобы что-то дать, я должен чем-то обладать. Тем самым, христианин может владеть собственностью, но внутренне он должен оставаться свободным и быть готовым к пожертвованиям во имя Бога и ближних, находящихся в нужде. При этом Лютер в целом высоко ценил трудовую деятельность человека и настаивал на том, что при любой работе люди обязаны усердно использовать разум и следовать своей совести. В данном контексте он считал, что инвестирование капитала и получение денежной прибыли без труда является аморальным, поэтому он отдавал предпочтение сельскому хозяйству, а не торговле и коммерции.

Заключая, следует ещё раз подчеркнуть, что средневековая схоластика приобрела строго дискурсивный характер; в рамках моральной теологии и казуистики всякое рассуждение эксплицировалось посредством чётких логико-дедуктивных умозаключений на ясных основаниях, обусловленных соответствующими авторитетами, сложившимися теориями, концепциями и т. д. В таком виде тема интерпретации ростовщичества имела прямое соизмерение с существующими формами закона — от предписаний Божественного Откровения до естественного человеческого права и конкретных стратегий реализации общественных нравственных норм. В этом смысле схоласты были строгими законниками и ещё до свершений социальной мысли Нового времени с его суровыми политическими практиками и жёсткими философскими дискуссиями, развернувшимися вокруг понимания государства, воспринимаемого, в частности, в образе Левиафана, и человека как гражданина, реализовали некоторые принципиальные установки европейской правовой культуры и заложили основы моральной регламентации деятельности индивида.

¹⁸ См.: *Althaus P.* The Ethics of Martin Luther. Philadelphia, 1972. P. 108.

Источники

- Аристотель*. Никомахова этика // *Аристотель*. Сочинения. Т. 4. М., 1983. С. 53–293, 375–644.
- Аристотель*. Политика // *Аристотель*. Сочинения. Т. 4. М., 1983. С. 375–644.
- Summa Theologica* by St. Thomas Aquinas / Transl. by the Fathers of the English Dominican Province [1947]. [Electronic resource]: URL: <http://www.sacred-texts.com/chr/aquinas/summa/sum334.htm> (date of access: 07.07.2016).

Литература

- Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Зомбарт В.* Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 1994.
- Ле Гофф Ж.* Средневековье и деньги: Очерк исторической антропологии. СПб., 2010.
- Ницше Ф.* К генеалогии морали // *Ницше Ф.* Сочинения. Т. 2. М., 1990. С. 407–524.
- Стецюра Т. Д.* Хозяйственная этика Фомы Аквинского. М., 2010.
- Эрс Ж.* Рождение капитализма в Средние века: менялы, ростовщики и крупные финансисты. СПб., 2014.
- Althaus P.* The Ethics of Martin Luther. Philadelphia, 1972.
- Ashley W. J.* An Introduction to English Economic History and Theory. Part II. The End of the Middle Ages. L., 1893.
- Noonan J. T. Jr.* The Scholastic Analysis of Usury. Cambridge (Mass.), 1957.
- Jonsen A. R., Toulmin S.* The Abuse of Casuistry. A History of Moral Reasoning. Berkley; Los Angeles; L., 1988.

Душин Олег Эрнестович, профессор кафедры истории философии, доктор философских наук (Санкт-Петербургский государственный университет; Санкт-Петербург, Россия); эл. почта: odushin@mail.ru.

Scholastics about Usura: Discourse of Conscience and Ethos of Medieval Towns

The article deals with the problem of ethical evaluation of usury from the position of medieval scholasticism. Initially, author explicates a philosophical interpretation of the financial lending presented in the treatise “On the Genealogy of Morality” of F. Nietzsche. Further, the study notes that the formation of lending in the medieval Western Europe was due to the emergence of cities. Besides, author recognizes that economic

issues were inevitably penetrated into the life of the Church. However the article emphasizes that in the Bible and in the works of the Church Fathers usury perceived negatively. In turn, the detrimental significance of this activity in the views of scholastic thinkers consisted in the fact that lender, providing money for a certain period, demanded payment for the time when his funds were used, but it was contrary to the understanding of time as a divine creation. Plus, the author says that for the development of urban trade and handicraft production have been required loans, so the medieval scholars were forced to find the theological solutions that could justify the activity of lenders. In this regard, the article informs that a legal theory of “interest” and the understanding of different types of loans were proposed in the medieval scholasticism. Sum up, author concludes that the scholastics have implemented some basic installation of Western legal culture and the moral regulation of human activity.

Key words: usury, scholasticism, casuistry, discourse of conscience, ethos of medieval towns.

Oleg Dushin, Professor of the Department of History of Philosophy, Doctor of Philosophical Sciences (Saint-Petersburg State University; Saint Petersburg, Russia); e-mail: odushin@mail.ru.

References

- Gurevich A. Ya. *Kategorii srednevekovoy kul'tury*. M., 1972.
- Zombart V. *Burzhua. Etyudy po istorii dukhovnogo razvitiya sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka*. M., 1994.
- Le Goff Zh. Srednevekov'e i den'gi: Ocherk istoricheskoy antropologii*. SPb., 2010.
- Stetsyura T. D. Khozyaystvennaya etika Fomy Akvinskogo*. M., 2010.
- Ers Zh. Rozhdenie kapitalizma v Srednie veka: menyaly, rostovshchiki i krupnye finansisty*. SPb., 2014.
- Althaus P. The Ethics of Martin Luther*. Philadelphia, 1972.
- Ashley W. J. An Introduction to English Economic History and Theory. Part II. The End of the Middle Ages*. L., 1893.
- Noonan J. T. Jr. The Scholastic Analysis of Usury*. Cambridge (Mass.), 1957.
- Jonsen A. R., Toulmin S. The Abuse of Casuistry. A History of Moral Reasoning*. Berkley; Los Angeles; L., 1988.

V. M. Hirvonen

THE MYSTIC JEAN GERSON ON THE DANGERS ON THE WAY TO THE HOLINESS: CAN TOO STRONG ASCETICISM LEAD TO MENTAL DISORDER?

Gerson is interested in inappropriate asceticism's (and even contemplation's) connection to mental disorders. He warns that excessive abstinence may generate lesions of the brain and in that way cause madness.

Key words: Jean Gerson, mental disorder, abstinence, contemplation.

Jean Gerson (1363–1429), a theologian, philosopher and Chancellor of the University of Paris, as well as being a mystic, was a boy of the Church: he wanted to reform the Church in many ways, and one way for that was to educate people, starting from children, in order to make them pious, devoted people serving God¹.

Gerson recognized also dangers in the Christians' way to the holiness. In several of his writings, he paid attention to the mental disorders². He thought that sometimes the person himself or herself may indirectly cause his or her own mental disorder. To put it more accurately, the behaviour which a person chooses may lead to mental disorder.

Gerson warns that it is obviously dangerous for a human being to surrender to imaginings or fantasies. Bad habits generated by acts of the imagination, can harm the imaginative power and consequently the whole human being, in such a way that the person becomes like a beast³. According to Gerson, every freely flowing

¹ For Gerson's carrier and personal life, see *Gerson J. Early Works / Transl. and intr. by B. McGuire*. N. Y.; Mahwah, 1998. P. 4–21; *McGuire B. P. Jean Gerson and the Last Medieval Reformation*. University Park (PA), 2005; *McGuire B. P. In Search of Jean Gerson: Chronology of His Life and Works // A Companion to Jean Gerson / Ed. by B. P. McGuire*. Leiden; Boston, 2006. P. 1–39.

² *Hirvonen V. Late Medieval Philosophical and Theological Discussions of Mental Disorders: Witelo, Oresme, Gerson (manuscript)*.

³ "Rursus apparet quam periculosum sit homini dimittere se nimis

imagination has its insanity or drunkenness and such as a demonic passion, as Origen puts it. Such an imagination can totally pervert a person's judgment of reason. This is evident, Gerson states, in the case of impatient in whom "patience, when too often outraged, is converted into fury," like the proverb says⁴.

On the other hand, Gerson refers to the dangers of excessive abstinence. It may lead to lesions of the brain, perturbation of reason and even to mania, fury, melancholy or frenzy. Then the phantasms reserved in the brain are there so intensively that people think they see, hear and touch things that they have not factually sensed with their exterior senses. Gerson states that this effect sometimes strengthens, until it reaches such insanity that people believe themselves to be something other than they are: a cat, a cock, an ass, even a dead person⁵. Here Gerson again

labi et profundari in imaginationes vel phantasias, praesertim vitiosas et circa peritura semperque labentia, ut sunt beneficia, honores et divitiae; nam cum generentur habitus ex actibus frequentatis et habitus causent, naturaliter fit ut pondere suae inclinationis sic immutent imaginativam virtutem et ex consequenti totum hominem quod necessitate quadam trahitur homo velut brutum, quemadmodum fit in illis quos Philosophus bestiales appellat" (*Gerson J. De passionibus animae*, in *L'oeuvre doctrinale*, introduction, texte et notes par Mgr Glorieux. *Oeuvres complètes* (OC). 9. P. etc., 1973. P. 20–21).

⁴ "Sic utique verum est quod omnis imaginatio profundata habet suam insaniam vel ebrietatem et quasi daemonicam passionem sicut dicit Origenes; laedit quoque notabiliter seu pervertit totaliter iudicium rationis; patet in philocaptis, patet in ambitiosis, in avaris, in invidis, in impatientibus in quibus verificatur illud proverbium: furor fit laesa saepius patientia" (Ibid. P. 21). Gerson refers to this also in his "De probatione spirituum" (*Gerson J. De passionibus animae*. P. 180). In accordance with his line, Gerson attacked severely Jean de Meun's poem "The Romance of the Rose". The poem celebrated "insane love" which Gerson considered as a moral vice. For Gerson's and his contemporaries' discussion on this poem, see: *Le débat sur le Roman de la rose*. Christine de Pisan, Jean Gerson, Jean de Montreuil, Gontier et Pierre Col / *Édition critique introduction, traductions, notes par Eric Hicks*. Bibliothèque du XVe siècle 43. P., 1977.

⁵ "...Excessus in abstinencia; quia morbos affert incurabiles ex laesione cerebri et rationis perturbatione, quo fit ut per maniam aut furiam vel caeteras passiones melancolicas sic profundantur et intime radicantur phantasmata interius reservata in cerebro, quod esse reputantur verae res extrinsecus apparentes, et audire se putat homo, videre vel tangere quod nullo modo sensu exteriori percipitur. Invalescit autem haec passio usque ad hanc aliquando insaniam ut iudicet se homo aliud esse quam

refers to the case of Nebuchadnezzar: Many authorities have thought that Nebuchadnezzar suffered from this kind of disease when he thought himself to be a brute animal⁶. Gerson continues that medical books are full of such monstrous apparitions and disturbances in the power of judgment resulting from lesion in the interior powers. People having them need medical care⁷. Gerson also refers to Oresme's writings of this subject⁸. Gerson tells he has even examined many who in most matters seem to be of sound mind, but whose damages in their powers of fantasy sometimes manifest themselves in their reactions⁹.

In his letter to a hermit called Antoine, Gerson says that a person's abstinence should not be so excessive that it destroys the body and impedes the use of reason by debilitating and evacuating the brain and triggering melancholic insanities. Gerson warns Antoine that it is less likely that sanity will be restored after the power of reason has been upset¹⁰. Even in cases where magicians

est; quemadmodum repertus est qui se murilegum, alius qui se gallum, alius qui se asinum, alius qui se mortuum reputaret" (*Gerson J. De distinctione verarum revelationum a falsis*, in *L'oeuvre magistrale*, introduction, texte et notes par Mgr Glorieux. *Oeuvres complètes* (OC). 3. P. etc., 1962. P. 44). Earlier in the same text, Gerson tells about a woman who practised extreme asceticism because of vanity and was in danger of becoming insane (ibid. P. 43; *Gerson J. Traité des diverses tentations de l'ennemi*, in *L'oeuvre française*, introduction, texte et notes par Mgr Glorieux. *Oeuvres complètes* (OC). 7. P. etc., 1966. P. 803).

⁶ "Unde fuerunt nonnulli doctorum qui hac aegritudine percussum arbitrati sunt fuisse ipsum Nabuchodonosor, ut brutum animal se esse crederet et non veraciter induerit corpus belluinum" (*Gerson J. De distinctione verarum...* P. 44).

⁷ Ibid.

⁸ *Gerson J. In festo S. Michaelis Archangeli*, in *L'oeuvre oratoire*, introduction, texte et notes par Mgr Glorieux. *Oeuvres complètes* (OC). 5. P. etc., 1963. P. 312. See also: *Hansen B. Nicole Oresme and the Marvels of Nature. A Study of his De causis mirabilium with Critical Edition, Translation, and Commentary*, *Studies and Texts* 68. Toronto, 1985. P. 116-117.

⁹ *Gerson J. De distinctione verarum...* P. 44.

¹⁰ "Item sit abstinentia tua sic moderata quod nec sit onerosa purae mentis elevationi per nimiam ingurgitationem et repletionem, nec sit destructiva corporis et impeditiva debiti usus rationis per excessivam abstinentiam debilitantem et evacuantem cerebrum et quandoque melancholicas insanias operantem..." (*Gerson J. Gerson au solitaire Antoine, reclus du Mont-Valérien*, in *L'oeuvre épistolaire*, introduction, texte et notes par Mgr Glorieux. *Oeuvres complètes* (OC). 2. P. etc., 1960. P. 82). In order to

seem to cause mental disorders, according to Gerson, abstinence may be the explanation. Gerson thinks that in the case of magical art, many of its practices require excessive fasting and other acts which disturb the senses and reason, and people who dedicate themselves to such arts often become insane¹¹.

Even the contemplative life, according to Gerson, may sometimes have a connection with mental disorders. Johan Huizinga, however, seems to exaggerate when he straightforwardly interprets Gerson as thinking that the contemplative life has great dangers, and has made many people mad¹². Gerson indeed thinks that there are people who may end up with frenzy or melancholy if they try to live a contemplative life¹³. To the claim that many people have been disappointed with the contemplative life, and have become fools or melancholic, he, however, answers that many people have been disappointed with active life as well, and not all people have been given the grace to live a contemplative life. As to the possible mental disorders of contemplative people, worldly people easily think contemplatives to be fools and melancholics since their life is different¹⁴. As a matter of fact, contemplatives

remove depression (*acedia*) and destruction of the mind, but also self-contempt, Gerson advises Antoine to study the moral treatises of the saints. In the middle ages, the term *acedia* was mostly used in moral theology to refer to a sin typical to monks.

¹¹ *Gerson J. De distinctione verarum...* P. 44.

¹² *Huizinga J. Herfsttij der middeleeuwen. Studie over levens- en gedachtenvormen der veertiende en vijftiende eeuw in Frankrijk en de Nederlanden. Vierde herziene druk. Haarlem, 1935. S. 278.*

¹³ "...Enchéent aucuns fois en fronaisie ou hors de bonne creance, et en sont fais mellancolieux..." (*Gerson J. Traité des diverses tentations de l'ennemi, in L'oeuvre française, introduction, texte et notes par Mgr Glorieux. Oeuvres complètes (OC). 7. P. etc., 1966. P. 34; idem. De monte contemplationis / Ed. Louis Ellies Du Pin. Opera omnia (OO). 3. Antwerpen, 1706. Nachdr. Hildesheim, 1987. P. 25, 561).*

¹⁴ "Quant a la tierce raison, pour ce que on voit aulcuns tels estre deceuz et devenir folx et melancholieus, ie di qu'en vie active sont aussi plusieurs deceuz, car tous n'ont mie discretion qui est requise a bien finer son entreprise. Et n'ont mie tous le don de la grasce de vivre en contemplation pour aulcunes causes que i'ai assignées par avant; comme dist l'apostle cascun a son propre don de Dieu; et si en corps tous li membre estoient oeil, ou seroient les mains? Vrai est que li mondain jugent de legier les contemplatifs estre fols et melancholieus pour ce qu'il ne font comme il font et qu'il mesprisent le monde..." (*Gerson J. La montaigne de contemplatis. P. 37).*

indeed are not, according to Gerson, as wise and prudent in worldly matters as those who live an active life since their primary interest is not in such things¹⁵.

In Jean Gerson's texts, mental disorders appear almost always as naturally caused. However, also Gerson thinks that demons can do a lot of bad to the human beings, like cause various illusions and other troubles in fantasy. Sometimes the devil may indirectly cause mental disorders, for instance, by tempting people to practice excessive fasting which may lead to mental disorders such as melancholy¹⁶. Whatever may cause mental disorders,

"Quantum ad rationem tertiam, scilicet quod aliqui tales contemplativi sunt decepti, effectique fatui & melancholici. Respondetur quod in activa vita similiter plures sunt decepti, quia non utuntur discretione requisita ad bene terminandum incoeptum opus. Nec etiam omnibus est data gratia talis, vivendi scilicet in contemplativa vita, propter causas certas ante signatas, sicut dicit Apostolus: *Quilibet habet donum proprium a Deo, unus quidem sic, altero sic*: 1. Cor. VII.7. & iterum: *Si in corpore uno omnia membra essent oculus, ubi essent manus*, & c. 1. Cor. XII.17. Verum est quod mundani contemplativos leviter judicant fatuos esse, atque melancholicos: non enim faciunt quomodo & ipsi, contemnuntque omnia quae isti mundani charissim tenent..." (Gerson J. De monte contemplationis. P. 29, 563–564).

¹⁵ "Je confesse bien aussi que gens donnés a contemplation ne sont mie si saiges et prudens aux mondains faiz comme li actifs, car point n'y mettent leur engin ou entention; de quoi avient que on les iuge nices et non saichans; mais peu leur en chaut, car a ce sont ils appellés, comme dit l'appoustre et ad ce s'efforcent, c'est assavoir estre foulz pour devenir saiges" (Gerson J. La montaigne de contemplation. P. 38). "Fateor quod contemplativi in factis mundanis non sunt ita sapientes & prudentes, quemadmodum activi. Ratio, quia suum ingenium & intentionem in talibus non ponunt, unde accidit eos judicari simplices & insipientes, quamquam eis modica de isto sit cura: ad hoc enim sunt vocati, ut Apostolus innuit, & ad hoc nituntur toto conamine, scilicet reputari fatui, ut sapientes effici possint. 1. Cor. III.18" (Gerson J. De monte contemplationis. P. 29, 564).

¹⁶ Gerson J. In festo S. Michaelis Archangeli. P. 344; *idem*. Traité des diverses tentations de l'ennemi. P. 344). Based on one text, Huizinga states that after all the emphasis placed on the natural reasons behind mental disturbances, Gerson ends up thinking that the damage of the brain is, in turn, caused by the illusions caused by the devil (Huizinga J. Op. cit. S. 357). Gerson indeed says like this: "Provenit rursus haec laesio ab intrinseco, justo Dei iudicio permittente, per diabolicas illusiones, sicut per auctoritates et historias posset introduce" (Gerson J. Contra superstitiosam dierum observantiam. P. 119). I do not think that on the basis of this sentence, one can generally reduce the origin of the cerebral lesions behind

Gerson seems to think that such states are quite common. He states that the kinds of states which Horace calls furies or insanities, are infinite, according to physicians. Gerson remarks that from this, Horace deduces that all people are in some way stupid and adds that also in the Bible, in *Ecclesiastes*, it is said that the number of stupid people is infinite¹⁷. Brian Patrick McGuire thinks that Gerson himself “may have been on the verge of mental illness”¹⁸.

Primary Sources

- Gerson J.* Gerson au solitaire Antoine, reclus du Mont-Valérien, in *L'oeuvre épistolaire*, introduction, texte et notes par Mgr Glorieux. Oeuvres complètes (OC). 2. P. etc., 1960.
- Gerson J.* De distinctione verarum revelationum a falsis, in *L'oeuvre magistrale*, introduction, texte et notes par Mgr Glorieux. Oeuvres complètes (OC). 3. P. etc., 1962.
- Gerson J.* In festo S. Michaelis Archangeli, in *L'oeuvre oratoire*, introduction, texte et notes par Mgr Glorieux. Oeuvres complètes (OC). 5. P. etc., 1963.
- Gerson J.* La montaigne de contemplation, in *L'oeuvre française*, introduction, texte et notes par Mgr Glorieux. Oeuvres complètes (OC). 7. P. etc., 1966.
- Gerson J.* Traité des diverses tentations de l'ennemi, in *L'oeuvre française*, introduction, texte et notes par Mgr Glorieux. Oeuvres complètes (OC). 7. P. etc., 1966.
- Gerson J.* *Collectorium super Magnificat*, in *L'oeuvre spirituelle et pastorale*, introduction, texte et notes par Mgr Glorieux. Oeuvres complètes (OC). 8. P. etc., 1971.

mental disorders, to the devil. Gerson perhaps thinks that diabolic illusions indeed can cause the lesion, but only sometimes, when God permits it. In the case of lunacy, Gerson seems to refer to demonic possession: “Mens autem, praesertim stulti, secundum Sapientis verbum, ut luna mutatur; lunatica quippe est; quam spiritus immundus mittit nunc in ignem cupiditatis male inflammantem nunc in aquam tumoris male suffocantem, nunc elidit in terram cogitationum noxiarum de terrenis, et volutatur et clamat, et stridet, et spumat, et arescit et discernitur per varia; vix tandem redit ad se per lucidum intervallum ut Deum noscat et se, et hoc ab infantia” (*Gerson J.* *Collectorium super Magnificat*, in *L'oeuvre spirituelle et pastorale*, introduction, texte et notes par Mgr Glorieux. Oeuvres complètes (OC). 8. P. etc., 1971. P. 299).

¹⁷ *Gerson J.* *De passionibus animae*. P. 20.

¹⁸ *Gerson J.* *Early Works*. P. 11.

- Gerson J.* De passionibus animae, in L'oeuvre doctrinale, introduction, texte et notes par Mgr Glorieux. Oeuvres complètes (OC). 9. P. etc., 1973.
- Gerson J.* Contra superstitiosam dierum observantiam, in L'oeuvre polémique, introduction, texte et notes par Mgr Glorieux. Oeuvres complètes (OC). 10. P. etc., 1973.
- Gerson J.* De monte contemplationis / Ed. Louis Ellies Du Pin. Opera omnia (OO). 3. Antwerpen, 1706. Nachdr. Hildesheim, 1987.

Literature

- Gerson J.* Early Works / Transl. and intr. by B. McGuire. N. Y.; Mahwah, 1998.
- Hansen B.* Nicole Oresme and the Marvels of Nature. A Study of his De causis mirabilium with Critical Edition, Translation, and Commentary, Studies and Texts 68. Toronto, 1985.
- Hirvonen V.* Late Medieval Philosophical and Theological Discussions of Mental Disorders: Witelo, Oresme, Gerson (*manuscript*).
- Huizinga J.* Herfsttij der middeleeuwen. Studie over levens- en gedachtenvormen der veertiende en vijftiende eeuw in Frankrijk en de Nederlanden. Vierde herziene druk. Haarlem, 1935.
- Le débat sur le Roman de la rose. Christine de Pisan, Jean Gerson, Jean de Montreuil, Gontier et Pierre Col / Édition critique introduction, traductions, notes par Eric Hicks. Bibliothèque du XVe siècle 43. P., 1977.
- McGuire B. P.* Jean Gerson and the Last Medieval Reformation. University Park (PA), 2005.
- McGuire B. P.* In Search of Jean Gerson: Chronology of His Life and Works // A Companion to Jean Gerson / Ed. by B. P. McGuire. Leiden; Boston, 2006. P. 1–39.

Vesa Hirvonen, Doctor of Theology (University of Eastern Finland; Lahti, Finland); e-mail: vesa.hirvonen@uef.fi.

Мистик Жан Жерсон об опасностях на пути к святости: может ли крайний аскетизм привести к душевному расстройству?

Жан Жерсон интересовался связью между крайним аскетизмом (включая созерцание) и душевными расстройствами. Он приходит к выводу, что чрезмерное воздержание может оказать воздей-

ствии на сознание человека и таким образом привести к душевному расстройству.

Ключевые слова: Жан Жерсон, душевное расстройство, воздержание, созерцание.

***Веса Микаэль Хирвонен**, доктор теологии (Университет Восточной Финляндии; Лахти, Финляндия); эл. почта: vesa.hirvonen@uef.fi.*

Н. Вуков

ПАМЯТЬ И МОНУМЕНТАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ: БАЛКАНСКИЕ ПРОЕКЦИИ

В статье рассматривается специфика мемориальных практик, посвящённых Первой мировой войне, в балканских странах. В широком культурном контексте и в исторической динамике (с первых послевоенных лет до современности) анализируются различные аспекты визуализации монументальной памяти о Великой войне на Балканах, их взаимосвязь с общеевропейскими тенденциями и проблемами национальной идентичности.

Ключевые слова: монументы, коммеморативные практики, историческая память, Первая мировая война, Балканы.

В чествованиях столетнего юбилея Первой мировой войны балканские страны представляют особенно любопытный случай, поскольку война началась на Балканах и была здесь самой продолжительной. Первые военные действия произошли именно на полуострове, на границе между Сербией и Австро-Венгрией, а последние завершились только с концом греко-турецкой войны 1919–1922 гг. Важно и то, что война на Балканах, по большому счёту, «начинается» ещё до 1914 г.: поскольку Первая Балканская и Межсоюзническая войны являются прелюдией к последующему мировому пожару, иногда их считают своеобразной «локальной проверкой» и прямой предтечей более масштабного военного конфликта. Имея в виду различное восприятие войны в разных странах и её связь с достижением национального объединения или же с национальной катастрофой, можно сказать, что Великая война внесла дополнительное расстройство в «переплетение историй на Балканах»¹, а память о ней повлияла на многообразные национальные общности, этносы и культуры, на различные национальные проекты и политические взгляды послевоенного периода.

¹ См.: Даскалов Р., Маринов Ч. Преплетените истории на Балканите. Т. 1. Национални идеологии и езикови политики. София, 2014.

Эта многопластовость памяти дополнительно углубляется после 1945 г., когда в некоторых балканских странах было установлено коммунистическое правление, и в результате новых идеологических акцентов первый всемирный конфликт остался без мемориального внимания на несколько десятилетий. Да и позднее, во второй половине XX в., почти не создавалось новых мемориалов, посвящённых Великой войне; некоторые инициативы по созданию памятников в честь погибших на ней воинов были прекращены, а многие из установленных в межвоенный период памятников перенесены и забыты. В контексте этой политики памяти мемориальные практики, касающиеся Великой войны, после конца коммунистических режимов в Восточной Европе приобрели характер своеобразной ответной реакции, которая была призвана преодолеть предыдущее молчание, но одновременно с этим могла бы противопоставляться распространённому во времена коммунизма формам политического воспоминания.

Настоящая статья имеет целью представить основные аспекты памяти о Первой мировой войне в балканских странах — через призму её визуализации в памятниках и мемориалах и в виду тенденций, которым эти практики следуют в течение многих лет. Ставится задача на примере различных балканских стран показать некоторые из основных типов военных памятников (местные мемориалы, мавзолеи, памятники неизвестному солдату и пр.) и их место в общеевропейских тенденциях монументальной репрезентации войны, а также отразить национальные особенности и «балканскую специфику» этой монументальной образности.

Опираясь на обширную литературу последних трёх десятилетий о памятниках и памяти о Великой войне, вышедшую в Западной Европе², и принимая наднациональный взгляд на политику воспоминаний в балканском контексте, автор попытается проанализировать основные особенности, присущие монументальной памяти о войне на Балканах.

² См.: *Becker A. Les Monuments aux morts, mémoire de la Grande Guerre. P., 1988; Prost A. Monuments to the Dead // Realms of Memory: The Construction of the French Past / Ed. by P. Nora. N. Y., 1997. P. 307–330; Sherman D. Monuments, Mourning and Masculinity in France after World War I // Gender and History. 1996. Vol. 8. No. 1. P. 82–107; Winter J. Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History. Cambridge, 1995 и др.*

Первая из них связана с социальной функцией памятников как средства переживания травмы от смертей и военных потерь, как элемента целостного процесса «демократизации» смерти в начале XX в. и как фактора усиления «культурной демобилизации»³ по окончании войны. В качестве второй особенности статья представит неразрывную связь памятников и воспоминаний с политикой национальной идентичности, с их функцией материализовать память о мёртвых, одновременно моделируя идентичность (политическую, историческую, культурную) живых⁴. Далекое не последнее место занимает и третья особенность, связанная с ролью военных памятников в визуальной истории Первой мировой войны — как места, где смерть «укрошена» и память «увековечена», но где — с помощью ритуалов, чувствований и визуальных свидетельств о них — формируется некая особая, *послевоенная* и *пост-травматичная* часть визуальной памяти об этом первом глобальном конфликте.

Война как наследство

Кроме сотрясения существующих политических систем, распада четырёх империй и крушения многих социальных иерархий, Первая мировая война поставила мир перед невиданными до того времени по своему размаху мобилизациями, военными действиями и уничтожением людей. Она оставила в наследство колоссальную разруху и массовые человеческие потери, к которым ни одна держава — не имеет значения, проигравшая или победившая — не могла остаться безучастной. Эти следы остаются на весь межвоенный период (особенно проявляясь в первое послевоенное десятилетие) и часто рассматриваются как представлявшие конкретный повод для развязывания Второй мировой войны. Они наиболее отчётливо проявляются в ритуалах поминовения, посвящённых погибшим, и в формировании обществ обездоленных (вдов, родителей, детей-сирот, ветеранов и др.), а также в государ-

³ См.: *Horne J. Kulturelle Demobilmachung 1919–1939: Ein sinnvoller historischer Begriff? // Politische Kulturgeschichte der Zwischenkriegszeit 1919–1939 / Hrsg. von W. Hartwig. Göttingen, 2005. S. 129–150.*

⁴ См.: *Koselleck R. Les monuments aux morts, lieux de l'identité des survivants // Koselleck R. L'expérience de l'histoire. P., 1997. P. 131–160; Commemorations: The Politics of National Identity / Ed. by J. Gillis. Princeton (NJ), 1994.*

ственных требованиях репараций и территориальных приобретений, в программах по созданию, поддержке и сохранению военных кладбищ, в пенсионных системах и выплатах компенсаций семьям погибших и др. Дискуссии о мёртвых и их поминание лежат в основе «культуры победы» и «культуры поражения», проявляясь в моменты национального торжества и глубокой национальной скорби, как в антивоенных и пацифистских движениях, так и в продолжающихся взрывах насилия в послевоенные годы⁵. В этой первой индустриальной войне смерть теряет индивидуальность, но парадоксальным образом одновременно и приобретает её. Становясь всеобщей и не предполагая исключений, смерть в то же время «индивидуализирована»⁶ посредством бюрократической педантичности в изготовлении поимённых списков погибших, в продолжительном процессе идентификации тленных останков и поиска тысяч пропавших без вести, в составлении огромного архива сохранённых и опубликованных визуальных свидетельств и личных документов погибших и, не в последнюю очередь, в волне мемориальных форм на локальном и национальном уровне, должных гарантировать, что никто не будет забыт.

При этом опыт отдельных балканских стран существенно различается, поскольку различен для них и итог войны — от полюса военной победы, присоединения многих новых территорий или создания новых держав до противоположной точки — поражения и национальной катастрофы. В ходе войны различные народности и государства на полуострове борются в конфликте на разных фронтах и на стороне различных держав⁷. Так, например, в составе австро-венгерской армии

⁵ War in Peace: Paramilitary Violence in Europe after the Great War / Ed. by R. Gerwarth, J. Horne. Oxford; N. Y., 2012.

⁶ См. об этом: *Lacqueur T. Memory and Naming in the Great War // Commemorations: The Politics of National Identity / Ed. by J. Gillis. Princeton (NJ), 1994. P. 150–167; Dimitrova S. 'Taming the Death': The Culture of Death (1915–18) and Its Remembering and Commemorating through First World War Soldier Monuments in Bulgaria (1917–44) // Social History. 2005. Vol. 30. No. 2 (May). P. 175–194.*

⁷ См.: *Der Erste Weltkrieg auf dem Balkan: Perspektiven der Forschung / Hrsg. von J. Angelow. B., 2011; Mitrović A. Serbia's Great War, 1914–1918. L., 2007; Luthar O. O žalosti niti besede: Uvod v kulturno zgodovino velike vojne. Ljubljana, 2000.*

боснийско-герцеговинские части сражаются в Сербии, Черногории и Албании, Галиции, Буковине, России и на Карпатах, а также в Румынии, Тироле и при Изонцо⁸. Греческие солдаты воюют вместе с французскими и британскими армиями в Греции, а затем и в Сербии, в то время как болгарские армии входят в прямое столкновение с сербами, греками, румынами и русскими, выступив при Дойране против самых разных национальностей, воюющих на стороне союзников. Румынские войска ведут сражения почти по всем возможным направлениям, в основном в Добрудже, Трансильвании и Молдове. Одновременно румыны из Трансильвании входят в состав венгерской армии и отправляются на Восточный фронт, где в составе той же армии сражаются также и черногорцы, отправленные туда, чтобы не вести борьбу против своих соотечественников. В ситуации братоубийственного истребления оказываются, например, словенцы, которые воюют в Сербии и в составе австро-венгерской армии, и как части из «Добровольного корпуса сербов, хорватов и словенцев»⁹, который на практике предшествовал созданию Югославской державы. Война охватывает весь полуостров, создаются протяжённые фронты, на которых армии и народности сражаются в различных конфигурациях. «Жатва» этой военной страды неодинакова в различных странах, и хотя число убитых и раненых несравнимо с несколькими миллионами жертв из Великобритании, Франции, Германии и России, потери для отдельных балканских стран оказываются весьма значительны. Так, Болгария потеряла в войне 90 000 солдат — намного больше, чем, например, Канада или Австралия. Потери Сербии составили 125 000 солдат, а также более полумиллиона жертв среди гражданского населения; за короткий период участия в войне Румынии погибли 335 000 румынских солдат, но в эту цифру не входят также многочисленные жертвы среди гражданских.

Война как память и воспоминание

Как и в остальных странах Европы, на Балканах первые послевоенные годы тоже связаны с усилиями, направленными на то, чтобы справиться с этим тяжёлым наследием. Когда надо было очистить поля сражений от следов войны, мёрт-

⁸ *Blašковић P. Sa Bošnjacima u svjetskom ratu. Lovran, 2000.*

⁹ См.: *Luthar O. Op. cit.*

вых на них приходилось хоронить во временных могилах, в ожидании следующих шагов по перенесению тленных останков и мемориализации. В ходе войны обычной была практика хоронить погибших в местах боевых действий, около полевых госпиталей, во дворах церквей, и обозначать могилы обыкновенными памятным знаками, которые ставили их уцелевшие друзья. После войны многие из этих могил остались вне границ соответствующих национальных государств и превратились позднее в объекты организованной политики, требующей доступа к этим мемориальным местам и их достойного содержания. Как и повсюду в Европе того времени, в каждой из балканских стран создавались национальные комиссии для репатриации тел своих солдат и для их коллективных похорон. Даже если территории бывших фронтов с могилами павших в рядах собственной армии находились в рамках национальных границ (как часто бывало в Румынии, Греции и новообразованной Югославии), перенесение останков происходило в основном во время более поздних инициатив по созданию коллективных мавзолеев, в конце 1920-х гг. Индивидуальное почитание погибших ложилось в основном на плечи локальных общностей и находило выражение в распространённой практике хоронить одежду в пустой могиле, в соответствии с моделью, характерной для подобных локальных традиционных поминовений.

Для христианских общностей на Балканах важную роль в этом отношении играют дни особого поминовения усопших, которые в первые послевоенные годы приобрели основное значение в ритуальном поминовении павших. Проводившиеся на местных кладбищах и обыкновенно перед пустыми могилами, они представляли собой символическое выражение воссоединения мёртвых с общностями их происхождения и их включение в цикл ритуальных действий по упокоению души. Особое значение в этом отношении приобрела Димитриевская Суббота в ноябре, которая в большинстве балканских стран в первые послевоенные годы являлась основным ритуальным днём в память погибших воинов, а в Болгарии, вследствие установленной после Сербско-болгарской войны традиции, была также основным днём памяти погибших за Отечество. Религиозный праздник — День Вознесения Христа — был объявлен в 1920 г. официальным днём поми-

новения мёртвых и в Румынии. Названный Днём героев, он получил статус национального праздника, во время которого проводятся памятные церемонии и посещаются местные памятники погибшим солдатам¹⁰. В Югославии, как одной из стран-победительниц, основным днём для поминовения павших на поле боя стало 11 ноября, отмечаемое в Западной Европе как День примирения. В Сербии статус дня победы и почитания умерших воинов имеет дата прорыва фронта около Доброго поля — 15 сентября.

Плодом усилий именно локальных общностей стали первые памятники, воздвигнутые после войны. Преимущественная часть из них построена в посёлках происхождения умерших, став формой коллективного поминания невозвратившихся с фронта местных жителей. Большинство таких мемориалов поставлено в церковных дворах или в центре населённых пунктов, а в отдельных случаях и внутри кладбищенских пространств, высоко поднимаясь над остальными надгробными памятниками¹¹. Поддерживавшиеся финансово и организационно разными местными учреждениями (школа, церковь, община), большинство этих памятников было построено на пожертвования, собранные самими общностями, что свидетельствует об их активном участии в процессе меморизации в послевоенные годы, в период лишений и экономических трудностей. Уже тогда во всех балканских странах инициативы по заботе о таких памятниках получают поддержку от общественных организаций, церкви и представителей королевских семейств. В Румынии, например, важную роль в поклонении павшим воинам играло основанное в 1919 г. Дружество «Могилы павших в войне героев», которое в 1927 г. становится Дружеством «Культ героев» под патронажем княгини Марии, благодаря чему было установлено множество мемориальных объектов. В результате сотрудничества между этим товариществом и местными сообществами строятся около 3500 статуй и мемориальных ансамблей, большинство из которых располагалось в сельских районах¹².

¹⁰ См.: *Bucur M. Edifices of the Past: War Memorials and Heroes in Twentieth Century Romania // Balkan Identities, Nation and Memory / Ed. by M. Todorova. N. Y., 2004. P. 171.*

¹¹ Ср., напр., мемориал в румынском селе Лиса, около Брашова (см.: *Series, Multiples, Realisms / Ed. by A. Şerban. Bucharest, 2013. P. 73).*

¹² См.: *Bucur M. Op. cit. P. 158–180.*

Первые памятники были скромны по форме — это маленькие обелиски или усечённые пирамиды с прикреплёнными к ним памятными досками. Во многих локальных общностях первыми мемориальными знаками являются только поминальные списки на зданиях местной школы, церкви или общины, или обыкновенные кресты на постаменте на центральной площади посёлка. Постепенно к середине 1920-х гг. начинают появляться скульптурные репрезентации — в основном в мемориальных проектах, осуществлённых на государственные средства. Известные в Болгарии скульптурные фигуры солдат, идущих в атаку или с ружьём у ноги¹³, можно наблюдать в качестве преобладающих мемориальных форм также во всех других балканских странах, как и в остальной Европе. Независимо от изображения воинов в боевых позах и в полном снаряжении, огромная часть этих локальных памятников имеет в своей основе выраженный антивоенный смысл¹⁴ и отражает целостную тенденцию монументального воспоминания о погибших на войне. Их ключевым элементом является идея о человеческих жертвах, о множестве утраченных человеческих судеб, что находит выражение также в скульптурных фигурах скорбящих матерей, вдов и сирот в некоторых памятниках. Та идея, что жертва принесена на службе родине, подчёркнута самими позами солдат — стоящих на посту или устремляющихся в атаку, символически обозначая преодоление смерти и исполнение воинского долга. В то же время, это отражает специфическую «самостоятельность» смерти в данных памятниках — индивидуальная смерть интерпретирована в плане всеобщего самопожертвования, а единичная фигура солдата представляет десяток его земляков из данного посёлка, павших ради Отечества. В поддержку этого набора смыслов выступает также и двойственное значение креста: как распятия и символа самопожертвования, а с другой стороны — через стилизованное изображение меча на кресте — как знака воинской доблести.

Участие большинства балканских стран на протяжении семи лет в трёх последовательных войнах обуславливает отсут-

¹³ См.: *Труфешев Н.* Архитектурно-скульптурният паметник в България: Художествен образ. Критерии. Оценка. Теория. Практика. София, 1981.

¹⁴ Series, Multiples, Realisms. P. 9.

ствии достаточной временной дистанции для отдельного воспоминания о погибших в Первой Балканской и Межсоюзнической войнах. Очень часто списки погибших в годы Первой мировой войны дополняются составленными в 1913–1914 гг. списками с именами погибших в Балканских войнах, а большая часть возведённых после 1918 г. памятников в Болгарии, Сербии и Греции напоминает одновременно о павших в трёх военных конфликтах, названных в каждой из стран «войнами во имя национального объединения».

Параллельно локальным инициативам почитания мёртвых уже в первые послевоенные годы появляются и государственные проекты сооружения общественных памятников более масштабного и политически декларативного характера. Это наиболее выражено в странах-победительницах (в основном в Югославии и Румынии), где сразу после войны начинают создаваться памятники победы в столицах и больших городах. В Греции, а также в Турции этот процесс находит своё выражение только во второй половине 1920-х гг. по причине продолжения военных действий между двумя странами в 1919–1922 гг. Та же ситуация наблюдалась и в Болгарии, которая, как проигравшая войну и экономически разорённая сторона, не могла позволить себе создание масштабных военных мемориалов и не делала этого из-за негативных ассоциаций, вызываемых понесёнными потерями.

В связи с этими тенденциями и с разнообразием монументальной стилистики во многих деревенских мемориалах появляются элементы, которые ясно подчёркивают «национальную идентичность» погибших. Широко распространённым в югославских и румынских мемориалах этого типа является присутствие национального флага в скульптурном изображении или прямо на обелиске с именами героев. В болгарских памятниках того же периода наиболее системно присутствует военный крест на пьедестале и памятной доске, а также скульптурное изображение льва. Аналогично для румынского контекста, особенно касательно памятников в Трансильвании, характерно множество изображений орла в полёте. В отличие от ряда примеров болгарских и сербских мемориалов, где памятник включает фотоизображения, используемые, в принципе, на надгробных плитах, в Румынии часты пластичные изображения лиц солдат на обе-

лисках и крестах. В сербских памятниках любопытным случаем интегрирования национальной символики в мемориалах в честь павших на войне является образ Косовской девушки, олицетворяющей символическую связь между Великой войной и битвой на Косовом поле¹⁵. Многолетней традицией стало также присутствие королевских корон в памятниках на территории Югославии в целях принудительного отражения исторической преемственности и политической легитимности новосозданной державы, тогда как в Болгарии, ввиду распространившихся по окончании войны антимонархических настроений, этот образ избегается и появляется лишь в единичных случаях и только с конца 1930-х гг. Подобные примеры ясно демонстрируют усилия представить посредством военных мемориалов «трансцендентное единство нации»¹⁶, объединяющее символические территории, сакральные хронологии и этнокультурные характеристики.

Память о войне и изобретение традиций воспоминания

Исследователи часто отмечают, что с Первой мировой войной совершается целостный поворот в существовавшей политике воспоминания, связанный с преобразованием публичных пространств посредством введения мирских по своему типу (хотя и связанных с религиозной символикой) мемориальных форм¹⁷. Действительно, как в большей части Европы, так и на Балканах военные памятники и в целом общественные памятники мемориального характера развиваются в основном после Первой мировой войны. Исключений существует мало, и они, в общем, не включают в себя мемориальную репрезентацию и воспоминание, касающиеся обыкновенных солдат. Из-за специфичного местного исторического развития на Балканах не только указанные мемориальные формы, но и общественные памятники в принципе являются исключением. Правда, борьба за национальное освобождение различных народностей находит отражение в монументальных репрезентациях национальных героев ещё во второй половине XIX в., но даже

¹⁵ См. об этом: *Koshar R. From Memory to Traces: Artifacts of German Memory, 1870–1990. Berkley; Los Angeles; L., 2000. P. 101.* Выражаю благодарность коллеге Д. Атанасову за полезные замечания и предложенную в этой связи литературу.

¹⁶ *Series, Multiples, Realisms. P. 144.*

¹⁷ См., напр.: *Winter J. Op. cit.; Prost A. Op. cit.*

и для этого типа сооружений истинным апогеем будут скорее 1920-е и 1930-е гг. Наверное, наибольшую массовость до начала Великой войны демонстрировали десятки памятников, связанных с Русско-турецкой войной, возведённых в Болгарии и Румынии, а также мемориальные формы, посвящённые погибшим в Сербско-болгарской войне в Болгарии и Сербии. Для большинства других территорий на Балканах (и особенно в маленьких посёлках) памятники погибшим в годы Великой войны представляют и первые случаи осуществления общественной мемориализации и консолидации общественной памяти вокруг коллективных, светских и (независимо от погребальной символики) созданных в публичных пространствах мемориальных репрезентаций.

Более того, до Первой мировой войны ни в одной из балканских стран не было ежегодных церемоний в честь погибших за народ. Только после окончания войны в разных государствах полуострова в соответствии с правительственными указаниями начинается выделение календарных дат для политических и мирских праздников как событий национальной истории. Ритуалы воспоминания о погибших на войне были включены во все дни победы и национальные праздники объединения (Румыния) или создания самостоятельной державы (Королевство Югославия). До Второй мировой войны военные почести, вынос боевых знамён и церковная служба об упокоении душ усопших оставались неизменными элементами государственной церемонии и празднеств в этих странах, что, впрочем, характерно и почти для всех других стран Европы. В дополнение к этому мемориальные элементы постоянно присутствовали и в различных патриотических инициативах, организовывавшихся школами, муниципалитетами и патриотическими организациями на протяжении межвоенного периода. Во всех подобных случаях памятники находятся в центре ритуалов воспоминания и являются элементом созданных в послевоенные годы национальных традиций, которые продолжают и воспроизводятся и впоследствии.

Разработка и развитие этого типа воспоминательных практик не проходит, конечно, гладко и бесппроблемно, скорее даже напротив. Независимо от национально-патриотического тона, окружающего памятники и воспоминания об этом периоде, постоянным мотивом и для победителей, и для по-

беждённых в войне стран является самооправдание государства, отправляющего своих солдат на фронт и жертвующего ими в борьбе за национальные интересы. Связанная с этим общественная напряжённость и выдвигавшиеся по этому поводу обвинения наиболее сильно проявили себя в Болгарии, где первые послевоенные годы проходили под знаком переживания тяжёлых потерь, политического кризиса и подавленных со многими жертвами восстаний.

В победивших странах, таких как Югославия, Греция и Румыния, общественная напряжённость в связи с вопросом об оправданности жертв была связана в основном с развитием послевоенных движений за мир, с поиском оправданий для собственных правительств и с обвинениями в адрес побеждённых держав, а также и с тем фактом, что создание памятников и поддержание соответствующих чувствований в районах со смешанным населением могло вызывать у различных его групп болезненные воспоминания об участии в войне. В этих странах, как отмечает Клод Карну, «памятники, посвящённые погибшим за свою родину, во многих местах невозможно ставить из-за того, что значительная часть граждан сражалась на противоположной стороне и в некоторых регионах есть национальные меньшинства, которые не признают свою принадлежность к новым державам после 1920 г.»¹⁸. Так, например, в Югославии словенцы, хорваты и сербы из Воеводины, а в Румынии саксонцы и швабы, как и большая часть румынского и венгерского населения в Трансильвании, воевали на стороне австро-венгерской армии¹⁹, что обуславливало их системное исключение из списков погибших. Подобное положение наблюдалось и с болгарским населением в Греции, Сербии, Македонии и Добрудже, где при новых послевоенных реалиях они выпадали из мемориальных списков в соответствующих национальных державах, и принесённые ими жертвы не являлись объектом общественного внимания. Подобен этому и способ исключения и маргинализации по линии религиозной принадлежности, при том что послевоенные памятники и воспоминания ясно очерчивают место религиозной символики, конкретнее всего на примере креста с его символикой самопожертвования. Тем самым изолировались нехристианские общ-

¹⁸ *Karnoooh* С. Op. cit. P. 143.

¹⁹ *Ibid.*

ности и оставалась не представленной позиция большей части еврейского и мусульманского населения в этих странах²⁰.

Показательно как для самой тенденции воинского поминовения, так и для дебатов вокруг создания мемориалов о Великой войне создание памятников неизвестному солдату в различных балканских странах. Как известно, почитание неизвестного солдата — одна из изобретённых именно после Первой мировой войны традиций, ставшая в большой степени эмблематичной для политики воинского воспоминания в современную эпоху. Проявившись впервые в 1920 г. в параллельных чествованиях в Париже и Лондоне, она быстро находит распространение в остальных странах Европы и в колониальных владениях на других континентах, превратившись в итоге в продуктивную модель для воспоминания о погибших воинах в XX в.²¹ Развитие этого культа имеет в своей основе проблему огромного числа пропавших на фронтах солдат, а с другой стороны — наличия множества мёртвых тел, которые не могли быть идентифицированы. Создание памятников неизвестному солдату давало возможность безымянным мёртвым не оставаться выключенными из воспоминания и одновременно — посредством ритуального погребения неидентифицированных останков — конструировать символ, с помощью которого можно было охватить всех погибших соответствующей нации. Имеющий корни в республиканском патриотизме и опирающийся на идею о равенстве в смерти павших за отечество, культ неизвестного солдата обозначает триумфальное вступление обыкновенного воина в центр национального пантеона, как символическое конструирование «национального тела», объединяющего в себе всех известных и неизвестных героев²².

На Балканах инициатива сооружения памятников неизвестному солдату была воспринята почти сразу, следуя примерам Великобритании и Франции. Первый такой памятник

²⁰ См.: *Bucur M.* Op. cit.

²¹ См. об этом: *Inglis K. S.* Entombing Unknown Soldiers: From London and Paris to Baghdad // *History and Memory*. 1993. Vol. 5. № 2 (Fall – Winter). P. 7–31.

²² См.: *Moriarty C.* The Absent Dead and Figurative First World War Memorials // *Transactions of the Ancient Monument Society*. 1995. Vol. 39. P. 7–40; *Mosse G. L.* Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. Oxford, 1990.

на полуострове был создан в Белграде и посвящён погибшим в Балканских войнах и в Первой мировой войне. Он воздвигнут над могилой неизвестного сербского солдата, убитого австро-венгерскими солдатами в 1915 г.²³ В Румынии создание подобного памятника сопровождалось особой ритуальностью²⁴. В 1923 г. останки неизвестных солдат с полей сражений из десяти различных областей Румынии были эксгумированы и 13 мая 1923 г. отправлены в десяти дубовых гробах для поклонения в Марашешты. Сначала один из гробов был выбран сиротой, поклонившимся ему со словами: «Это мой отец»²⁵. Затем другие девять гробов были перенесены с воинскими почестями на Кладбище героев в Марашешты и там захоронены, а выбранный ранее гроб с останками неизвестного солдата отправлен в Бухарест, где был торжественно встречен представителями государственных организаций и после отпевания в церкви Михай Вода захоронен в Паркул-Карол (парке им. Кароля I) с церковной церемонией, под звуки сирены и колокольный звон. Постепенно вокруг могилы развивается целый мемориальный комплекс, сооружение которого было окончено в 1927 г., когда около могилы был зажжён вечный огонь. В 1934 г. здесь был также поставлен крест, впоследствии, после Второй мировой войны, удалённый.

В Болгарии (как и в Австрии и Венгрии) подобный мемориал был создан в 1923 г. Идея была воспринята правительством Александра Стамболийского, но из-за политических событий 1923 г. к инициативе вернулись только в 1926 г., когда

²³ В 1934–1938 гг. на том же месте был построен и в 1938 г. открыт грандиозный мемориал («Споменик незнаном јунаку на Авали», скульптор И. Местрович), сделанный в форме саркофага из чёрного гранита, окружённый кариатидами, представлявшими народы Королевства Югославии — сербов, боснийцев, черногорцев, далматинцев, хорватов, словенцев, воеводинцев и население так называемой «старой Сербии» (т. е. «ожных районов» — Косово и Македонии). См.: Споменик незнаном јунаку на Авали. [Электронный ресурс]: URL: <http://spomenickulture.mi.sanu.ac.rs/spomenik.php?id=620> (дата обращения: 12.05.2016).

²⁴ Подробнее см.: National Office for Heroes Memory. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.once.ro/engleza/once.php> (дата обращения: 12.05.2016).

²⁵ В большинстве других стран подобный выбор между разными гробами с тленными останками делался ветеранами войны. См. об этом: *Inglis K. S. Op. cit.*

было принято решение о месте и форме памятника, а сам мемориал со знаменитой фигурой льва (скульптор А. Николов) окончен в 1936 г.²⁶ Как и в других европейских странах, символическое значение этого мемориала превосходит реферативные рамки Великой войны, охватывая в данном случае — согласно вложенным в памятники смыслам — всех известных и неизвестных болгарских солдат, павших в борьбе за освобождение, объединение и защиту Матери Болгарии.

В Греции памятник неизвестному солдату был создан в 1930 г., и надпись на его саркофаге — две цитаты из Фукидида, описавшего похороны Перикла, — устанавливала тесную связь между современной греческой державой и античностью²⁷. Подобные этому отсылки к национальной истории предшествовавших Великой войне периодов и легитимизация современной государственности посредством архитектурного оформления мемориалов видны и в уже названных памятниках в Белграде, Бухаресте и Софии. Они ясно очерчены уже в самом выборе конкретных мест и культурно-исторических ландшафтов, где располагались эти мемориалы, — около собора Святой Софии в случае с Болгарией, поблизости от замка Бран (господаря Цепеша) в Румынии, в окрестностях замка Зернов в Сербии и на преисполненной историческими отсылками Площади Синтагма в Греции²⁸. Символическая значимость места и неизменное воплощение идеи об исторической преемственности сопровождались пониманием того, что, независимо от анонимной идентичности тленных останков, они фокусируют и выражают собой «этнокультурную идентичность» национальной общности. Национальные акценты именно в этом конкретном типе мемориалов оказались особенно восприняты и выражены в символическом использовании культа неизвестного солдата правыми политическими движениями межвоенного периода²⁹,

²⁶ См.: *Тонев А.* Паметник на Незнайния воин в София. [Электронный ресурс]: URL: <http://nauka.bg/a/паметник-на-незнайния-воин-в-софия> (дата обращения: 12.05.2016).

²⁷ *Inglis K. S.* Op. cit. P. 16.

²⁸ Из всех балканских стран только в Турции мемориал неизвестному солдату поставлен в непосредственном пространственном контексте военного сражения (Галлиполи), но там инициатива его сооружения возникла сразу после Второй мировой войны, а закончен он был в 1960 г.

²⁹ *Inglis K. S.* Op. cit. P. 19.

что обусловило закат и маргинализацию этого культа после 1944 г. Например, в Румынии в 1958 г. памятник Неизвестному солдату был разрушен и впоследствии перенесён в Марашешты, а на его месте открыт мавзолей коммунистических героев³⁰. Памятник в Болгарии, после того как он серьёзно пострадал во время бомбардировок Софии в годы Второй мировой войны, пришёл в состояние запущенности, и его восстановление произошло только в 1970-х гг. в связи с торжествами, приуроченными к 1300-летию Болгарского государства.

В Югославии попытки с помощью подобного мемориала в Белграде развить общую культуру памяти о погибших терпят поражение и оказываются невоспринятыми из-за разносторонности культуры памяти этнокультурных общностей этой мультинациональной державы. Распад Югославии в 1990-е гг. особым образом отразился на мемориале в Белграде: с одной стороны, начинаются спекуляции по поводу боснийской принадлежности погребённого здесь неизвестного солдата, а с другой — его идентичность утверждается как сербская. Подобные дебаты показательны как для ключевой роли национальной идентичности в репрезентациях коллективной памяти, так и для переосмысления, через которое проходят некоторые из созданных в ранний послевоенный период памятников и традиций воспоминания.

Память о павших: развитие, использование и забвение

Глубокие изменения в первоначальных смыслах и формах воспоминания о погибших становятся очевидны уже во второе десятилетие после окончания Великой войны. Скорбь (семейная, локальная, национальная) о потерявших свою жизнь на фронте и в тылу солдатах постепенно преодолевается пафосом утверждения послевоенных государств и политических режимов, в результате чего мемориальные ритуалы и инициативы превращаются в элемент целеустремлённой государственной политики. В 1930-х гг. создание локальных памятников погибшим в различных населённых пунктах продолжилось (в Болгарии, например, они были со-

³⁰ Только в 1991 г., после настоятельных требований со стороны Министерства обороны и Национального союза ветеранов войны, он был возвращён на своё первоначальное место в Паркул-Карол. См.: National Office for Heroes Memory. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.once.ro/engleza/once.php> (дата обращения: 12.05.2016).

оружены в крупных городах: Дряново, Етрополе, Бяла и др.), большинство из них получили исключительное внимание со стороны государства и ставились обычно за счёт государственных средств. В целом процесс включения погибших в общественный пантеон павших за Отечество был уже завершён в большинстве балканских стран, и это всё чаще находило выражение в многочисленных коллективных памятниках, посвящённых одновременно нескольким национально значимым событиям и войнам³¹. При эмоционально гораздо более сдержанном и торжественном тоне памятных инициатив, второе послевоенное десятилетие также отмечено постройкой больших военно-мемориальных ансамблей и расширением некоторых из прежних целостных мемориальных комплексов. В Румынии, например, именно 1930-е гг. стали временем сооружения больших мавзолеев, посвящённых войне, в местах, предлагающих пространственный и мемориальный контекст для связанных с войной торжественных чествований — Марашешты, Матаяс, Марашты, Совея и др.

Для всего периода между двумя мировыми войнами функции и смыслы военных памятников колеблются между полюсами «культурной демобилизации» и «ремобилизации» по окончании войны³², что характерно как для Центральной, так и для Западной Европы, равно как и для Балкан. Хотя и в первое послевоенное десятилетие памятники играют важную роль для психологического преодоления пережитых травм, для оценки прекращения боевых действий и умиротворения пагубной «жатвы» народов, одновременно они часто дают импульс призывам к расплате и обвинительным декларациям, предъявляемым противнику, ответственному за жертвы. Интерпретации, концентрирующиеся около этих двух полюсов, получают новый толчок во второй половине 1930-х гг. — с одной стороны, благодаря развёртыванию движения за мир и использованию памяти о войне как средства для предотвращения нового мирового конфликта, а с другой — в результате развития националистического движения и восприятия этой памяти со ставкой на реванш. Многообразие политических

³¹ Для Болгарии показателен, например, памятник «Мать Болгария» в Великом Тырнове (1935 г.), посвящённый четырём войнам между 1878 и 1918 гг.

³² См.: *Horne J. Op. cit.*

взглядов того времени неисчерпаемо, размежевание мнений продолжается по линии победителей и побеждённых в войне — фактор, который определяет и участие отдельных стран во Второй мировой войне, и связанную с этим инструментализацию памяти о погибших в Первой. В отношении Болгарии важно отметить, например, что в период существования болгарской администрации в Сербии, Македонии и Греции в 1941–1944 гг. предпринимались систематические усилия по поиску и поддержанию в порядке болгарских военных кладбищ на этих территориях и по созданию военных памятников, многие из которых впоследствии, после вывода болгарских войск, были разрушены³³.

Особенно интересен в контексте эволюции памяти о Первой мировой войне период после 1944 г., когда с установлением коммунистических режимов во многих балканских странах воспоминания о Великой войне были вытеснены воспоминаниями о втором глобальном конфликте и новыми идеологическими подходами к интерпретации национальной истории. Введённый классово-партийный подход к интерпретации войны акцентировался на её «буржуазном» и «империалистическом» характере и ограничивал внимание к ней в основном её военно-политическими результатами.

До конца 1980-х гг. в Болгарии, Румынии и Югославии исторические исследования Великой войны были сильно ограничены, а общественные воспоминания о погибших кардинально сокращены. Большинство существовавших в межвоенный период обществ, поддерживавших память о погибших, были расформированы, а забота об организации общественных торжеств и чествований полностью передавалась государственным властям. В Румынии исключительно деятельное в 1920–1930-х гг. Общество почитания павших было распущено

³³ Преодоление политики молчания в межвоенный период можно наблюдать и в чествованиях на одном из маленьких военных кладбищ на территории страны — «Военном кладбище 1916 г.» в Тутракане после возвращения этого города Болгарии. В 1941 г., по случаю 25-летнего юбилея сражения, проводится первое национальное чествование Тутраканской эпопеи и возобновляется благотворительная кампания по построению часовни-склепа. Эта инициатива была приостановлена со вступлением Болгарии во Вторую мировую войну и затем возобновлена в 1980-е гг. (см.: *Делийски Б.* Дойранската эпопея — забравена и незабравима. София, 1998. С. 28, 118).

в 1948 г., организованные прежде ритуалы и паломничества к военным памятникам были приостановлены, а акцент в общественных воспоминаниях перенесён на воспоминания о Советской армии³⁴. В Болгарии участие в Первой мировой войне, по словам Г. Маркова, стало одной из «неудобных тем», на которую почти не писали монографии и по поводу которой не проводились церемонии³⁵. При таком восприятии в странах с коммунистическим правлением после 1945 г. памятники погибшим в Великой войне уже почти не ставятся, а созданные до этого оставлены без специального внимания и подвергнуты символическому забвению. Действительно, для первого десятилетия после Второй мировой войны есть множество примеров добавления имён павших на ней на существующие памятники, но уже в 1950-е гг. эта мемориальная практика была преодолена и вытеснена памятниками, посвящёнными исключительно павшим с идеологически «правильной» стороны. Не рассматривая в деталях этот вопрос, важно отметить, что для стран с коммунистическими правительствами военные памятники связываются в основном с режимами до 1945 г., и поддержка этих мемориалов не является объектом целенаправленной политики до 1980-х гг., что явилось дополнительным фактором для подъёма волны общественного внимания к визуальной истории Первой мировой войны после 1989 г.

Период, наступивший вслед за концом коммунистических режимов, свидетельствует о ряде усилий по восстановлению памяти о Великой войне и её визуальных репрезентаций. Наравне с возобновлением неосуществлённых предвоенных проектов памятников павшим, власти большинства балканских стран начинают проводить политику по поддержанию заброшенных ранее мемориальных объектов и по созданию множества новых в центрах населённых пунктов³⁶. Если в

³⁴ См.: *Visur M.* Op. cit. P. 172–173.

³⁵ *Марков Г.* Голямата война и българският клоч към европейския погреб (1914–1916). София, 1995. С. 9.

³⁶ В Болгарии до 1997 г. благодаря благотворительной кампании «13 веков Болгарии» были обеспечены финансовые средства для восстановления около 2000 военных памятников. Возведение новых памятников погибшим в Первой мировой войне или вообще «павшим на войне» стало здесь основной тенденцией создания общественных мемориалов после конца коммунистического режима. См.: *Вуков Н.* Национална история в пост-социалистическа перспектива: фрагмен-

Болгарии и Румынии эти тенденции связаны в основном с обновлением существовавших прежде мемориалов, с восстановлением внимания к военным кладбищам внутри и за пределами этих государств и с созданием новых репрезентаций как альтернативы монументам коммунистической эпохи, то в бывшей Югославии распад мультинациональной державы превращается в отправную точку для политически разноречивых мемориальных практик. Так, в Словении и Хорватии 1990-е гг. отмечены системными усилиями по автономизации памяти о погибших в войне словенцев и хорватов от заложенного ещё в 1920-е гг. победного повествования, связанного с созданием Королевства Югославия. Несмотря на то, что инициативы по созданию новых мемориалов неизвестному солдату в этих странах не имели успеха, были случаи создания военных памятников не столько с общепатетической, сколько с национально-утверждающей точки зрения³⁷.

Наряду с новыми проектами мемориальной репрезентации важным моментом после 1989 г. являлись также изменения в общественных и политических ритуалах, выраженные в отмене коммунистических и восстановлении прежних праздников, ассоциирующихся с церковными или армейскими ритуалами межвоенного периода. В болгарском случае выразительным примером является День храбрости и болгарской армии — 6 мая, провозглашённый в 1991 г. как празднество национального значения и включающий специальные мемориальные элементы в память о погибших за Отечество солдат. В Румынии был восстановлен прежний день поминовения погибших в Первой мировой войне в праздник Вознесения Господня, и в настоящее время именно он несёт самую мощную символическую нагрузку в ежегодных торжествах, посвящённых войне.

ти от един монументален дискурс // Български фолклор. 2009. № 2. С. 40–58.

³⁷ Особенно остро стоит проблема памяти о Великой войне в Бывшей Югославской Республике Македонии, где повествование о войне проходит под знаком национального мученичества, а мемориальные дискуссии подчинены государственной политике, подчёркивающей национальную идентичность. Выражением этой политики является, например, отказ восстанавливать и поддерживать болгарские военные кладбища на территории страны, а равно и общее избегание темы Первой мировой войны (как и Балканских войн) в монументальных репрезентациях.

В пространственном отношении переустановка памятника неизвестному румынскому солдату на первоначальное место в Паркул-Карол в 1991 г. отмечает символическое возвращение подавлявшейся несколько десятилетий памяти обратно в столицу, в центр самых важных государственных ритуалов.

Заключение

В ретроспективе прошедшего столетия память о Великой войне и связанные с ней балканские репрезентации позволяют отметить несколько обстоятельств. Во-первых, политика памяти и репрезентации на Балканах в первые послевоенные годы существенно не отличалась от общеевропейских тенденций. Многие из практик воспоминания и изобретённых в этот период мемориальных традиций были перенесены на Балканы или развились там самостоятельно как неотъемлемая часть общеевропейских процессов. Одновременно, хотя и с транснациональными чертами, воспоминания о Первой мировой войне сохраняются в пределах национальных культур. Это характерно как для любой страны в Западной и Центральной Европе, так и для балканских государств — и «достигших национального объединения», и созданных после войны. Несмотря на то, что поля сражений специфическим способом устраняют национальные границы и внушают мысль о совместно принесённых жертвах и общей травме, именно национальное государство является той интерпретативной матрицей, в которой развиваются воспоминания о погибших. Первоначальные формы траура и воспоминания реализуются именно на локальном уровне, в местных общностях, откуда происходили павшие, но очень скоро общенациональная дискуссия захватывает эти локальные проявления и успевает создать национально специфичные культуры памяти. Уже в первое послевоенное десятилетие памятники и воспоминания нацелены в основном однонаправленно: их предназначение — отметить символический вклад национальной общности в войну и очертить национальные контуры памяти в соответствии с актуальным политическим и государственным видением.

Другой важный момент связан с изменением памяти и с их репрезентацией в последующие десятилетия. Как сами воздвигнутые после войны памятники, так и вложенные в них смыслы постепенно изменяются в зависимости от различных факторов: увеличивающейся временной дистанции от воен-

ных лет, смены поколений, наложения различных политических воззрений на память о войне, разворачивания новых военных действий в XX в. и, не в последнюю очередь, юбилейных чествований и торжеств. Тогда как в первые послевоенные годы памятники и связанные с ними воспоминания играют ведущую роль в очерчивании общности обездоленных, которые переносят свою скорбь в коллективный пантеон общего страдания, в последующие десятилетия они оказываются скорее в роли пространственного и символического контекста для политических и идеологических наслоений, опорными точками в единой постоянно изменяющейся памяти. В них отчётливо можно наблюдать переход от того, что Ян Асман определяет как «коммуникативную» и «культурную» память, т. е. от самой общей памяти как непосредственного импульса поминовения и воспоминания в общностях после окончания войны — к памяти как трансформированному «наследству», общему культурному ресурсу, к которому последующие поколения будут возвращаться и которое будут заново осознавать. Выражая именно эту метаморфозу памяти (от воспоминаний и непосредственного сопереживания к «материальным следам» и «следам из прошлого»), памятники и мемориалы о Великой войне остаются именно таким визуальным наследством — свидетельством о трагическом эпизоде современной истории, смысл которого — в связи с круглыми юбилеями или без таковых — продолжат искать новые поколения.

Литература

- Вуков Н.* Национална история в пост-социалистическа перспектива: фрагменти от един монументален дискурс // Български фолклор. 2009. № 2. С. 40–58.
- Даскалов Р., Маринов Ч.* Преплетените истории на Балканите. Т. 1. Национални идеологии и езикови политики. София, 2014.
- Делийски Б.* Дойранската епопея — забравена и незабравима. София, 1998.
- Марков Г.* Голямата война и българският ключ към европейския погреб (1914–1916). София, 1995.
- Споменик незнаном јунаку на Авали. [Электронный ресурс]: URL: <http://spomenicikulture.mi.sanu.ac.rs/spomenik.php?id=620> (дата обращения: 12.05.2016).

- Тонев А. Паметник на Незнайния воин в София. [Электронный ресурс]: URL: <http://nauka.bg/a/паметник-на-незнайния-воин-в-софия> (дата обращения: 12.05.2016).
- Труфешев Н. Архитектурно-скулптурният паметник в България: Художествен образ. Критерии. Оценка. Теория. Практика. София, 1981.
- Becker A. Les Monuments aux morts, mémoire de la Grande Guerre. P., 1988.
- Blašković P. Sa Bošnjacima u svjetskom ratu. Lovran, 2000.
- Bucur M. Edifices of the Past: War Memorials and Heroes in Twentieth Century Romania // Balkan Identities, Nation and Memory / Ed. by M. Todorova. N. Y., 2004. P. 158–179.
- Bucur M. Heroes and Victims: Remembering War in Twentieth-Century Romania. Bloomington (Ind.), 2010.
- Commemorations: The Politics of National Identity / Ed. by J. Gillis. Princeton (NJ), 1994.
- Der Erste Weltkrieg auf dem Balkan: Perspektiven der Forschung / Hrsg. von J. Angelow. B., 2011.
- Dimitrova S. 'Taming the Death': The Culture of Death (1915–18) and Its Remembering and Commemorating through First World War Soldier Monuments in Bulgaria (1917–44) // Social History. 2005. Vol. 30. No. 2 (May). P. 175–194.
- Fussell P. The Great War and Modern Memory. L.; Oxford; N. Y., 1975.
- Horne J. Kulturelle Demobilmachung 1919–1939: Ein sinnvoller historischer Begriff? // Politische Kulturgeschichte der Zwischenkriegszeit 1919–1939 / Hrsg. von W. Hartwig. Göttingen, 2005. S. 129–150.
- Inglis K. S. Entombing Unknown Soldiers: From London and Paris to Baghdad // History and Memory. 1993. Vol. 5. № 2 (Fall – Winter). P. 7–31.
- Koselleck R. Les monuments aux morts, lieux de l'identité des survivants // Koselleck R. L'expérience de l'histoire. P., 1997. P. 131–160.
- Koshar R. From Memory to Traces: Artifacts of German Memory, 1870–1990. Berkley; Los Angeles; L., 2000.
- Lacqueur T. Memory and Naming in the Great War // Commemorations: The Politics of National Identity / Ed. by J. Gillis. Princeton (NJ), 1994. P. 150–167.
- Luthar O. O žalosti niti besede: Uvod v kulturno zgodovino velike vojne. Ljubljana, 2000.

- Mitrović A. Serbia's Great War, 1914–1918. L., 2007.*
- Moriarty C. The Absent Dead and Figurative First World War Memorials // Transactions of the Ancient Monument Society. 1995. Vol. 39. P. 7–40.*
- Mosse G. L. Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. Oxford, 1990.*
- National Office for Heroes Memory. [Electronic resource]: URL: <http://www.once.ro/engleza/once.php> (date of access: 12.05.2016).
- Prost A. Monuments to the Dead // Realms of Memory: The Construction of the French Past / Ed. by P. Nora. N. Y., 1997. P. 307–330.*
- Series, Multiples, Realisms / Ed. by A. Şerban. Bucharest, 2013.*
- Sherman D. Monuments, Mourning and Masculinity in France after World War I // Gender and History. 1996. Vol. 8. No. 1. P. 82–107.*
- Sherman D. The Construction of Memory in Interwar France. Chicago, 1999.*
- War in Peace: Paramilitary Violence in Europe after the Great War / Ed. by R. Gerwarth, J. Horne. Oxford; N. Y., 2012.*
- Winter J. Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History. Cambridge, 1995.*

Вукoв Николай, ассоциированный профессор Института этнологии и фольклористики с Этнографическим музеем, доктор философии (PhD) (Болгарская академия наук; София, Болгария); e-mail: nikolai.vukov@gmail.com.

Memory and Monumental Representation of the Great War: Balkan Projections

The current article presents the main aspects of the memory about the First World War in the Balkans – through the perspective of its visualization in monuments and memorials, and with regards to the tendencies that these commemorative practices follow over the years. On the basis of examples from different Balkan countries, the article traces the main types of war monuments and outlines their place in the general European tendencies of memorial representation. The article outlines the major characteristics of monumental memory about the Great War in the peninsula, among which the monuments' social function, the close connection of war memorials to the policies of national identity, and the role that monuments have in maintaining the visual memory of this First world conflict. Already in the first post-war decade, the monuments and the commemorations around them started being oriented in such a

direction – to note the national community's symbolic input in the war and to outline the national contours of memory in accordance with the pertinent political and state visions. Both the monuments that were created after the war and the meanings invested in them, changed gradually under the impact of various factors: the increasing distance to the war years, generational changes, the imposition of different political visions about the war memory, the eruption of new military conflicts during the 20th century, and, not least, anniversaries and sober commemorations. Whilst in the first post-war years, monuments and commemorations played a leading role in outlining the communities of the bereaved, who brought their mourning into the collective pantheon of shared suffering, during the following decades, they appeared rather in the position of a spatial and symbolic context for continuing political and ideological interpretations, launching points for a constantly changing memory.

Key words: monuments, commemorations, memory, First World War, the Balkans.

Nikolai Vukov, Associate Professor of the Institute of Ethnology and Folklore Studies with Ethnographic Museum (IEFSEM), Ph.D. (Bulgarian Academy of Sciences; Sofia, Bulgaria); e-mail: nikolai.vukov@gmail.com.

References

- Vukov N. Natsionalna istoriya v post-sotsialisticheska perspektiva: fragmenti ot edin monumentalen diskurs // B'Igarski folklor. 2009. № 2. S. 40–58.
- Daskalov R., Marinov Ch. Prepletenite istorii na Balkanite. T. 1. Natsionalni ideologii i ezikovi politiki. Sofiya, 2014.
- Deliyski B. Doyranskata epopeya — zabravena i nezabravima. Sofiya, 1998.
- Markov G. Golyamata voyna i b'Igarskiyat klyuch k"m evropeyskiya pogreb (1914–1916). Sofiya, 1995.
- Spomenik neznanom junaku na Avali. [Electronic resource]: URL: <http://spomenicikulture.mi.sanu.ac.rs/spomenik.php?id=620> (date of access: 12.05.2016).
- Tonev A. Pametnik na Neznayniya voin v Sofiya. [Electronic resource]: URL: <http://nauka.bg/a/pametnik-na-neznayniya-voin-v-sofiya> (date of access: 12.05.2016).
- Trufeshev N. Arkhitekturno-skulpturniyat pametnik v B'Igariya: Khudozhestven obraz. Kriterii. Otsenka. Teoriya. Praktika. Sofiya, 1981.
- Becker A. Les Monuments aux morts, mémoire de la Grande Guerre. P., 1988.
- Blašković P. Sa Bošnjacima u svjetskom ratu. Lovran, 2000.
- Bucur M. Edifices of the Past: War Memorials and Heroes in Twentieth Century Romania // Balkan Identities, Nation and Memory / Ed. by M. Todorova. N. Y., 2004. P. 158–179.

- Bucur M.* Heroes and Victims: Remembering War in Twentieth-Century Romania. Bloomington (Ind.), 2010.
- Commemorations: The Politics of National Identity / Ed. by J. Gillis. Princeton (NJ), 1994.
- Der Erste Weltkrieg auf dem Balkan: Perspektiven der Forschung / Hrsg. von J. Angelow. B., 2011.
- Dimitrova S.* 'Taming the Death': The Culture of Death (1915–18) and Its Remembering and Commemorating through First World War Soldier Monuments in Bulgaria (1917–44) // *Social History*. 2005. Vol. 30. No. 2 (May). P. 175–194.
- Fussell P.* The Great War and Modern Memory. L.; Oxford; N. Y., 1975.
- Horne J.* Kulturelle Demobilmachung 1919–1939: Ein sinnvoller historischer Begriff? // *Politische Kulturgeschichte der Zwischenkriegszeit 1919–1939* / Hrsg. von W. Hartwig. Göttingen, 2005. S. 129–150.
- Inglis K. S.* Entombing Unknown Soldiers: From London and Paris to Baghdad // *History and Memory*. 1993. Vol. 5. № 2 (Fall – Winter). P. 7–31.
- Koselleck R.* Les monuments aux morts, lieux de l'identité des survivants // *Koselleck R. L'expérience de l'histoire*. P., 1997. P. 131–160.
- Koshar R.* From Memory to Traces: Artifacts of German Memory, 1870–1990. Berkley; Los Angeles; L., 2000.
- Lacqueur T.* Memory and Naming in the Great War // *Commemorations: The Politics of National Identity* / Ed. by J. Gillis. Princeton (NJ), 1994. P. 150–167.
- Luthar O.* O žalosti niti besede: Uvod v kulturno zgodovino velike vojne. Ljubljana, 2000.
- Mitrović A.* Serbia's Great War, 1914–1918. L., 2007.
- Moriarty C.* The Absent Dead and Figurative First World War Memorials // *Transactions of the Ancient Monument Society*. 1995. Vol. 39. P. 7–40.
- Mosse G. L.* Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. Oxford, 1990.
- National Office for Heroes Memory. [Electronic resource]: URL: <http://www.once.ro/engleza/once.php> (date of access: 12.05.2016).
- Prost A.* Monuments to the Dead // *Realms of Memory: The Construction of the French Past* / Ed. by P. Nora. N. Y., 1997. P. 307–330.
- Series, Multiples, Realisms / Ed. by A. Șerban. Bucharest, 2013.
- Sherman D.* Monuments, Mourning and Masculinity in France after World War I // *Gender and History*. 1996. Vol. 8. No. 1. P. 82–107.
- Sherman D.* The Construction of Memory in Interwar France. Chicago, 1999.
- War in Peace: Paramilitary Violence in Europe after the Great War / Ed. by R. Gerwarth, J. Horne. Oxford; N. Y., 2012.
- Winter J.* Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History. Cambridge, 1995.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 94(38).08

А. Б. Шарнина

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ В ПРАКТИКЕ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ: АСИЛИЯ¹

Асилия (неприкосновенность) восходит к представлениям о насилии в священном месте как святотатстве. В эллинистическую эпоху полисы и монархи стали подтверждать асилию своих святилищ и распространять её иногда на весь город, заключая соглашения. Асилия становится важной формой дипломатических отношений между государствами эллинистического мира, дающей некоторые гарантии безопасности святилищам, городам и людям во время войн.

Ключевые слова: асилия, полис, праздники, святилище, святотатство, священное перемирие, хора.

«Я уверился, что Земля очень велика и что мы, обитающие от Фасиса до Геракловых Столпов, занимаем лишь малую её частицу; мы теснимся вокруг нашего моря, словно муравьи или лягушки вокруг болота» (Plato. *Phaed.* 109 b). Этот маленький народ, живущий в небольших селениях среди гор Балканского полуострова и на берегах Ионии, расселившийся по берегам Средиземного и Чёрного морей, уже в VIII в. до н. э. стал воспринимать себя как единую общность. Между жителями разных полисов устанавливались религиозные, торговые и политические связи. Посещения соседних общин, поездки в

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-00390) «Представления о праве и справедливости в практике предотвращения и завершения военных конфликтов: вызовы XXI века в свете мирового исторического опыта» в РГПУ им. А. И. Герцена.

далёкие края, не только с торговыми или военными целями, стали частью образа жизни эллина. К началу архаического периода стало популярным участие в празднествах, проводившихся в других общинах, прежде всего в общегреческих играх (Олимпийские, Пифийские, Немейские, Истмийские игры)². Но путешественник подвергался многочисленным опасностям во время своих странствий. Среди них — нападения пиратов, многочисленные войны между общинами. Пираты и отряды воинов были постоянной угрозой и для мирных поселений, и даже для их святилищ. Очень рано возникли обычаи, охраняющие людей от нападений и ограблений. К ним относятся, например, обычай ксении (гостеприимства), гикетейя — обязанность оказывать помощь просящим о защите³. Человек мог получить личную неприкосновенность (ἄσυλος), встав под защиту частного лица или государства.

Прилагательное ἄσυλος буквально означает «безопасный от грабежа и насилия», т. е. тот, кого нельзя грабить, например, разбойникам или пиратам. Это слово встречается у Еврипида в трагедиях «Медея», «Елена», у Платона в «Законах». В «Медее», в частности, героиня размышляет о том, что будет с ней, если она убьёт изменника Ясона: «Какой город примет меня? Какой друг (ξένος) предоставляя мне землю как убежище (γῆν ἄσυλον) и дом ручающийся, защитит моё тело?» (Eur. Med. 385–388)⁴.

Этой обещает Медею: «Если ты придёшь в мой дом, ты будешь неприкосновенна (ἄσυλος), и я тебя никому не выдам» (Eur. Med. 728)⁵. В «Елене» героиня, тревожась, что её могут принудить вступить в брак, сожалеет о смерти Протея: ведь пока он был жив, она была защищена (ἄσυλος) от вступления в брак (Eur. Hel. 60–61). Платон в «Законах» говорит о том, что чужеземец, совершивший невольное убийство, должен навсегда покинуть страну. Если же он, например, случайно будет выброшен бурей на берег этой страны, он может находиться только

² Шарнина А. Б. Эллинское единство и общегреческие празднества // Мнемон. 2012. Вып. 11. С. 257–272.

³ Gould J. Hiketeia // JHS. 1973. Vol. 93. P. 74–103.

⁴ «Ну, я убила их... А дальше что ж? Где город тот и друг, который двери нам распахнёт и приютит, за нас Поручится?» (Пер. И. Анненского).

⁵ «Если ты придёшь в Афины, Я дам тебе приют и никому Тебя не выдам — можешь быть покойна» (Пер. И. Анненского).

на краю берега, «если же кто насильно поведёт его в глубь страны, пусть его освободят первые встречные должностные лица и отправят, целым и невредимым (ἄσυλον) обратно в прибрежную полосу» (Plat. Leg. 866d) (Пер. А. Н. Егунова). Очевидно, что насильственный захват людей и имущества был распространённым явлением и допускался даже официально — например, в возмещение долга. Но общины довольно рано стали договариваться между собой о взаимном запрете на захват людей и добычи друг друга. В договоре второй половины V в. до н. э. Эанфии и Халеиона, двух городов Западной Локриды, есть взаимное обязательство не допускать угона людей и захвата имущества другого города на своей территории (Tod. 1, 34). Вероятно, здесь речь идёт не только о возмещении убытков или долгов, но и о защите от грабежей⁶.

Начиная с III в. до н. э. в источниках, главным образом, надписях, появляется слово «асилия» (ἄσυλία) — «неприкосновенность» — как термин международного права, особая привилегия⁷. Асилия святилищ и городов включается в сферу межгосударственных отношений⁸.

Термин ἄσυλος мог быть не связан напрямую с религиозными обычаями, а являлся проявлением доброй воли какого-нибудь гражданина или результатом взаимных договорённостей общин, хотя дарование этой привилегии, скорее всего, сопровождалось выполнением определённых ритуальных действий, принесением клятв именем богов. Асилия же напрямую связана со святилищами, с религиозными праздниками и восходит к ἱκετεῖα — древнейшему праву молящего о защите у алтаря или очага на неприкосновенность и к представлениям о насилии в священном месте, у алтарей как святотатстве⁹. Вероятно, поэтому в надписях, когда говорится об асилии, часто уточняется, что святилище должно быть ἱερά — «священным»

⁶ Глускина Л. М. Асилия эллинистических полисов и Дельфы // ВДИ. 1977. № 1. С. 82.

⁷ Rigsby K. J. *Asyilia: Territorial Inviolability in the Hellenistic World*. Berkeley; Los Angeles; L., 1996.

⁸ Глускина Л. М. Указ. соч. С. 84.

⁹ Gould J. Op. cit.; Глускина Л. М. Указ. соч. С. 82; Chaniotis A. *Conflicting Authorities: Greek Asyilia between Secular and Divine Law in the Classical and Hellenistic Poleis* // *Kernos*. 1996. Vol. 9. P. 67; Ханиотис А. *Война в эллинистическом мире* / Пер. с англ. А. В. Махлаюка. СПб., 2013. С. 136–137.

(ἱερά καὶ ἄσυλος— «священным и неприкосновенным») (Syll3. 557.1.10; 558.1.17; 559.1.20; 565.1.10 etc.).

С древних времён глубокие религиозные чувства и страх перед богами обычно удерживали не только простых людей, но и всесильных правителей от совершения насилия в святилищах по отношению даже к беглым рабам, и тем более от расхищения святынь. Не было необходимости в специальных законах, это фиксирующих¹⁰. Полибий, рассказывая об убийстве эфоров спартанской молодёжью в 221 г. до н. э. в святилище Афины Меднодомной, подчёркивает, «что святилище это даёт верное убежище всем, даже приговорённым к смерти» (Polyb. IV.35.2–3)¹¹.

На время обрядов, особенно общегреческого значения, таких, как Олимпийские, Пифийские, Немейские и Истмийские игры, объявлялось священное перемирие (ἐκεχειρία)¹². Об этом обычае одобрительно отзывался Исократ в IV в. до н. э. в речи «Панегирик»: «Справедливо хвалят основателей всенародных празднеств за переданный нам обычай — заключать перемирие и, прекратив возникшие раздоры, собираться в одном и том же месте» (Isocr. IV.43) (пер. К. М. Колобовой). По сообщениям древних авторов, впервые священное перемирие как регулярное и распространяемое на все общины было установлено при учреждении Олимпийских игр¹³. Воюющие стороны должны были приостановить военные действия на время проведения праздника. Но это было только перемирие, и после окончания «священного месяца» война могла возобновиться. Например, спартанский царь Агис задержал отплытие эскадры от Коринфа на Хиос, т. к. в это время справлялись Истмийские игры, и коринфяне не желали выходить в море до их окончания. А он «не хотел принуждать коринфян к наруше-

¹⁰ Шарнина А. Б. Роль обычаев в установлении мира в Элладе: религиозные праздники и священное перемирие // Единый всероссийский научный вестник. 2016. № 5. Ч. 1. С. 57–63.

¹¹ Здесь и далее сочинение Полибия цитируется по переводу Ф. Г. Мищенко (прим. ред.).

¹² Rougemont G. La hiéroménie des Pythia et les trêves sacrées d'Éleusis, de Delphes et d'Olympie // BCH. 1973. Vol. 97. Livr. 1. P. 75–106; Schrettle B. The Sacred Truce of Olympia. Roots and Ideology // International Olympic Academy. Report on the I.O.A.'s. Special Sessions and Seminars 1998. Athens, 2000. P. 277–288.

¹³ Schrettle B. Op. cit.

нию истмийского мира» (Thuc. VIII.9). На эти игры приехали и противники — афиняне. После окончания игр «пелопонесская эскадра направилась к Хиосу, а афиняне бросились их преследовать» (Thuc. VIII.10). Таким образом, враждующие стороны прекратили военные действия, вместе провели игры, а потом снова стали воевать друг с другом.

О наступлении «священного месяца» и о священном перемирии (ἐκεχειρία) хозяева праздника сообщали через священных послов — феоров — греческим государствам и предлагали его принять. Перемирие, как правило, принималось и соблюдалось полисами и союзами из благочестия и уважения традиции. Тем не менее, в истории Эллады известны примеры нарушения священного перемирия. Иногда нарушители перемирия, чтобы не выглядеть нечестивцами, объясняли вторжение в чужие земли тем, что по их календарю «священный месяц» ещё не наступил, или вторгались накануне его наступления. Так, этолийцы наложили штраф на лакедемонян за то, что те вторглись в их земли во время олимпийского перемирия. Лакедемоняне же в ответ утверждали, что в это время в Лакедемоне перемирие ещё не наступило (Thuc. V.49). По сообщению Фукидида (Thuc. V.54), аргосцы вторглись в область Эпидавра за четыре дня до начала священного месяца Карнея, когда проходил самый главный дорийский праздник Карнеи, и продолжали разорять страну и во время праздника. А союзники Эпидавра не пришли на помощь, т. к. не хотели воевать в священный месяц.

В межполисных конфликтах и войнах благочестие и страх перед богами часто отступали перед жадной мести или наживы. Как справедливо заметил Страбон, «богатство возбуждает зависть, а потому его трудно уберечь от завистников, даже если оно посвящено богам» (Strabo. IX.3.8) (пер. Г. А. Стратановского). Ему вторит Павсаний, утверждая, что «человек ради прибыли не обращает внимания на божественное» (Pausan. III.23.3).

Даже почитаемое не только эллинами, но и другими народами святилище Аполлона в Дельфах было разграблено фокидянами во время Третьей священной войны в 356–346 гг. до н. э. (Diod. XVI.30–60). Полибий часто возмущается этолийцами, обвиняя их в нарушении обычаев войны и разграблении святилищ. Он приводит речь посла акарнанов в Лакеде-

моне, который с гневом перечисляет преступления этолийцев против богов: «Какой народ ставил во главе походов таких начальников, каких посылали вы, начальников, которые дерзали посягать даже на неприкосновенные святыни? Тимей ограбил святилища Посейдона на Тенаре и святилище Артемиды в Лусах, Фарик расхитил святилище Геры в Аргосе, Поликрат святыню Посейдона в Мантинее» (Polyb. IX.34.8–11). Полибий неоднократно подчёркивает, что делали они это в мирное время: «Беотяне жаловались, что этоляне в мирное время ограбили святилище Артемиды в Лусах» (Polyb. IV.25). В другой книге он опять напоминает, что этолийцы в мирное время нарушили всенародное празднество беотян и вели себя при этом «как скифы и галаты» (Polyb. IX.34.11). Этолийский полководец Скопас «сжёг портики, окружавшие храм, уничтожил все священные предметы, ...опрокинул и все изображения царей, таким образом этот человек в самом начале войны, с первого же шага, воевал не с людьми только, но и с богами, и когда он вернулся в Этолию, его не признали нечестивцем, но превознесли почестями» (Polyb. IV.62.2–4). Конечно, у этолицев, занимавшихся пиратством, была дурная слава в греческом мире¹⁴. Однако Полибий вынужден признать, что и союзник ахейцев, македонский царь Филипп тоже «учинил нечестие против богов» (Polyb. VII.14.3). Филипп в Ферме, «где находилось святилище Аполлона, все святыни, которые остались нетронутыми в первый раз, осквернил теперь... Ярость ослепила Филиппа, ибо позволять себе кощунство в гневе на людей можно только в состоянии крайнего ослепления» (Polyb. XI.7.2). Таким образом, страх перед богами не всегда останавливал не только разбойников и пиратов, но даже войска враждующих государств от нарушения неприкосновенности людей в святилищах, а иногда и от разграбления святынь. Можно согласиться с мнением А. Ханиотиса, что нападения на святилища в эпоху эллинизма были не более многочисленными, чем в другие периоды интенсивных военных действий, как например, Пелопоннесская война, и потому не могут говорить об упадке религиозных чувств именно в это время¹⁵.

В эпоху эллинизма поднялась «волна», захлестнувшая как большие полисы, так и маленькие городки, острова, союзы

¹⁴ Глускина Л. М. Указ. соч. С. 85.

¹⁵ Ханиотис А. Указ. соч. С. 237–238.

и дворы монархов: началось массовое движение за реорганизацию древних местных обрядов в праздники общеэллинского значения по образцу Олимпийских, Пифийских, Немейских или Истмийских игр¹⁶. Послы, разъехавшиеся по всему античному миру, призывали признать наряду с праздником также асимию святилища или даже всей территории полиса. Таким образом, право защиты любого человека в святилище и неприкосновенность самого святилища, казалось бы, изначально охраняемые благочестием, страхом перед богами и неписаной традицией, теперь стали подтверждаться специальными постановлениями полисов и монархов. Обычно гарантии давались также Дельфами и Дельфийской амфиктионией¹⁷.

В эллинистический период неприкосновенность таких древних общеэллинских центров, как Дельфы, Олимпия, Делос оставалась общепризнанной, и не было необходимости в договорах о её подтверждении. Например, в постановлениях о признании полисами и союзами реорганизованного этолийцами праздника Сотерии в Дельфах не говорится об асии (Nachtergaele. 21–26). Только с появлением римлян в Элладе, видимо, возникла необходимость подтвердить старинные привилегии этих центров Римом. На дельфийской стеле 189 г. до н. э. собраны декреты Рима о восстановлении автономии Дельф. В одном из них подтверждается асия храма (Syll³. 612A). В копии письма римского консула Спурия Постумия к дельфийским амфиктионам говорится, что римский сенат в 191 г. до н. э. в ответ на просьбу дельфийских послов подтвердил, что святилище Аполлона Пифийского, а также город Дельфы и хора неприкосновенны (asylon), как и их гавань, а жители Дельф автономны, свободны и освобождены от налогов «по обычаю предков» (Syll³. 612B). Запрет на насилие в общеэллинских религиозных центрах соблюдался не только всеми эллинами, но и македонянами, римлянами. Тит Ливий нарисовал идиллическую картину мирного сосуществования в одной клетке хищников и их жертв. Этот эпизод относится

¹⁶ Подробный обзор и анализ более чем 200 надписей об асии святилищ и полисов содержится в упомянутой выше работе К. Ригсби: *Rigsby K. J. Asyilia: Territorial Inviolability in the Hellenistic World*. Berkeley; Los Angeles; L., 1996.

¹⁷ О Пилейско-Дельфийской амфиктионии см.: *Roux G. L'Amphictionie, Delphes et le Temple d'Apollon au IV-e siecle*. Lyon, 1979; *idem*. *Delphes. Son oracle et ses Dieux*. P., 1976.

ко времени войны римлян с Персеем, т. е. к 168 г. до н. э. Как пишет Ливий, римские послы прибыли на остров Делос, где они «обнаружили сорок македонских легких судов, пять евменовых квинквирем. Все были в полной безопасности — порукой в том была святость острова и его храма, где попеременно отсиживались и римляне, и македоняне, и Евменовы моряки — священная сень понуждала их к перемирию». Однако когда корабли появлялись в открытом море, македоняне на них нападали (Liv. XLIV.29.1–4) (пер. О. Л. Левинской).

Можно выделить три основных вида асилии.

1. Асилия, которая даётся только святилищу в связи с реорганизацией местного обряда в общеэллинское празднество. Так, остров Кос добивался признания праздника в честь Асклепия общеэллинским и асилии святилища бога (Welles. 26, 27, 28). Беотийцы объявили общеэллинскими праздники Афины Итони и Аполлона Птойского и просили признать асилию этих святилищ (Syll³. 635).

2. Асилия дается всему городу и его хоре, что уже выходило за рамки древней традиции, запрещавшей насилие только в местах отправления культа. Самый яркий пример — Магнесия-на-Меандре, которая просила полисы и монархов признать праздник Артемиды Левкофриены общеэллинским и асилию всего города и хоры (Syll³. 557–562). Оба эти вида асилии обычно давались в связи с объявлением местного праздника общеэллинским. Кроме Магнесии-на-Меандре, «священными и неприкосновенными» были объявлены острова Тенос и Анафа, города Смирна, Калхедон, Милет, Теос, Алабанда, Ксанф и Кизик¹⁸.

3. Дарование неприкосновенности частным сообществам, как например, союзу технитов Диониса, объединявшему строителей празднеств (Syll³. 399, 507, 563–565, 692), и отдельным людям (Nachtergaele. 12–20). Она становится привилегией, даваемой наряду с другими привилегиями за услуги, оказанные государству, святилищу. Асилия частным лицам, по сути, была почётной формальностью. Однако наряду с удовлетворением амбиций её получателя, она могла иметь и практическую ценность, т. к. давала гарантии безопасности для посетителя города, давшего это право. Особенно щедро

¹⁸ Ханиотис А. Указ. соч. С. 236.

давали асилию частным лицам Дельфы¹⁹. Город со знаменитым оракулом Аполлона был заинтересован в асии для иностранцев, т. к. от безопасности паломников в святилище и его окрестности зависело и процветание города, граждане которого жили в основном на доходы, которые приносили им посетители древнего святилища и оракула. Они преследовали вполне практические цели, привлекая паломников, в том числе влиятельных людей, а давая асилию как почётную привилегию монархам, побуждали их слать щедрые дары. Всё это способствовало распространению славы Дельф, уже клонившейся к закату.

Необычным является приобретение неприкосновенности города и хоры Теосом, т. к. он её получил, не объявляя о проведении общеэллинского праздника²⁰. В постановлениях полисов и монархов о признании асии Теоса даётся ссылка на асилию союза технитов Диониса Ионии и Геллеспонта, резиденцией которого был Теос (Syll³. 563–565). Вполне вероятно, что Теос получил асилию благодаря союзу, являясь резиденцией последнего.

Любопытно, что асии для своих святилищ просят и монархи. Например, Эвмен II разслал послов к полисам Балканской Греции, Азии и островов с просьбой признать праздник Никефории в честь Афины Никефоры и асилию святилища этой богини (Syll³. 629–630). Этолийцы в 246 г. до н. э. в обмен на признание царём Селевком панэллинским праздником Сотерий в Дельфах признали асилию святилища Афродиты Стратоникиды, полиса и хоры Смирны (Nachtergaele. 25).

Начавшаяся во многих греческих полисах в середине III в. до н. э. реорганизация местных празднеств в праздники общегреческого значения, а также политика филэллинизма, которую проводили некоторые монархи (прежде всего, Атталиды и Селевкиды), подчёркивая тем самым своё благочестие и уважение к греческой религии, усилили внимание к общегреческому святилищу Аполлона в Дельфах. Дельфы и Дельфийская амфикифия часто санкционировали организацию общегреческого праздника и объявление территории

¹⁹ Вот только небольшая выборка из огромного количества постановлений о привилегиях частным лицам, где говорится, в том числе, и о даровании асии: FD. III.1:14, 17, 18, 19, 20, 21; 3:179, 180, 182, 183, 186, 191, 192, 200, 201; 4:177, 180, 210 etc.

²⁰ Глушкина Л. М. Указ. соч. С. 87.

святилища, где проводилось празднество, а иногда также полиса и его хоры, «священными и неприкосновенными»²¹. В III в. до н. э., когда Дельфы были под контролем этолийцев, наряду с дельфийской санкцией общины старались получить и одобрение Этолийского союза, известного центра пиратства²². Так, в ответном на просьбу Магнесии-на-Меандре постановлении этолийцев последние обязуются «не уводить никого из магнетян» (Syll³. 554). Дельфийская амфиктиония сама выступает как гарант безопасности того или иного святилища и праздника. В декрете о святилище Аполлона Птойского в Акрафии (182–179 гг. до н. э.) говорится: «Если кто нарушит асилию святилища, уведёт или совершит насилие над кем-нибудь во время праздника, он будет подсуден суду амфиктионов» (Syll³. 635.4–5). В декрете оговариваются привилегии, а также указываются границы святилища, в пределах которых дается асилия, сроки праздника и перемирия (Syll³. 635.5–6, 10–12). За нарушение постановления Амфиктионии предусматривается штраф. Эти деньги объявляются деньгами Аполлона Птойского (Syll³. 635.24).

Лучше всего о том, как полисы добивались асии, можно судить по надписям Магнесии-на-Меандре. Сохранилось свыше 60 надписей, своеобразный архив, созданный, вероятно, по указанию властей полиса²³. Но общин, признавших праздник, было гораздо больше. В ряде случаев названия соседних общин и городов перечислялись общим списком. Священные послы Магнесии отправились во все концы света. Среди мест, которые они посетили, были Итака, Парос, Халкида, Эпидамн, Мегалополь и другие города Аркадии (Syll³. 558–562). В тексте послания, которое повторяется, с некоторыми вариациями, в постановлениях разных общин, рассказывается история праздника в святилище Артемиды Левкофриены. Первые попытки магнетян призвать эллинов Азии проводить праздник богини вместе с ними, судя по всему, не увенчались большим успехом²⁴. Затем они вновь развернули широкую дипло-

²¹ Глускина Л. М. Указ. соч. С. 85–86.

²² Там же. С. 85.

²³ См., напр., постановления городов и островов о признании асии Магнесии-на-Меандре: Syll³. 557–562; постановления монархов: Welles. 31, 33, 34.

²⁴ Оракул был получен в 221 г. до н. э. Послов магнетяне разослали только в 207 г. до н. э. Об этом свидетельствуют даты декретов горо-

магическую деятельность, теперь уже добиваясь признания праздника в честь Артемиды Левкофриены общеэллиническим, а города и хоры — «священными и неприкосновенными». В посланиях полисам и монархам говорилось об эпифании богини и обращении к оракулу Аполлона. Божества указывали, что благо будет тем, кто почитает Аполлона Пифийского и Артемиду Левкофриену и признает город и хору магнетян священными и неприкосновенными (Syll³. 557.1.6–10).

В это время многие полисы находились под властью Птолемеев, Селевкидов, Атталидов²⁵, и именно к ним обращались за поддержкой. Только получив её, полисы отправляли посольства в другие общины. Монархи обеспечивали просителям также поддержку других городов, входивших в их державу. Магнесия-на-Меандре отправила послов и к Антиоху III, и к Птолемею IV, и к Атталу I (Welles. 31, 33, 34). Аттал I сообщает, что принимает агон равным пифийскому, как к этому призывают магнетяне, «видя, что народ помнит его благодеяния и близок к Музам», и добавляет, что и города, «мною убеждённые, сделают так же» (Welles. 34.1.15–20). Праздник Асклепия, священное перемирие и асилию святилища на Косе признали Селевк II, Птолемей III и Аттал I (Welles. 26, 27, 28).

Это удивительное явление массового стремления городов и городков стать местом сбора эллинов со всего света, разумеется, имело много причин. Очевидно, что было стремление полисов оградить свои святилища, а часто и весь город с прилегающей к нему сельской округой, от нападений враждующих сторон, а также от пиратов²⁶. Полисы старались добиться для себя в водовороте войн дополнительных гарантий неприкосновенности своих святилищ. Во время войн обычно разорялась земля вокруг города. Враги собирали урожай, поля выгапывались, деревья вырубались. Поэтому понятно появление в учредительных документах не только асилии святилища, но и города и хоры. Города стремились заручиться поддержкой как можно большего числа полисов, союзов, но в первую очередь — монархов. Фактически это означало признание нейтралитета полиса, т. к. полисы и монархи, признавшие асилию города,

дов, признавших праздник (Syll³. 558,559).

²⁵ Подробный анализ отношения монархов к асилии дан в работе: Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 140–146.

²⁶ Глускина Л. М. Указ. соч. С. 86; Ханиотис А. Указ. соч. С. 236.

тем самым обязывались не нападать на него и не грабить во время войн и пиратских набегов. Кроме того, они были гарантиями, сдерживавшими нападение других.

Считается, что введение законов и постановлений там, где прежде действовали нормы обычного права, связано с уменьшением влияния религии на гражданские институты, а также с растущей жестокостью во время частых войн эллинистической эпохи, разграблением святилищ, убийством у алтарей. Однако сам факт того, что полисы добивались нейтралитета путём реорганизации обрядов, именем богов, уже опровергает предположение, что причиной этого движения было ослабление веры в защиту богов. Впрочем, признание асиии святилища как можно большим числом государств и правителей давало больше гарантий его безопасности, чем упование на одних лишь богов.

Распространение асиии было вызвано не столько уменьшением страха перед богами, сколько изменением политической карты Средиземноморья, расширением границ эллинского мира, общим усложнением международных отношений. По сравнению с предыдущей эпохой признание неприкосновенности святилищ уже не было само собой разумеющимся. Его нужно было подтверждать постановлениями полисов, союзов и монархов. Обращаясь к эллинам с просьбой о признании асиии, города должны были обосновывать свои претензии. Послы магнетян ссылались не только на явление богини и оракул Аполлона, но и на благодеяния их предков, оказанные эллинам (Syll³. 558.1.7-9). В ответных постановлениях граждане полисов хвалили магнетян за благочестие к богам и благодеяния эллинам (Syll³. 558.1.15). Антиох III признаёт праздник Артемиды, т. к. жители Магнесии проявляли «всегда благожелательность к нам и нашей державе» (Welles. 31.1.18-20).

Показательно редкое упоминание в надписях о священном перемирии. Например, в письме Атгала I Косу признается одновременно и екехейрия, и асиия святилища Асклепия (Welles. 28.1.6). Однако в письмах Косу Селевка II и Птолемея III нет слова «екехейрия» (Welles. 26.27). Особенно интересно, что священное перемирие также есть не во всех постановлениях о празднике и асиии Магнесии-на-Меандре. Например, принимают священное перемирие Мегалополь (Syll³. 559.1.40),

Эпидамн (Syll³. 560.1.22), Парос (Syll³. 562.1.20). Не упоминают о перемирии жители Итаки (Syll³. 558) и Халкиды (Syll³. 561). В письмах царей Птолемея IV и Атгала I перемирие также не упоминается (Welles. 33,34). Даже в надписи, составленной самими магнетянами, в которой рассказывается священная история праздника и говорится, что его приняли цари и все остальные эллины, к которым отправляли посольства (Syll³. 557.1.30–31), не называется священное перемирие. Вероятно, даже в тех случаях, когда полисы принимают перемирие, речь не идёт о том, чтобы прекратить все военные действия. Полисы только соглашались не воевать с Магнесией-на-Меандре. Таким образом, признание перемирия может быть всего лишь уточнением асиии. Никто из полисов и союзов не мог гарантировать в эллинистический период, что ему не придется воевать с каким-нибудь противником, неожиданно напавшим на его владения. Тем более не хотели брать на себя обязательства не вести войны во время праздника монархи.

Но объяснить всё только необходимостью нейтралитета вряд ли возможно. Эвмен II, когда просит асиию для святилища Афины Nikeфоры в Пергаме (Syll³. 629–630), вряд ли допускает саму мысль, что кто-то может напасть на его владения и разграбить святилище, по крайней мере, из таких небольших полисов, как Кос и Иас, письма Эвмена к которым с просьбой о признании асиии святилища сохранились. Возможно, в этом проявилось следование традиции, желание приравнять своё святилище к знаменитым религиозным центрам древности, что должно было привести к повышению своего авторитета в эллинистическом мире. Да и на случай войны не стоит пренебрегать возможными союзниками, даже самыми неизвестными.

Однако асиия не всегда останавливала врагов и разбойников. Как пишет Полибий (IV.18.10), в 216 г. до н. э. этоляне, подойдя к святилищу Артемиды в Аркадии, которое «почитается у эллинов неприкосновенным, угрожали расхитить стада богини и всё, что было вблизи храма». Жители «отдали им кое-какую утварь богини и тем предотвратили кощунство и жестокие насилия». Асиия святилища Афины Nikeфоры в Пергаме не спасла его от разграбления.

У асиии была и обратная сторона. Святилища, на территории которых нельзя было совершать никакого насилия, легко

могли стать местом, где укрывались преступники, и быть источником опасности для жителей полиса²⁷. Эта опасность возрастала ещё больше, если священным и неприкосновенным объявлялся весь город с прилегающей к нему сельской территорией. Божественный закон не признаёт никаких ограничений защиты умоляющих. Геродот (Herod. I.157–159) рассказывает, что жители Ким обратились в святилище в Бранхидах с вопросом, могут ли они выдать персам Пактия, просящего у них защиты. В ответ бог сказал, что он желает, чтобы жители Ким погибли из-за своего нечестия и «впредь не приходили вопрошать оракул о выдате молящих о защите». Ион в трагедии Еврипида (Eurip. *Ion*. 1313–1315) сетовал, что «алтарь не должен бы служить защитой дерзким, И силой бы их надо отгонять... Нельзя руке преступной прикасаться До достоянья божьего» (пер. И. Анненского).

Иначе смотрели на эту проблему римляне. По сообщению Страбона (Strabo. XIV.1.23), право защиты при храме Артемиды в Эфесе было распространено Марком Антонием на целый окружающий его квартал, который вследствие этого сделался даже опасен для города, т. к. в него стали стекаться всякие злодеи в надежде на безопасность, вследствие чего Август был вынужден отменить дарованную Антонием льготу.

Затем уже Тиберий попытался вновь ограничить право асиии греческих полисов. Тацит прямо пишет о том, что «храмы были заполнены наихудшими из рабов; и там же находили приют и защиту преследуемые заимодавцами должники и подозреваемые в злодеяниях, наказуемых смертной казнью, и нигде не было достаточно сильной власти, способной справиться с бесчинством народа, оберегавшего заядлых преступников под предлогом почитания богов» (Тас. *Ann.* III. 60) (пер. А. С. Бобовича). Такова была позиция Рима, озабоченного управлением в подвластных областях, Рима — властителя и блюстителя законов. Вероятно, римляне не могли допустить существования слишком большого числа мест, фактически изъятых из их юрисдикции. В Рим отстаивать своё право убежища направлялись представители множества греческих общин. Перечень городов, явившихся отстаивать права на убежище своих святилищ, весьма внушителен (Тас. *Ann.* III.61–63). В результате сенатом был издан указ, «которым

²⁷ Тщательный разбор проблем, связанных со святилищами как убежищем, сделал А. Ханиотис (*Chaniotis A. Op. cit.*).

с соблюдением полного уважения к религиозным чувствам... и со всею решительностью, ограничивалось число убежищ» (Гас. *Апт.* III.63) (пер. А. С. Бобовича).

Несмотря на все издержки и нарушения, асиялия наряду с проксенией и другими межполисными институтами способствовала если не прекращению военных конфликтов, то ограничению боевых действий в определённых регионах.

Литература

- Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985.
- Глушкина Л. М.* Асиялия эллинистических полисов и Дельфы // ВДИ. 1977. № 1. С. 82–94.
- Ханиотис А.* Война в эллинистическом мире / Пер. с англ. А. В. Махлаюка. СПб., 2013.
- Шарнина А. Б.* Роль обычаев в установлении мира в Элладе: религиозные праздники и священное перемирие // Единый всероссийский научный вестник. 2016. № 5. Ч. 1. С. 57–63.
- Шарнина А. Б.* Эллинское единство и общегреческие празднества // Мнемон. 2012. Вып. 11. С. 257–272.
- Chaniotis A.* Conflicting Authorities: Greek Asyilia between Secular and Divine Law in the Classical and Hellenistic Poleis // *Kernos*. 1996. Vol. 9. P. 65–86.
- Gould J.* Hiketeia // *JHS*. 1973. Vol. 93. P. 74–103.
- Rigsby K. J.* Asyilia: Territorial Inviolability in the Hellenistic World. Berkeley; Los Angeles; L., 1996.
- Rougemont G.* La hiéroménie des Pythia et les trêves sacrées d'Éleusis, de Delphes et d'Olympie // *BCH*. 1973. Vol. 97. Livr. 1. P. 75–106
- Roux G.* L'Amphictionie, Delphes et le Temple d'Apollon au IV-e siècle. Lyon, 1979.
- Roux G.* Delphes. Son oracle et ses Dieux. P., 1976.
- Schrettle B.* The Sacred Truce of Olympia. Roots and Ideology // International Olympic Academy. Report on the I.O.A.'s. Special Sessions and Seminars 1998. Athens, 2000. P. 277–288.

Шарнина Ариадна Борисовна, доцент кафедры всеобщей истории, кандидат исторических наук, доцент (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; Санкт-Петербург, Россия); эл. почта: ariadna@setname.com

Diplomatic Instruments in Practice of Prevention of Military Conflicts in the Hellenistic Era: Asylia

In Greece, the inviolability of shrines was an ancient custom, based on the idea that violence in the sanctuaries is a sacrilege. Also guarded piety sacred truce during Panhellenic religious games. But people could also take up the defense of an individual or the state, declaring him untouched (asylos). In the Hellenistic period Greek cities and the kings confirmed asyilia of sanctuary or of the polis by mutual agreements. Asyilia dates back to the custom of the inviolability of begging for protection. Unlike asylos that is not directly connected with the shrines and rituals, asyilia is given sanctuaries, and sometimes the city in case when local games are declared as Panhellenic, that's why adding the word "holy" in the decisions of its recognition as an asylos (untouchable). It was given to the private communities and individuals as a special privilege. If the inviolability of the sanctuaries was formerly the custom, now asyilia had to be confirmed by agreements of policies and monarchs. Also at this period sacred truce was rarely referred. None of the policies nor monarchs could guarantee in the Hellenistic period, that they will not fight. In fact, policies sought recognition of their neutrality in numerous wars. Usually, guarantees given by Delphi and the Delphic Amphictionic League and in the III BC also by the Aetolian League, a famous center of piracy. Immunity of Panhellenic ancient sanctuaries (Delphi, Delos, Olympia, etc.), however, remained recognized and does not require special regulations. By reorganization of their ceremonies, monarchs pursued to increase of their authority in the Hellenistic world. The other side of receiving asyilia by the cities, was that they became a place of refuge to everybody, including criminal and it was dangerous for the city. In the Hellenistic period asyilia became an important part of the international law, giving some kind of a security guarantee for the sanctuaries, cities and persons at the endless wars.

Key words: asylum, polis, religious holidays, sanctuary, sacrilege, sacred truce, chora.

Ariadna Sharnina, Associate Professor of the Department of World History, Candidate of Historical Sciences, Docent (Herzen State Pedagogical University of Russia; Saint Petersburg, Russia); e-mail: ariadna@setname.com.

References

- Bikerman E.* Gosudarstvo Selevkidov. M., 1985.
- Gluskina L. M.* Asiliya ellinisticheskikh polisov i Del'fy // VDI. 1977. № 1. S. 82–94.
- Khaniotis A.* Voyna v ellinisticheskome mire / Per. s angl. A. V. Makhlayuka. SPb., 2013.
- Sharnina A. B.* Rol' obychaev v ustanovlenii mira v Ellade: religioznye prazdniki i svyashchennoe peremirie // Edinyy vsereossiyskiy nauchnyy vestnik. 2016. № 5. Ch. 1. S. 57–63.

- Sharnina A. B.* Ellinskoe edinstvo i obshchegrecheskije prazdnestva // *Mnemon*. 2012. Vyp. 11. S. 257–272.
- Chaniotis A.* Conflicting Authorities: Greek Asyilia between Secular and Divine Law in the Classical and Hellenistic Poleis // *Kernos*. 1996. Vol. 9. P. 65–86.
- Gould J.* Hiketeia // *JHS*. 1973. Vol. 93. P. 74–103.
- Rigsby K. J.* Asyilia: Territorial Inviolability in the Hellenistic World. Berkeley; Los Angeles; L., 1996.
- Rougemont G.* La hiéroménie des Pythia et les trêves sacrées d'Éleusis, de Delphes et d'Olympie // *BCH*. 1973. Vol. 97. Livr. 1. P. 75–106
- Roux G.* L'Amphictionie, Delphes et le Temple d'Apollon au IV-e siècle. Lyon, 1979.
- Roux G.* Delphes. Son oracle et ses Dieux. P., 1976.
- Schrettle B.* The Sacred Truce of Olympia. Roots and Ideology // International Olympic Academy. Report on the I.O.A.'s. Special Sessions and Seminars 1998. Athens, 2000. P. 277–288.

Т. Г. Хришкевич

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ФРГ В НАЧАЛЕ XXI в.*

В статье представлен анализ организационно-правовых механизмов обеспечения антитеррористической безопасности в ФРГ, рассмотрены изменения в антитеррористическом законодательстве (в частности, квалификация способов совершения актов терроризма и виды наказаний). Автор обращается к особенностям формирования бюджета на осуществление антитеррористических мероприятий (увеличение ассигнований на модернизацию научно-технической области, совершенствование судебно-медицинских исследований и средств коммуникации, а также средств индивидуальной защиты). Исследована структура органов борьбы с террористической угрозой в ФРГ: Федерального министерства внутренних дел, Федеральной полиции, Федерального ведомства уголовной полиции и специальных подразделений (GSG 9). Особое место уделено информационной безопасности. Сделан вывод о том, что в начале XXI в. законодательство Германии значительно расширило полномочия Федерального криминального ведомства по борьбе с терроризмом. Кроме того, рассмотрен опыт практической борьбы с исламским экстремизмом в ФРГ с 2001 по 2015 гг.

Ключевые слова: терроризм, Германия, антитеррористическое законодательство, террористическая угроза, Федеральная полиция, Федеральное ведомство уголовной полиции.

В 2014–2015 гг. Европа столкнулась с новым для неё вызовом — миграционным кризисом. Сотни тысяч беженцев из Сирии, Ирана, Ливана и других стран хлынули на просторы Евросоюза. Обеспокоенные назревающим ценностно-идеологическим кризисом европейцы развернули дискуссию об угрозе терроризма, экспорт которого стал пугающе близким после терактов в Брюсселе и Париже в 2015 г. Наиболее неприятной для беженцев стала Федеративная Республика

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ № 17-01-00190 «Региональная диспропорция современной Германии: сравнительный анализ социальных индикаторов».

Германия — стабильная, экономически успешная, манящая пособиями и рабочими местами. На начало декабря 2015 г. число попросивших убежище в ФРГ составило 441 899 человек¹ (по данным Федерального ведомства по делам миграции и беженцев — Bundesamt für Migration und Flüchtlinge, BAMF). При этом председатель профсоюза германской полиции (GdP) Райнер Вендт заявил, что им удаётся регистрировать на границах только около 10 % прибывающих в страну беженцев. Т. е. полиция не может назвать точное число зарегистрированных². Нельзя уверенно заявлять, что все мигранты несут террористическую идею, но продолжающиеся теракты (такие, как, например, в театре «Батаклан» в Париже) подпитывают истерию средств массовой информации.

В борьбе с терроризмом важным вопросом является формирование соответствующих организационно-правовых механизмов, эффективной системы противодействия ему на национальном и международном уровнях. В ФРГ проблема терроризма имеет почти полувековую историю. В Германии борьба с терроризмом началась не после 2001 г., а в 1968 г., когда немецкая леворадикальная организация «Фракция Красной Армии» (Rote Armee Fraktion, RAF) осуществила первый поджог, перейдя затем к актам насилия. Череда преступлений привела к тому, что были приняты первые законы, ограничивающие права граждан (например, «запрет на профессию»). Однако первый собственно антитеррористический закон появился в ФРГ 19 декабря 1986 г.³ Он является законом о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс ФРГ и в Закон о судоустройстве ФРГ с тем, чтобы приспособить их нормы к нуждам борьбы с терроризмом.

¹ Aktuelle Zahlen zu Asyl. [Elektronische ressource]: URL: https://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Downloads/Infothek/Statistik/Asyl/statistik-anlage-teil-4-aktuelle-zahlen-zu-asyl.pdf?__blob=publicationFile (behandlungsdatum: 03.03.2016).

² Chef der Polizeigewerkschaft: „Polizisten an der Grenze fühlen sich auf den Arm genommen“. [Elektronische ressource]: URL: http://www.huffingtonpost.de/2016/01/24/rainer-wendt-grenze-kontr_n_9063884.html?utm_hp_ref=germany (behandlungsdatum: 08.03.2016).

³ Gesetz zur Bekämpfung des Terrorismus, 19.12.1986. [Elektronische ressource]: URL: http://www.bgbl.de/banzxaver/bgbl/text.xav?SID=&tf=xaver.component.Text_0&toctf=&qmf=&hlf=xaver.component (behandlungsdatum: 19.10.2016).

Согласно закону о борьбе с терроризмом 1986 г., к террористической деятельности в ФРГ относят: нанесение ущерба целостности, а также внешней или внутренней безопасности; прекращение действия или подрыв конституционных основ; нанесение ущерба безопасности размещённым на территории ФРГ войскам иностранных государств — участников Североатлантического договора и пр. В качестве способов совершения актов терроризма перечисляются: преднамеренное убийство, убийство простого вида, взятие заложников, квалифицированный поджог, производство взрыва (в том числе с применением ядерной энергии), производство опасного для жизни затопления, нападение на водный, воздушный или железнодорожный транспорт, угрожающее общественной безопасности отравление и др.⁴

В Уголовном Кодексе 1871 г. (в редакции от 13 ноября 1998 г.) определяющей в плане борьбы с терроризмом нормой является статья 129а «Создание террористических объединений». Она предусматривает следующие виды наказаний: «Если лицо относится к главарям или тайным покровителям сообщества, то оно наказывается лишением свободы на срок не менее трёх лет», «Кто оказывает поддержку обозначенному сообществу или вербует в него, наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до пяти лет». Кроме того, Закон о борьбе с терроризмом включил в Уголовный кодекс ФРГ статью 130а «Подведение к совершению преступлений». Статья предусматривает ответственность в случае, если лицо распространяет, публично выставляет, рекламирует или иным образом делает доступным сочинение, которое по своему содержанию предназначено для создания у другого человека готовности совершить то или иное из преступлений, нарушающих общественное спокойствие. К этой категории, помимо уже перечисленных в ст. 129а, относятся: массовые беспорядки, причинение тяжких телесных повреждений (включая отравление), похищение людей для вывоза за границу или обращения в рабство, разбой, создание угрозы безопасности дорожного транспорта, разрушение телекоммуникационных сооружений и т. п.

⁴ Gesetz zur Bekämpfung des Terrorismus, 19.12.1986. [Elektronische ressource]: URL: [http://www.bgbl.de/banzxaver/bgbl/text.xav?SID=&tf=xaver.component.Text_0&toctf=&qmf=&hlf=xaver.component \(behandlungsdatum: 19.10.2016\).](http://www.bgbl.de/banzxaver/bgbl/text.xav?SID=&tf=xaver.component.Text_0&toctf=&qmf=&hlf=xaver.component (behandlungsdatum: 19.10.2016).)

Статья 129б регулирует возможность обмена информацией о предполагаемых террористах на территории ФРГ между немецкими национальными спецслужбами и их коллегами из стран ЕС. Ведомство по охране конституции (Bundesamt für Verfassungsschutz, BfV), Федеральная разведывательная служба (Bundesnachrichtendienst, BND), а также Военная контрразведка (Militärischer Abschirmdienst, MAD) получили право запрашивать информацию у телефонных компаний и интернет-провайдеров о контактах и данных пользователей⁵.

Существенные изменения в антитеррористическом законодательстве ФРГ произошли после терактов в США 11 сентября 2001 г. В течение ноября – декабря 2001 г. были приняты так называемые «антитеррористические пакеты» Отто Шили (по имени министра внутренних дел ФРГ в 1998–2005 гг.). «Первый антитеррористический пакет» был принят 9 ноября 2001 г., «второй антитеррористический пакет» – 14 декабря 2001 г.⁶ Они произвели изменения во множестве областей: от уголовного права до правовых норм, касающихся иностранцев. Нововведения были подчинены двум основным задачам: террористическая сеть может быть побеждена только путём создания мощной единой сети служб безопасности; успех в борьбе с терроризмом предполагает, в первую очередь, принятие адекватных превентивных мер. В частности, предусматривалось внесение изменений в 14 законодательных и подзаконных актов.

Срок действия чрезвычайных антитеррористических законов был рассчитан на пять лет. Вопрос о его продлении встал перед правительством Ангелы Меркель, 5 января 2007 г. был принят закон о продлении Закона о борьбе с терроризмом

⁵ Gesetz zur Bekämpfung des internationalen Terrorismus 09.01.2002(Terrorismusbekämpfungsgesetz). [Elektronische ressource]: URL: http://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/Gesetzestexte/Terrorismusbekaempfungsgesetz_pdf.pdf?__blob=publicationFile (behandlungsdatum: 19.12.2016).

⁶ Gesetzbeschluss des Deutschen Bundestages: Gesetz zur Bekämpfung des internationalen Terrorismus (Terrorismusbekämpfungsgesetz), Bundesrats-Drucksache 1059/01 vom 14/12/2001; Gesetz zur Bekämpfung des internationalen Terrorismus (Terrorismusbekämpfungsgesetz) vom 9. Januar 2002, Bundesgesetzblatt Teil 1, Nr.3 vom 11.1.2002. [Elektronische ressource]: URL: <http://www.cilip.de/terror/gesetze.htm> (behandlungsdatum: 20.10.2016).

сроком на пять лет (Terrorismusbekämpfungsgesetzes⁷), предусматривавший также некоторые изменения и уточнения антитеррористического законодательства. В 2011 и 2016 гг. он дважды продлевался на 5 лет — до 2015, а затем до 2021 гг.⁸

Борьба с терроризмом требует существенных расходов государства. На протяжении ноября 2001 г. в бундестаге шла дискуссия вокруг проекта бюджета на 2002 г. и выделения 4,3 млрд марок на меры безопасности в целом, а также дополнительных средств в 3 млрд марок на так называемый «анти-террористический пакет». Деньги предполагалось разделить следующим образом: для Федеральной пограничной охраны — 100 млн марок; Федерального криминального ведомства — 85,3 млн марок (на модернизацию научно-технической области, совершенствование судебно-медицинских исследований и средств коммуникации, а так же средств индивидуальной защиты); Ведомству по охране конституции — 251,9 млн марок и дополнительно 18,972 млн марок для усиления наблюдения за террористической деятельностью; Федеральному ведомству по вопросам информационной безопасности — 70,61 млн марок и дополнительно 31,149 млн марок для совершенствования оперативных возможностей в области информационных технологий и разработки защитных мер. Кроме того, антитеррористический пакет включал в себя расходы на расширение персонала и увеличение вклада ФРГ в бюджет Европола (Германия вносит 25 %)⁹. 10 декабря 2001 г. был принят закон «О финансировании борьбы с терроризмом», предусматривавший направление денежных средств, полученных от повышения ставок налога на табак и страхового налога, на борьбу с терроризмом.

⁷ Gesetz zur Ergänzung des Terrorismusbekämpfungsgesetz vom 5 Januar 2007. [Elektronische ressource]: URL: http://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Gesetzestexte/DE/Terrorismusbekaempfungsergaenzungsgesetz.pdf;jsessionid=FD22FAE0CF73E69752A42C0EE5F5CB19.2_cid364?__blob=publicationFile (behandlungsdatum: 21.10.2016).

⁸ Anti-Terror-Gesetze bis 2015 verlängert. [Elektronische ressource]: URL: <http://www.zeit.de/politik/deutschland/2011-10/anti-terror-gesetz-verlaengerung> (дата обращения: 12.12.2016).

⁹ Mehr Geld und Personal für die innere Sicherheit im Jahr 2002. [Elektronische ressource]: URL: [Docs/Downloads/DE/Broschueren/2004/Nach_dem_11_September_2001_Massnahmen_Id_95066_de.pdf?__blob=publicationFile](http://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/Broschueren/2004/Nach_dem_11_September_2001_Massnahmen_Id_95066_de.pdf?__blob=publicationFile) (behandlungsdatum: 12.12.2016).

11 декабря 2001 г. был принят закон «О гармонизации защиты свидетелей, которым грозит опасность». Он указывал, что лицо, без чьих показаний в производстве по уголовному делу было бы невозможно либо серьёзно затруднено исследование обстоятельств дела или установление местонахождения обвиняемого, может быть с его согласия защищено мерами данного закона, если данное лицо по причине своей готовности дать показания попадает в опасное для его жизни, здоровья, свободы или для существенной части его имущества положение и если это лицо в состоянии подвергнуть себя мерам по защите свидетелей. Аналогичные меры могут быть применены также к родственникам и близким свидетеля. Защита свидетеля длится до тех пор, пока существует опасность для его интересов¹⁰. В целом, в начале XXI в. германское антитеррористическое законодательство развивается в соответствии с общемировыми тенденциями.

В мае 2004 г. Министерство внутренних дел выпустило сборник с названием «После 11 сентября 2001 г. Меры по борьбе с терроризмом»¹¹. В нём О. Шили обозначил следующие цели по борьбе с терроризмом, которые преследует Федеральное правительство: предоставить органам безопасности необходимые полномочия для эффективной борьбы с новыми формами терроризма; улучшить обмен данными между соответствующими органами для предотвращения проникновения террористов в Германию; усилить меры безопасности; усилить правовую основу для использования биометрических данных в паспортах с целью установления иностранцев, занимающихся экстремистской деятельностью в Германии.

Совершенствование организационно-правовых механизмов требовало создания единого координационного цен-

¹⁰ Законодательство ФРГ по борьбе с терроризмом // Актуальные проблемы законодательного обеспечения борьбы с терроризмом: российский и зарубежный опыт. [Электронный ресурс]: URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4397/14159> (дата обращения: 11.12.2016).

¹¹ Nach dem 11. September 2001. Maßnahmen gegen den Terror. Dokumentation aus dem Bundesministerium des Innern. [Elektronische ressource]: URL: https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/Broschueren/2004/Nach_dem_11_September_2001_Massnahmen_Id_95066_de.pdf?__blob=publicationFile (behandlungsdatum: 11.12.2016).

тра. В декабре 2004 г. в Берлине на базе штаб-квартиры Федерального ведомства криминальной полиции и Федерального ведомства по защите конституции был создан Антитеррористический ситуационный центр (Anti-Terror-Lagezentrum). Он осуществляет анализ сведений, связанных с террористическими угрозами, обеспечивает оперативный обмен информацией между всеми немецкими полицейскими и разведывательными ведомствами, участвующими в борьбе с терроризмом. Как сообщил на его открытии О. Шили, этим должно быть «достигнуто существенное повышение уровня безопасности нашей страны». «Сети террора мы должны противопоставить информационные сети» – заявил шеф немецкого уголовного ведомства Йорг Цирке¹².

Особое место в борьбе с терроризмом заняла информационная безопасность. С 1 января 2009 г. в ФРГ вступил в силу закон о Федеральном криминальном ведомстве. Новый закон значительно расширил и без того широкие полномочия Федерального криминального ведомства по борьбе с терроризмом и права федеральных полицейских по трём основным направлениям: они получили право запрашивать персональные данные на отдельные группы лиц для их сверки с другими данными, если у них возникают определённые подозрения в возможной причастности этих лиц к подготовке террористических актов; они могут исследовать личные компьютеры людей без их согласия. Совершенствование информационной безопасности привело к созданию Базы данных по борьбе с терроризмом (Anti-Terror-Datei, ATD). Предполагалось, что целый ряд ведомств сможет получить доступ к конфиденциальной информации. В их ряду стояли Федеральная криминальная полиция, Федеральное ведомство по охране конституции, Федеральная разведывательная служба, таможня. В то же время информационная прозрачность вызвала неоднозначную реакцию. База данных была воспринята как способ тотального контроля над гражданами. В защиту ATD перед Федеральным конституционным судом выступил министр внутренних дел Германии Ханс-Петер Фридрих: «ATD – это

¹² Anti-Terror-Zentrum. [Elektronische ressource]: URL: <http://www.bz-berlin.de/artikel-archiv/anti-terror-zentrum> (behandlungsdatum: 11.12.2016).

инструмент, который имеет большое значение в борьбе с международным терроризмом»¹³.

Реализация принятых законов предполагала наличие разветвлённой структуры органов борьбы с террористической угрозой в ФРГ. Ответственность за обеспечение внутренней безопасности и защиту гражданского населения от терроризма несёт Федеральное министерство внутренних дел Германии (Bundesministerium des Innern, BMI). Борьбу с терроризмом в BMI координирует отдел «Р» – отделение полиции министерства. Осуществление антитеррористических мероприятий возложено на Федеральную полицию (Bundespolizei, BPOL), а также на Федеральное ведомство уголовной полиции (Bundeskriminalamt, ВКА). На региональном уровне поддержку им оказывают органы полиции, находящиеся в юрисдикции соответствующей земли.

Помимо этого, в ФРГ существуют и специальные подразделения, такие, как, например, спецподразделение Федеральной полиции GSG 9 (Группа охраны границ – Grenzschutzgruppe 9 BPOL). Группа GSG 9 была создана в апреле 1973 г. после мюнхенской трагедии во время Олимпиады. Сегодня она не только борется с террористами, но и осуществляет спасение людей в чрезвычайных ситуациях, оказывает помощь Министерству иностранных дел, Федеральной таможенной администрации, Федеральному криминальному ведомству. Сотрудники GSG 9 принимают участие в полицейских миссиях как внутри Германии, так и за её пределами. В частности, они обеспечивают поддержку обучения для специальных подразделений в стране и за рубежом, а также консультативную или экспертную оценку при запросах из других государств. GSG 9 используется при решении особо сложных или особо опасных задач, когда преступники оказывают сопротивление с применением оружия, взрывчатых веществ, взрывных устройств, опасных веществ или других опасных материалов. Решение об использовании GSG 9 принимается Федеральным министерством внутренних дел¹⁴.

¹³ Karlsruhe sieht „rechtliche Probleme“. [Elektronische ressource]: URL: http://www.focus.de/politik/deutschland/tid-28016/anti-terror-datei-vor-dem-bundesverfassungsgericht-karlsruhe-sieht-rechtliche-probleme_aid_854472.html (behandlungsdatum: 21.10.2016).

¹⁴ GSG 9 der Bundespolizei. [Elektronische ressource]: URL: <http://www.bundespolizei.de/Web/DE/05Die-Bundespolizei/04Einsatzkraef>

Современный терроризм в ФРГ роднит с мировыми аналогами общность характеристик: количественный рост террористических актов и жестокость их исполнения; принятие в свои арсеналы новых средств воздействия, в частности – информационных (в первую очередь кибернетических), экологических и психических; профессионализм и подготовленность террористов вследствие их участия в различных конфликтах; возросшая техническая оснащённость террористических группировок; высокий уровень финансового обеспечения террористической деятельности; взаимодействие с международными террористическими организациями; интернациональный характер террористических группировок; размывание границ между внутригосударственным и международным терроризмом¹⁵.

В начале XXI в. ФРГ накопила достаточный опыт практической борьбы с террористической угрозой. Не все акции террористов удалось предотвратить, но Федеральное ведомство отмечает высокую степень предупреждения терактов. Меры борьбы с терроризмом в ФРГ можно разделить на следующие группы: уголовно-процессуальные меры; административно-правовые (меры охраны и обеспечения безопасности учреждений и лиц); агентурно-оперативные (получение информации о планах террористов); «мирные инициативы» (политические решения проблем).

Значительная часть угрозы связывается в начале XXI в. с ростом исламского экстремизма. Одной из первых таких террористических атак стала пресечённая полицией попытка нападения сторонников «Аль-Каиды» (из числа террористической группировки «Аль-Таухид») на Еврейский общинный центр в Берлине и еврейские рестораны в Дюссельдорфе в начале 2002 г. В конце 2004 г. члены курдско-иракской исламистской группировки «Ансар аль-Ислам» планировали убить премьер-министра Ирака Аяда Алауи во время его визита в Германию. В 2008 г. организатор планировавшегося теракта был приговорён к десяти годам лишения свободы. Одной из крупномасштабных акций, пресечённых немецкими спецслужбами, стала подготовка взрывов в аэропорту на

te/03_GSG9/GSG9_node.html (behandlungsdatum: 11.12.2016).

¹⁵ Супертерроризм. Новый вызов нового века / Под ред. А. В. Федорова. М., 2002. С. 14–15.

американской базе в Рамштайне и в дискотеках земли Северный Рейн-Вестфалия в 2006 г. Среди задержанных оказались двое немцев, обращённых в ислам, а руководителем группы был коренной баварец. Все трое входили в «Исламский союз джихада»¹⁶. 2008–2012 гг. так же ознаменовались в ФРГ рядом террористических актов или угроз. В марте 2011 г. косовский албанец стрелял в аэропорту Франкфурта-на-Майне по военнослужащим США (было убито два и ранено два человека). В апреле 2011 г. следователи земли Северный Рейн-Вестфалия дали санкцию на арест трёх подозреваемых в деятельности «Аль-Каиды», которые планировали взрыв в Германии. В сентябре 2011 г. берлинская полиция задержала 24-летнего выходца из Ливана и его 28-летнего сообщника — палестинца родом из сектора Газа, подозреваемых в подготовке теракта. По данным правоохранительных органов, они приобрели химикаты, пригодные для производства бомбы.

Попытка выявить подлинное число террористов в ФРГ пока не увенчалась успехом. В апреле 2010 г. Й. Цирке указывал, что число потенциально опасных исламских террористов в ФРГ составляет 1100 человек. По его замечанию, примерно треть вызвавших подозрения радикальных исламистов из Баден-Вюртемберга, остальные из Бремена, Берлина и Северного Рейна-Вестфалии. Объясняется подобное утверждение прежде всего тем, что в этих землях проживает самое большое количество мусульманского населения Германии, в том числе мигрантов. Например, в Берлине (суммарно во всех районах — Панков, Шарлоттенбург, Лихтенберг, Шпандау и др.) находится самая большая диаспора турок: от общего числа населения в 3 млн 502 тыс. — 98 тыс. 945 человек¹⁷. Район Кройцберг называют «немецким Стамбулом» (хотя численность Берлин-Митте и Нойкёльн больше, чем в Кройцберге — соответственно, 22271 и 21023 против 16722). Бремен, занимающий первое место в ФРГ по доле мигрантов в общей численности населения (28,7 %), будучи последней из шестнадцати земель ФРГ по численности мигрантов, стал первой землёй в ФРГ, где ислам

¹⁶ Безопасность Европы /Под ред. В. В. Журкина. М., 2011. С. 377.

¹⁷ Ausländerinnen und Ausländer am Ort der Hauptwohnung in Berlin am 30.06.2014 nach Bezirken und Staatsanhörigkeiten. [Elektronische ressource]: URL: https://www.statistik-berlin-brandenburg.de/Publikationen/OTab/2014/OT_A08-07-00_192_201401_BE.pdf (behandlungsdatum: 20.10.2016).

признали официальной религией (это произошло в декабре 2012 г.)¹⁸.

Общая численность мусульманского населения среди иммигрантов и переселенцев, имеющих гражданство ФРГ, никогда не подсчитывалась (статистика учитывает понятия «немец» и «не немец»). По приблизительным данным, опубликованным Федеральным ведомством по делам миграции и беженцев, численность мусульман в Германии в 2009 г. составляла от 3,8 до 4,3 млн человек¹⁹, т. е. чуть менее 1/3 от общего числа иммигрантов и 5% от общего числа населения. По данным переписи 2011 г. население Германии составило 80 млн 219 тыс. 695 человек, из них 6,2 млн (7,7 %) – мигранты.

Экономически благоприятная конъюнктура как Германии в целом, так и её западных земель в частности, на фоне кризиса, рецессии, «арабской весны» делает страну привлекательной для мигрантов из Северной Африки, Ближнего Востока и даже стран Европейского Союза. В первую очередь, привлекают промышленно развитые земли (Северный Рейн-Вестфалия, Бавария, Баден-Вюртемберг), а также крупные города – такие, как Берлин, Гамбург, Кёльн и Мюнхен. Но и там добиться высокого уровня жизни удаётся далеко не всем. Отсюда значительная угроза исходит от социально неустroенных мигрантов, численность которых в ФРГ за последние годы заметно выросла.

С развитием мира развивается и терроризм. Террористы вырабатывают и принимают на вооружение новые подходы к решению своих стратегических задач. Религиозные террористы нового поколения исходят из того, что желаемые результаты могут быть с уверенностью достигнуты только при использовании современных средств массового поражения: химического, биологического или ядерного оружия и новых, в первую очередь информационных, технологий. Заметным фактором международной жизни становится в последние годы информационный терроризм. В начале XXI в. немецкие

¹⁸ Ислам становится официальной религией в Германии. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.islamnews.ru/news-143846.html> (дата обращения: 20.10.2016).

¹⁹ Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. [Elektronische ressource]: URL: <http://www.bamf.de/SharedDocs/Projekte/DE/DasBAMF/Forschung/Integration/muslimisches-leben.html> (behandlungsdatum: 20.10.2016).

правоохранительные органы столкнулись с новыми вызовами, которые потребовали изменения законодательной базы, организационно-правового оформления механизмов обеспечения антитеррористической безопасности государства; совершенствования функционирования силовых ведомств и спецслужб. Открытым остаётся вопрос об эффективности этой борьбы: многие несостоявшиеся теракты были предотвращены во многом случайно, зачастую террористы были арестованы не сразу и могли осуществить задуманное, спецслужбы практически никак не могут воздействовать на потенциальных экстремистов — тех, кто пока ещё не совершил ничего противозаконного, но так или иначе поддерживает их взгляды, в некоторых случаях прослеживается связь террористических организации с должностными лицами. Всё это свидетельствует о возрастающем понимании немецкой общественностью реальности угрозы терроризма.

Источники

- Aktuelle Zahlen zu Asyl. [Elektronische ressource]: URL: https://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Downloads/Infothek/Statistik/Asyl/statistik-anlage-teil-4-aktuelle-zahlen-zu-asyl.pdf?_blob=publicationFile (behandlungsdatum: 03.03.2016).
- Anti-Terror-Gesetze bis 2015 verlängert. [Elektronische ressource]: URL: <http://www.zeit.de/politik/deutschland/2011-10/anti-terror-gesetz-verlaengerung> (дата обращения: 21.10.2016).
- Ausländerinnen und Ausländer am Ort der Hauptwohnung in Berlin am 30.06.2014 nach Bezirken und Staatsanhörigkeiten. [Elektronische ressource]: URL: https://www.statistik-berlin-brandenburg.de/Publikationen/OTab/2014/OT_A08-07-00_192_201401_BE.pdf (behandlungsdatum: 20.10.2016).
- Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. [Elektronische ressource]: URL: <http://www.bamf.de/SharedDocs/Projekte/DE/DasBAMF/Forschung/Integration/muslimisches-leben.html> (behandlungsdatum: 20.10.2016).
- Chef der Polizeigewerkschaft: „Polizisten an der Grenze fühlen sich auf den Arm genommen“. [Elektronische ressource]: URL: http://www.huffingtonpost.de/2016/01/24/rainerwendt-grenze-kontr_n_9063884.html?utm_hp_ref=germany (behandlungsdatum: 08.03.2016).

- GSG 9 der Bundespolizei. URL: http://www.bundespolizei.de/Web/DE/05Die-Bundespolizei/04Einsatzkraefte/03_GSG9/GSG9_node.html (behandlungsdatum: 11.12.2016).
- Gesetz zur Bekämpfung des Terrorismus vom 19. Dezember 1986. [Elektronische ressource]: URL: http://www.bgbl.de/banzxaver/bgbl/text.xav?SID=&tf=xaver.component.Text_0&toctf=&qmf=&hlf=xaver.component. (behandlungsdatum: 19.10.2016).
- Gesetz zur Bekämpfung des internationalen Terrorismus (Terrorismusbekämpfungsgesetz) vom 9. Januar 2002/ [Elektronische ressource]: URL: http://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/Gesetzestexte/Terrorismusbekaempfungsgesetz_pdf.pdf?__blob=publicationFile (behandlungsdatum: 19.12.2016).
- Gesetz zur Ergänzung des Terrorismusbekämpfungsgesetz vom 5. Januar 2007. [Elektronische ressource]: URL: http://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Gesetzestexte/DE/Terrorismusbekaempfungsergaenzungsgesetz.pdf;jsessionid=FD22FAE0CF73E69752A42C0EE5F5CB19.2_cid364?__blob=publicationFile (behandlungsdatum: 21.10.2016).
- Mehr Geld und Personal für die innere Sicherheit im Jahr 2002. [Elektronische ressource]: URL: http://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/Broschueren/2004/Nach_dem_11_September_2001_Massnahmen_Id_95066_de.pdf?__blob=publicationFile (behandlungsdatum: 12.12.2016).
- Nach dem 11. September 2001. Maßnahmen gegen den Terror. Dokumentation aus dem Bundesministerium des Innern. [Elektronische ressource]: URL: https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/Broschueren/2004/Nach_dem_11_September_2001_Massnahmen_Id_95066_de.pdf?__blob=publicationFile (behandlungsdatum: 11.12.2016).

Литература

- Anti-Terror-Zentrum. [Elektronische ressource]: URL: <http://www.bz-berlin.de/artikel-archiv/anti-terror-zentrum> (behandlungsdatum: 11.12.2016).
- Безопасность Европы / Под ред. В. В. Журкина. М., 2011.
- Законодательство ФРГ по борьбе с терроризмом // Актуальные проблемы законодательного обеспечения борьбы с терроризмом: российский и зарубежный опыт.

[Электронный ресурс]: URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4397/14159> (дата обращения: 11.12.2016).

Ислам становится официальной религией в Германии.

[Электронный ресурс]: URL: <http://www.islamnews.ru/news-143846.html> (дата обращения: 20.10.2016).

Супертерроризм. Новый вызов нового века / Под ред. А. В. Фёдорова. М., 2002.

Хришкевич Татьяна Георгиевна, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения, кандидат исторических наук, доцент (Псковский государственный университет; Псков, Россия); эл. почта: faschoda@mail.ru

The Organizational and Legal Mechanisms for Ensuring Anti-terrorism Security in the FRG at the Beginning of the 21st Century

The article presents the analysis of the organizational and legal mechanisms for German anti-terrorism security. The article examines changes in anti-terrorism legislation: the qualification methods of committing acts of terrorism and penalties. It refers to the peculiarities of budget formation for the implementation of anti-terrorism measures (in particular, the increase of assignments for the modernization of science and technology, improvement of forensic investigations and communication, as well as personal protective equipment). The article explores the structure of the institutional bodies of struggle against terror threat in Germany, such as the Federal Ministry of the Interior, Federal Police, Federal Office of Criminal Police and Special Forces (GSG 9). Particular attention is paid to information security. Early in the 21st century German legislation has considerably expanded the power of the Federal Criminal Office for the fight against terrorism. It has got the right to ask for personal data of certain groups of people or to search personal computers of people without their consent. In addition, the paper examines the experience of struggle against Islamic extremism in the Federal Republic of Germany from 2001 to 2015, as well as its causes.

Keywords: terrorism, Germany, anti-terrorist legislation, terrorist threat, the Federal Police, Federal Criminal Police Office.

Tatiana Khrishkevich, Associate Professor of the Department of World History and Area Studies, Candidate of Historical Sciences, Docent (Pskov State University; Pskov, Russia); e-mail: faschoda@mail.ru.

References

- Aktuelle Zahlen zu Asyl. [Elektronische ressource]: URL: https://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Downloads/Infothek/Statistik/Asyl/statistik-anlage-teil-4-aktuelle-zahlen-zu-asyl.pdf?__blob=publicationFile (behandlungsdatum: 03.03.2016).
- Anti Terror Gesetze bis 2015 verlängert. [Elektronische ressource]: URL: <http://www.zeit.de/politik/deutschland/2011-10/anti-terror-gesetz-verlaengerung> (behandlungsdatum: 21.10.2016).
- Ausländerinnen und Ausländer am Ort der Hauptwohnung in Berlin am 30.06.2014 nach Bezirken und Staatsanhörigkeiten. [Elektronische ressource]: URL: https://www.statistik-berlin-brandenburg.de/Publikationen/OTab/2014/OT_A08-07-00_192_201401_BE.pdf (behandlungsdatum: 20.10.2016).
- Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. [Elektronische ressource]: URL: <http://www.bamf.de/SharedDocs/Projekte/DE/DasBAMF/Forschung/Integration/muslimisches-leben.html> (behandlungsdatum: 20.10.2016).
- Chef der Polizeigewerkschaft: „Polizisten an der Grenze fühlen sich auf den Arm genommen“. [Elektronische ressource]: URL: http://www.huffingtonpost.de/2016/01/24/rainer-wendt-grenze-kontr_n_9063884.html?utm_hp_ref=germany (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- GSG 9 der Bundespolizei. [Elektronische ressource]: URL: http://www.bundespolizei.de/Web/DE/05Die-Bundespolizei/04Einsatzkraefte/03_GSG9/GSG9_node.html (behandlungsdatum: 11.12.2016).
- Gesetz zur Bekämpfung des Terrorismus vom 19. Dezember 1986. [Elektronische ressource]: URL: http://www.bgbl.de/banzxaver/bgbl/text.xav?SID=&tf=xaver.component.Text_0&toctf=&qmf=&hlf=xaver.component (behandlungsdatum: 19.10.2016).
- Gesetz zur Bekämpfung des internationalen Terrorismus (Terrorismusbekämpfungsgesetz) vom 9. Januar 2002. [Elektronische ressource]: URL: http://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/Gesetzestexte/Terrorismusbekaempfungsgesetz_pdf.pdf?__blob=publicationFile (behandlungsdatum: 19.12.2016).
- Gesetz zur Ergänzung des Terrorismusbekämpfungsgesetz vom 5. Januar 2007. [Elektronische ressource]: URL: http://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Gesetzestexte/DE/Terrorismusbekaempfungsergaenzungsgtsetz.pdf;jsessionid=FD22FAE0CF73E69752A42C0EE5F5CB19.2_cid364?__blob=publicationFile (behandlungsdatum: 21.10.2016).
- Mehr Geld und Personal für die innere Sicherheit im Jahr 2002. [Elektronische ressource]: URL: http://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/Broschueren/2004/Nach_dem_11_September_2001_Massnahmen_Id_95066_de.pdf?__blob=publicationFile (behandlungsdatum: 12.12.2016).

- Nach dem 11. September 2001. Maßnahmen gegen den Terror. Dokumentation aus dem Bundesministerium des Innern. [Elektronische ressource]: URL: https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/Broschueren/2004/Nach_dem_11_September_2001_Massnahmen_Id_95066_de.pdf?__blob=publicationFile (behandlungsdatum: 11.12.2016).
- Anti Terror Zentrum. [Elektronische ressource]: URL: <http://www.bz-berlin.de/artikel-archiv/anti-terror-zentrum> (behandlungsdatum: 11.12.2016).
- Bezopasnost' Evropy / Pod red. V. V. Zhurkina. M., 2011.
- Zakonodatel'stvo FRG po bor'be s terrorizmom // Aktual'nye problemy zakonodatel'nogo obespecheniya bor'by s terrorizmom: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt. [Elektronische ressource]: URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4397/14159> (behandlungsdatum: 11.12.2016).
- Islam stanovitsya ofitsial'noy religiey v Germanii. [Elektronische ressource]: URL: <http://www.islamnews.ru/news-143846.html> (behandlungsdatum: 20.10.2016).
- Superterrorizm. Novyy vyzov novogo veka / Pod red. A. V. Fyedorova. M., 2002.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

UDC 94(357)

К. И. Maksymiuk

DESTRUCTION OF THE ĀDUR GUŠNASP TEMPLE IN ĀDURBĀDAGĀN AS A REVENGE FOR ABDUCTION OF THE HOLY CROSS FROM JERUSALEM IN THE CONTEXT OF THE LETTERS OF HERACLIUS

In 614 *kust-ī nēmrōz spāhbed* Šahrwārāz captured Jerusalem. Among the trophies brought from the city he took the relics of the Holy Cross. The current article analyzes the religious aspects of the last great war between Iran and Byzantium based on correspondence of Heraclius (610–641). The main goal is an attempt for replying the question whether destruction of the main Zoroastrian Ādur Gušnasp in Ādurbādagān was in fact a revenge for the capture of the True Cross?

Key words: Roman-Persian wars, Iran, Ādur Gušnasp, Heraclius, Xusrō II Parvēz, Šahrwārāz, the True Cross.

At the break of 613/614 the armies of Xusrō II Parvēz (590–628)¹ with active support of 20000 Jewish army under Nehemiah ben Hushiel and Benjamin of Tiberias captured Jerusalem. Several months later a mutiny of the Christians broke during

¹ *Kaegi W. E.* Heraclius: Emperor of Byzantium. Cambridge, 2003. P. 74–81; *Howard-Johnston J.* Pride and fall: Khusro II and his regime, 626–628 // *La Persia e Bisanzio, atti del Convegno internazionale sul tema* (Roma 14–18 ottobre 2002). R., 2004. P. 93–113; *Pourshariati P.* Decline and Fall of the Sasanian Empire: The Sasanian-Parthian Confederacy and the Arab Conquest of Iran. L.; N. Y., 2008. P. 130–160; *Crawford P.* The War of the Three Gods. Romans, Persians, and the Rise of Islam. B., 2013. P. 28–31, 38–46; *Wood Ph.* The Chronicle of Seert. Christian Historical Imagination in Late Antique Iraq. Oxford, 2013. P. 176–220.

which Nehemiah was murdered². The Jews requested support from Šahrwārāz – the commander of Iranian army stationed in Caesarea Maritima³. In the second half of April 614 *kust-ī nēmrōz spāhbed* besieged Jerusalem and after about 20 days recaptured the city⁴. According literary description Jerusalem was

² Antiochos Strategos. 502-517; Sebeos. 115.

³ Ṭabarī lists three commanders of Xusrō II Parvēz active on the Western front. Rumiyūzān was sent to Syria and Palestine, Šāhēn was to capture Egypt and the lands of Nubia, the third was Farruhān (Farrukhān). According to Ṭabarī Farruhān „was of Šahrwārāz rank” and led the expedition against Constantinople (Ṭabarī. 1002). As far as identity of Šāhēn is clear, identification of the remaining commanders is disputable. It is believed that Rumiyūzān should be identified with Šahrwārāz who undoubtedly captured Jerusalem in 614. Bosworth in his comment to Ṭabarī identifies Šahrwārāz with Rumiyūzān and Farruhān (Ṭabarī. 1002. P. 318-319. Ann. 745, 749). Basing on Sebeos. 115, Thomson (Sebeos. P. 63. Ann. 391) assumes that the commanders listed in Armenian sources: Razmiozan and Khoream, are in fact Šahrwārāz; Based on the studies of Gyselen (*Gyselen R. The Four Generals of the Sasanian Empire. Some Sigillographic Evidence. R., 2001. Seals 2d/2, 2d/1, 2d/2*) it should be assumed that Šahrwārāz was the member of the Mehrān family (Pahlav) and held the office of *kust ī nēmrōz spāhbed*. On the role of the Parthian clans in military see: *Maksymiuk K. The Parthian Nobility in Xusrō I Anōšīrvān Court // Elites in the Ancient World. Vol. 2 / Ed. by D. Okoń, P. Briks. Szczecin, 2015. P. 189-198; Maksymiuk K. The Pahlav-Mehrān Family Faithful Allies of Xusrō I Anōšīrvān // Мерамоп-фозы истории. 2015. Вып. 6. С. 163-179. P. Pourshariati has no doubts that Gorāz (Gurāz) mentioned in Šāh-nāma of Ferdowsī (t. VIII.43.63-64) must be identified with Šahrwārāz (“Boar of the Empire”) (see: *Pourshariati P. Decline and Fall of the Sasanian Empire. P. 142-149*).*

⁴ Antiochos Strategos. 503-505; Agapius. 451; *Chron. 1234. 93; Chron. 724. 113; Chron. Pasch. 704-705; Mika’el Rabo. 11.1; Sebeos. 115; Ṭabarī. 1007. Discussion of dating: Foss C. The Persians in the Roman Near East (602-630 AD) // JRAS. 2003. № 2. P. 149-170; Ben-Ami D., *Tchekhanovets Y., Bijovsky G. New Archaeological and Numismatic Evidence for the Persian Destruction of Jerusalem in 614 CE // Israel Exploration Journal. 2010. Vol. 60. P. 204-221; Stoyanov Y. Archaeology Versus Written Sources: the Case of the Persian Conquest of Jerusalem in 614 // Acta Musei Varnaensis. 2011. № VIII-1. P. 351-358; According to classical sources its christian inhabitants were slaughtered (Antiochos Strategos. 506-507; Sebeos. 115), Avni (*Avni G. The Persian Conquest of Jerusalem (614 C.E.): An Archaeological Assessment // BASOR. 2010. № 357. P. 35-48*) dates 7 group grave located by Mamilla pool for the time of Iranian invasion; on top of that 35,000, including Patriarch Zachariah, were to be deported to Iran (Antiochos Strategos. 511-514; Sebeos. 116).**

to be demolished which has been partially confirmed by the recent archaeological survey⁵. From the ideological perspective the key event was carrying the relics of the Holy Cross from Jerusalem by Šahrwarāz⁶.

Below considerations aim in analyzing the “religious” aspects of Heraclius’ (610–641) expedition to Iran in the light of imperial correspondence⁷. The main question examined is whether destruction of Zoroastrian temple Ādur Gušnasp in Ādurbādagān⁸ was retaliation for the capture of the True Cross⁹?

⁵ Alternative view is demonstrated by J. Magness (*Magness J. A re-Examination of the Archaeological Evidence for the Sassanian Persian Destruction of the Tyropoeon Valley // BASOR. 1992. № 287. P. 67–74*) who states that the destruction within the city came from the later periods. The problem in their dating is the earthquake of 628 and Arab invasion of 638.

⁶ Antiochos Strategos. 515–516; Theoph. 6106; *Chron. 724, 146; Chron. 1234. 93; Mika’el Rabo. 11.1; Chron. Pasch. 704–705; Ṭabarī. 1002.*

⁷ See: *Baynes N. H. The Restoration of the Cross at Jerusalem // EHR. 1912. № 106. P. 287–299; Frolow A. La vraie croix et les expéditions d’Héraclius en Perse // Revue des Études Byzantines. 1953. № 11. P. 88–105; Grumel V. La reposition de la vraie croix à Jérusalem par Héraclius. Le jour et l’année // Zeitschrift für Byzantinistik. 1966. Bd. 1. S. 139–149; Drijvers J. W. Heraclius and the Restitutio Crucis. Notes on Symbolism and Ideology // The Reign of Heraclius (610–641). Crisis and Confrontation / Ed. by J. Reinink, B. Stolte. Leuven, 2002. P. 175–190; Bergamo N. Expedition persica of Heraclius: Holy War or Crusade? // Porphyra. 2008. № 12. P. 94–107; Stoyanov Y. Defenders and Enemies of the True Cross: The Sasanian Conquest of Jerusalem in 614 and Byzantine Ideology of Anti-Persian Warfare. Vienna, 2011. P. 67–69.*

⁸ *Boyce M. Adur Gushnasp // EIr. 1985. Vol. 1. P. 475–476.*

⁹ See: *Hioureas V. “ὁ κρατῶν Περσοκράτης ὁ πυρρολάτρης ἐξοφόθη Χοσρόης”*: The Portrayal of Chosroes II in George Pisides’ *Herakleias // Sasanika. 2013. № 5. [Electronic resource]: URL: <http://sasanika.org/wp-content/uploads/GardPaper5-Hioureas-George-Pisides.pdf> (date of access: 31.10. 2016): “Herakleios retaliated for the sacking of Jerusalem and the theft of the True Cross when he polluted the sacred fire temple by throwing corpses into the waters of the sacred lake, among other things. He destroyed the Zoroastrian temple, and in this way demonstrated, at least for the eyes of his Empire, that the war against the Sassanian was a religious one”; *Baca-Winters K. The Last Battle: The Dēnkard and the Post-Zoroastrian World // Sasanika. 2013. № 3. [Electronic resource]: URL: <http://sasanika.org/wp-content/uploads/e-sasanika-GP3-Baca-Winters.pdf> (date of access: 31.10.2016): “Perhaps the biggest blow to Zoroastrians was the sack of the sacred Zoroastrian fire temple Atur Gušnasp, where Sasanian emperors would make pilgrimages and ordinary Zoroas-**

The destruction of Ādur Gušnasp

In 622 Heraclius launched a counteroffensive in the East¹⁰. In course of military actions Roman forces destroyed in 624 the temple in Ādur Gušnasp¹¹. "And when the emperor reached the town of Ganzak (308) <he refreshed his army in its suburbs. The Persians who had taken refuge with him said that Khusro had destroyed with fire all the crops in those parts on his way to the town of Thebarmais> in the east, wherein were the temple of Fire and the treasure of Croesus, king of the Lydians, and the deceit of the coals. Having seized these items, he (Khusro) had marched to Dastagerd. Setting out from Ganzak, the emperor reached Thebarmais; and he entered (it) and burnt down the temple of Fire and burnt down the entire city" (Theophan. A. M. 6114) (transl. by C. Mango); "Heraclius marched on with 120,000 to go to the court of the Persian king. He travelled through the regions of the north, making directly for the city of Karin; and having reached Dvin in Ayrarat, he ravaged it and Nakhchawan. Proceeding to Gandzak in Atrpatakan, he also destroyed the altars of the great Fire which they called Vshnasp" (Sebeos. 124) (transl. by R. W. Thomson); "So putting out all that fire, you left nothing, excluding that as is said a small spark to burn Chosroes" (Pisides. 2.229-230) (transl. by V. Hioureas); "They will remove Ādur Gušasp from its place... on account of (the devastation of) these armies, Ādur Gušasp will be carried to Padašwārgar" (*Zand ī Vahman Yašt*. pp. 467, 469) (transl. by B. N. Dhabhar).

Fire played enormous role in Zoroastrian religion¹². The priests were obliged to sustain the fire burning on the altars to

trians would make devotions to Ohrmazd, in retaliation for Xusro II having "stolen" the True Cross".

¹⁰ *Howard-Johnston J.* Heraclius' Persian Campaigns and the Revival of the East Roman Empire, 622-630 // *War in History*. 1999. № 6. P. 1-44; *Maksymiuk K.* Geography of Roman-Iranian Wars. Military Operations of Rome and Sasanian Iran. Siedlce, 2015. P. 92-98.

¹¹ *Kaegi W. E.* Op. cit. P. 127; *Dizaji M. G.* Disintegration of Sasanian Hegemony over Northern Iran (AD 623-643) // *IrAnt*. 2011. № 46. P. 315-329; According to *Payne (Payne R.)* A State of Mixture: Christians, Zoroastrians, and Iranian Political Culture in Late Antiquity. Oakland, 2015. P. 177) this event was presented as the act of piety of the Byzantine army.

¹² See: *Maksymiuk K.* Zaratusztrianizm w okresie sasanidzkim. Zarys problematyki // *Istoriâ religij v Ukraïni: naukovij šoričnik* / Red. O. Kiričuk, M. Omel'čuk. L'viv, 2016. S. 15-24.

celebrate Ōhrmazd¹³. This fire was identified with Truth and Order – *aša*. Three kinds of fire were worshipped: Ātaš Dādgāh, Ātaš Ādorān and Ātaš Bahrām (Fire of Victory), with the latter being believed the most¹⁴. Three great fires of the highest grade existed in the Sasanian period (Ātaš Bahrām – was worshipped in all temples¹⁵). Ādur Gušnasp (in Media) – which was a temple of the royal and knightly fire, in Ādur Farnbāg temple (in Pārs)¹⁶ – a fire of the priests was worshipped. Third – Ādur Burzēn-Mihr (in Parthia)¹⁷ was a peasants' fire temple. The political importance of Ādur Gušnasp increased especially in 4th century AD when a new habit of visiting the temple by each newly crowned ruler was introduced¹⁸.

The religious aspect of the conflict in the literary sources describing the campaign of Heraclius

A. Sebeos quotes a letter of Xusrō II addressed to Heraclius in 622/623, which was to be read in the presence of the patriarch of Constantinople and placed in front of the altar: “Let not your vain hope deceive you. For that Christ who was not able to save himself from the Jews – but they killed him by hanging him on a cross – how can the same save you from my hands?” (Sebeos. 123) (transl. by R. W. Thomson). Genuineness of the letter had been convincingly denied by R. W. Thomson¹⁹.

¹³ Schippman K. Die iranischen Feuerheiligtümer. B., 1971.

¹⁴ Boyce M. On the Sacred Fires of the Zoroastrians // BSOAS. 1968. Vol. 31. № 1. P. 52–68.

¹⁵ Gyselen R. Les grands feux de l'empire Sassanide: quelques témoignages sigillographiques // Religious Themes and Texts of pre-Islamic Iran and Central Asia: Studies in Honour of Professor G. Gnoli / Ed. by C. Cereti, M. Maggi, E. Provasi. Wiesbaden, 2003. P. 131–138.

¹⁶ Boyce M. Ādur Farnbag // EIr. 1985. Vol. 1. P. 474.

¹⁷ Boyce M. Ādur Burzen Mihr // EIr. 1985. Vol. 1. P. 472–473.

¹⁸ Al-Mas'udi. P. 137; Bivar H. Estakr i: History and Archaeology // EIr. 1997. Vol. 8. P. 643–646.

¹⁹ Sebeos. P. 79–80; Frendo (Frendo J. D. The Territorial Ambitions of Chosroes II: an Armenian View? // Florilegium. 1985. Vol. 7. P. 30–36) supports its historicity. The discussion of the reply of Heraclius: Speck P. Das geteilte Dossier. Beobachtungen zu den Nachrichten über die Regierung des Kaisers Herakleios und die seiner Söhne bei Theophanes und Nikephoros Poikila. Bonn, 1988. S. 127–128 and: Zuckerman C. Au sujet de la petite Augusta sur les monnaies d'Héraclius // RN. 1997. T. 152. P. 477.

B. According to Theophanes the emperor was making references to religion in his several speeches addressed to the army. 15 April 624 in Nicomedia he celebrated Easter with his army²⁰, and at the beginning of the campaign he was to say: “Men, my brethren, let us keep in mind the fear of God and fight to avenge the insult done to God. Let us stand bravely against the enemy who have inflicted many terrible things on the Christians. Let us respect the sovereign state of the Romans and oppose the enemy who are armed with impiety... Let us stand bravely, and the Lord our God will assist us and destroy the enemy” (Theophan. A. M. 6114) (transl. by C. Mango). In 625 during the campaign in Persarmenia: “May we win the crown of martyrdom so that we may be praised in the future and receive our recompense from God” (Theophan. A. M. 6115) (transl. by C. Mango). However the question must be raised in reference to the above quote – was the emperor promising the soldiers the status of a martyr or should one interpret the expression in the context of “byzantine rhetoric”²¹? In September of 627 before entering Xūzestān Heraclius was to say: “Know, o brothers, that no one wishes to fight with us, except God and His Mother who bore Him without seed, and this that He may show His might (since salvation does not lie in the abundance of soldiers and weapons, but to those who trust in His mercy) He sends down His aid” (Theophan. A. M. 6118) (transl. by C. Mango).

It might seem that the last fragment is a direct guide and a clue allowing us to accept that Heraclius’ expedition had a religious character however one should also turn attention to the statement of Bergamo who wrote: “This last passage could be very useful for understanding the difference between the Holy War in Byzantium and the Crusade. The salvation of the Christian lie in the Theotokos and God’s mercy and not in martyrdom”²².

C. Special emphasize on religious character of the expedition of Heraclius can be found in the panegyrics of George Pisides²³.

²⁰ *Kaegi W. E.* Op. cit. P. 124.

²¹ *Flaig E.* ‚Heiliger Krieg‘: Auf der Suche nach einer Typologie // HZ. 2007. Bd. 285. S. 295.

²² *Bergamo N.* Op. cit. P. 105.

²³ *Frendo D.* The Early Exploits and Final Overthrow of Khusrau II (591–628): Panegyric and Vilification in the Last Byzantine-Iranian Conflict // BAI. 1995. Vol. 9. P. 209–214; *Whitby M.* Defender of the Cross: George of Pisidia on the Emperor Heraclius and His Deputies // The Propaganda of Power: The Role of the Panegyric in Late Antiquity / Ed. by

The poet compares the emperor to the biblical and classical figures²⁴. “The one worshipping the flame, Chosroes, has been put in darkness. Again the fire, and again the Persian furnace Is being put out by the second Daniel” (Pisides. 1.13–18) (transl. by V. Hioureas).

George Pisides presents in his poems the war with Persia as a conflict between Christianity and Zoroastrianism, does he not highlight the fact of return of the relics of the True Cross²⁵. This fact is at least worth consideration.

D. The description of the circumstances of returning of the True Cross was included in so-called Pseudo-Šapuh. According to this text the Cross was placed in Ganzak, and was taken by Heraclius from there. “He [Heraclius. – K. M.] marched to the land of Persia with 100,000 warriors. When king K’asre heard of the Roman emperor’s coming, he gathered his forces and went to meet him in battle and to draw up ranks in the plain of T’avrez²⁶. The Roman army attacked him, captured K’asre the Persian king, bound him in iron bonds, and went to the city where K’asre dwelt. They besieged it, and in three days took the city and destroyed the castle. Opening the treasury, he found there the saving wood of Christ’s Cross and rejoiced greatly. Seizing much booty, he took captive all the land of Persia, depopulated it of men and animals, and led (them) into captivity” (Pseudo-Šapuh. 60–61) (transl. by R. W. Thomson).

Credibility of this source is doubtful. According to its Author Heraclius vanquished Xusrō II and captured Ganzak taking the relics of the True Cross from there. Next the emperor was to sign

M. Whitby. Boston, 1998. P. 253–254; *Huber I. Ansichten eines Zivilisierten über die unzivilisierte Welt: Das Sāsāniden-Bild des Georgios Pisides und sein historischer Wert für den spätantiken Iran // Klio. 2008. Bd. 90. H. 1. S. 162–192.*

²⁴ Interpretation of the events of the first half of 7th century in the Near East in apocalyptic scripts is presented by Ubierna (*Ubierna P. Recherches sur l’apocalyptique syriaque et byzantine au VIIe siècle : la place de l’Empire romain dans une histoire du salut // Bulletin du Centre d’études médiévales d’Auxerre. 2008. T. 2. [Electronic resource]: URL: <http://cem.revues.org/10895> (date of access: 19.05. 2016)).*

²⁵ *Howard-Johnston J. Witnesses to a World Crisis: Historians and Histories of the Middle East in the Seventh Century. Oxford, 2010. P. 31.*

²⁶ “...The city of Ganjak and to the capital (city) which they call ‘the Golden City’, that is T’avrez” (Pseudo-Šapuh. 55) (transl. by R. W. Thomson).

the peace treaty defining the new delineation of the borders with Xusrō²⁷ (sic!). Pseudo-Šapuh does not mention the destruction of the Ādur Gušnasp temple at all.

The analysis of the letters of Heraclius

Xusrō II Parvēz was assassinated on 28 of February 628²⁸. His successor Kawād Šērōyē initiated the negotiations aiming to end the war with Byzantium. On March 24th the envoys of the new Iranian king arrived to Heraclius who stationed with his troops in Ganzak. According to Theophanes Kawād informed the emperor about the events in Ctesiphon and presented the conditions of the peace treaty. The proposal of return of the True Cross was one of them: “Then Shiroe wrote to the emperor to give him the good tidings of the slaying of the foul Khusro; and after making with him a permanent peace, he handed back to him all the imprisoned Christians and the captives held in every part of Persia together with the patriarch Zachariah and the precious and life-giving Cross that had been taken from Jerusalem by Shahrvaraz, when the latter captured Jerusalem” (Theophan. A. M. 6118) (transl. by C. Mango).

Genuineness of the information contained in this passage can be supported by the fact that in the letter of February 28th 628 addressed to Xusrō, Kawād II mentions among the reasons of the uprising against the king the matter of the Holy Cross. “Moreover, you regarded your rightful obligations to him lightly and refused to grant his request of you regarding the return of the wooden [True] Cross, to which neither you nor any of your fellow countrymen had any entitlement or need” (Ṭabarī. 1047) (transl. by C. E. Bosworth).

However the memorandum presented by the envoys of Kawād which was quoted by Chronicon Paschale²⁹ does not mention the retribution of the relics³⁰.

According to Nicephorus the case of the relics of the Holy Cross was raised only in the reply given by Heraclius who requested its return³¹. “He also made a fervent plea concerning the

²⁷ Pseudo-Šapuh. 61.

²⁸ *Chron. Pasch.* 728, 731; Sebeos. 127; *Chron. Khuz.* 29; Movsēs Daskhurants’i. II.12–13; Ṭabarī. 1045.

²⁹ *Chron. Pasch.* 735–737.

³⁰ P. Speck (*Speck P. Op. cit.* S. 336) believes that Theophanes is credible source and it was Kawād who was to return the Cross.

³¹ The contents of the letter known only from shortened version in Nicephorus. An attempt to reconstruct the text: *Oikonomidēs N. Corre-*

Holy Cross, which Sarbaros had removed from Jerusalem. (Seiroes) promised to deliver it if he was able to find it" (Nicephorus. 15) (transl. by C. Mango).

The credibility of this information was put in doubt by Mango who however does not provide any justification of his opinion³². Zuckerman on the other hand find the information genuine³³. It seems that in this case one should consider the record of Sebeos who does not mention returned of the True Cross when writing about the contents of the letters from Heraclius to Kawād³⁴.

The decisive argument supporting the view stating that the case of the Holy Cross was not negotiated by Heraclius and Kawād is the letter sent by the emperor to Constantinople on April the 8th 628. The letter was read solemnly on March 15th in Hagia Sophia³⁵. The emperor described the detailed course of the finished campaign in Iran and reported the political changes within Persian state however does not mention the Holy Cross.

After the death of Kawād (september/october 628)³⁶, Heraclius proposed Šahrwarāz aid in gaining Iranian throne³⁷. Heraclius and Šahrwarāz met on 17 July 629 at Arabissos Tripotamos in Cappadocia³⁸. One of the conditions of the agreement was returning of the Cross. "Then Heraclius swore to him that he would give him that kingdom, and promised it likewise to his sons after him, and as large a force as might be necessary. He made as his prime request from him the Life-bearing Cross which he had taken into captivity from Jerusalem. Then Khoream swore to him, saying: 'When I reach the royal court, I shall immediately make a search for the Cross and shall have it brought to you'" (Sebeos. 129-130) (transl. by R. W. Thomson); "Now, in these days Heraclius asked Shahrbaraz to dispatch it [the Cross. — K. M.] (to him) and he (Shahrbaraz) agreed and expedited it to him" (Agapius. 468) (transl. by R. G. Hoyland).

spondence between Heraclius and Kavadh-Široe in the Paschal Chronicle (628) // Byzantion. 1971. Vol. 41. P. 269-281.

³² Nicephorus. P. 182-183.

³³ Zuckerman C. Heraclius and the Return of the Holy Cross // Constructing the Seventh Century / Ed. by C. Zuckerman. P., 2013. P. 200.

³⁴ Sebeos. 128.

³⁵ Quoted by: *Chron. Pasch.* 727-734.

³⁶ *Chron. Khuz.* 29; Sebeos. 129.

³⁷ Sebeos. 129; *Chron.* 724. 147.

³⁸ *Frendo D.* Byzantine-Iranian Relations before and after the Death of Khusrau II: a Critical Examination of the Evidence // BAI. 2000. Vol. 14. P. 27-47.

According to numerous records it was Šahrwarāz who finally returned the Cross: “But in the 17th year however after the capture of Jerusalem, in the 3rd year after the murder of Khosro, in the 21st year after the accession of Heraclius, the 3rd indiction, the Persian general Rasmi-Ozan slew the Persian king Artasir, whom we mentioned above. He seized the kingdom, became an ally of the Greeks, and bestowed on the King Heraclius the life-giving tree, the Cross of Christ, as the treasure of the whole world, and as the richest of gifts, and he gave it him” (Antiochus Strategos. 516) (transl. by F. C. Conybeare); “When peace has concluded, Sarbaros immediately returned to the Romans both Egypt and all the eastern lands after withdrawing the Persians that were there; and he send to the emperor the life-giving Cross” (Nicephorus. 17) (transl. by C. Mango); “Then the blessed Heraclius sent reliable men to Khoream for the Lord’s Cross. Having searched with great diligence, finally he gave it to the men who had come. They took it and promptly departed” (Sebeos. 130) (transl. by R. W. Thomson); “And Shahrvaraz honoured those of the Romans who were with him and returned the wood of the Cross which Khusro had taken from Jerusalem, and placed it in the box, which he despatched with David, who had been sent with him from the country of the Romans” (*Chron. Seert.* 93) (transl. by I. Shahīd); “He [Šahrwarāz. – K. M.] dismissed the Romans who had accompanied him, and they returned to Heraclius. Together with them he sent to Heraclius the wood of the Lord’s cross, which they had brought back from Jerusalem and had been deposited in the Persian treasury, along with a countless number of presents” (*Chron. Khuz.* 30) (transl. by M. Greatrex).

According to Ṭabarī, Bōrān had sent the Holy Cross back to the Roman Emperor. “She [Bōrān. – K. M.] restored the wood of the [True] Cross to the ruler of Byzantium through the intermediacy of the Catholicos called Īshu’hāb” (Ṭabarī. 1064) (transl. by C. E. Bosworth).

The embassy to Emperor Heraclius, led by the catholicos Īšo‘yab III, is mentioned in *Chronicle of Seert*³⁹, but according to author of chronicle the wood of the Cross was returned by Šahrwarāz. On April 27th Ardašīr III was killed and the real power in Ctesiphon was taken over by Šahrwarāz⁴⁰. He was to remain on

³⁹ *Chron. Seert.* 237.

⁴⁰ Ṭabarī. 1062; *Chron. Khuz.* 29; *Shahbazi A. Sh.* Ardašīr III // EIr. 1986.

the Iranian throne for over 40 days⁴¹ so he was murdered on June the 9th 630 the earliest⁴². It is impossible that the wood of the Cross was returned by Bōrān. Attributing of returning of the Cross to this female successor of the Sasanids by the Authors related to the official Iranian historiography might have resulted from intention to avoid mentioning any positive actions of the usurper.

On March 21st 630⁴³ the return of the Holy Cross to Jerusalem took place⁴⁴. Heraclius celebrated the victory of Christian Byzantium over Zoroastrian Iran. The ceremony itself was carried on March 21st (Wednesday – a day with no meaning for Christian religion) the same day as the spring equinox the “New Year’s Day” (Nowruz)⁴⁵, the holiest day of the Zoroastrian ritual calendar. Because of this date the emperor achieved not only political⁴⁶ and religious aspect of this event but also an eschatological. The aspect was to symbolize the beginning of the new age, a beginning of a new era with Heraclius becoming its pivotal figure⁴⁷.

Conclusion

Despite various records suggesting religious character of the war carried between 622–628 by Heraclius in Iran, the analyze of the imperial letters allows refuting of the hypothesis that the

Vol. 2. Fasc. 4. P. 381–382. Shahbazi provides incorrect date of death 29 April, 629. The error must be a typing one as in the text of his article Shahbazi determines the reign of Ardašir for 18 months with the beginning at September 628.

⁴¹ Ṭabarī. 1063.

⁴² *Panaino A.* Women and Kingship: Some Remarks about the Enthronization of Queen Bōrān and her sister *Āzarmīguxt // *Ērān und Anērān: Studien zu den Beziehungen zwischen dem Sasanidenreich und der Mittelmeerwelt* / Hrsg. von J. Wiesehöfer, Ph. Huyse. München, 2006. P. 225.

⁴³ *Zuckerman C.* Heraclius and the return of the Holy Cross. P. 197. Analyzes dating of this event and raises the hypothesis that “the Holy Cross was returned to Jerusalem twice, in 629 and in 630”.

⁴⁴ Sebeos. 131; Antiochos Strategos. 516; Theophan. A. M. 6120; Nicephorus. 18; *Chron.* 1234. 103.

⁴⁵ *Boyce M.* Nowruz i. In the pre-Islamic Period // 2016. [Electronic resource]: URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/nowruz-i> (date of access: 19.05.2016).

⁴⁶ The political-economic situation of Herclius in years 628–633 is discussed by W. Kaegi: *Kaegi W. E.* Op. cit. P. 192–228.

⁴⁷ *Drijvers J. W.* Heraclius and the “Restitutio Crucis”: Notes on Symbolism and Ideology // *The Reign of Heraclius (610–641): Crisis and Confrontation* / Ed. by G. J. Reinink, B. H. Stolte. Leuven, 2002. P. 175–190.

destruction Ādur Gušnasp temple was retaliation for the abduction of the relics of the Cross from Jerusalem.

The decisive argument in above discussion is the letter written by Heraclius on April the 8th 628 where the emperor described the war with Xusrō II Parvēz. The emperor announced ending of the war there however did not mention a word about returning of the Cross; therefore it is impossible to assume that initiating of the military actions in Iran was done under the banner of retribution of the Cross. Therefore if regaining of the Cross was not the reason of the war than destruction of the Ādur Gušnasp temple could not be a revenge for the abduction of the relics.

It is also worth considering whether the return of the Cross was real factor in setting the peace treaties (with Kawād Šērōyē and later with Šahrwārāz). Perhaps one should find the role of the Cross in this case as a habitual gift normally exchanged at the initial phases of negotiations between the empire and Iran⁴⁸?

The Sculptural Decoration on the North Portal of the Cathedral of Mren ca. 639–640 (Thierry M., Thierry N. La cathédral de Mren et sa decoration // Cahiers Archéologiques. 1971. T. 21. P. 70. Fig. 29)

⁴⁸ On Iranian and Byzantine diplomacy see: *Nechaeva E.* Embassies, Negotiations, Gifts: Systems of East Roman Diplomacy in Late Antiquity. Stuttgart, 2014. P. 113–116; *Maksymiuk K.* Duo ophthalmoi ton kosmon – The Problem of Reverence in Irano-Roman Relations of the Sasanid Period (in press).

Primary Sources

- al-Mas'udi. *Kitab at Tanbih. Le livre de l'avertissement* / Transl. by C. de Vauxerf. P., 1896.
- Antiochus Strategos. *Account of the Sack of Jerusalem in AD 614* / Transl. by F. C. Coneybeare // EHR. 1910. Vol. 25. P. 502-517.
- Chronicle of Seert (= *Histoire nestorienne inédite*) / Ed. by A. Scher/ Transl. by l'abbé Pierre, P., 1919.
- Chronicon Anonymum (= *Khuzistan Chronicle*) / Transl. by I. Guidi. P., 1903. P. 13-32.
- Chronicon anonymum ad a.c. 1234 pertinens / Transl. by J. B. Chabot. Louvain, 1937.
- Chronicon Miscellaneum ad a. d. 724 pertinens / Transl. by J. B. Chabot. P., 1903. P. 61-119.
- Chronicon Paschale 284-628 AD / Transl. by M. and M. Whitby. Liverpool, 1989.
- Giorgio di Pisidia. Poemi I: Panegirici epici* / Transl. by A. Pertusi. Ettal, 1959.
- Kitab al'Unvan. *Histoire universelle, écrite par Agapius de Menbidj* / Transl. by A. A. Vasiliev. P., 1912.
- Nikephoros Patriarch of Constantinople. Short History* / Transl. by C. Mango. Washington (D.C.), 1990.
- Šāh-nāma of Ferdowsi. Vol. 8 / Transl. by A. G. Warner, E. Warner. L., 1915.
- The Anonymous Story-Teller (Also Known as "Pseudo-Šapuh") / Transl. by R. W. Thomson // *La Revue des Études Arméniennes* n.s. 1988-1989. T. 21. P. 171-232.
- The Armenian History Attributed to Sebeos / Transl. by R. W. Thomson. Liverpool, 1999.
- The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History, AD 284-813/ Transl. by C. Mango. N. Y., 1997.
- The History of al-Ṭabarī. The Sāsānids, the Byzantines, the Lakhmids, and Yemen / Transl. by C. E. Bosworth. N. Y., 1999.
- The History of the Caucasian Albanians by Movsēs Daskhurants'i / Transl. by C. J. F. Dowsett. L., 1961.
- Zand ī Vahman Yašt // *The Persian Rivayats of Hormazyar Framarz and Others* / Transl. by B. N. Dhabhar. Bombay, 1932. P. 457-481.

Secondary Sources

- Avni G. The Persian Conquest of Jerusalem (614 C.E.): An Archaeological Assessment* // BASOR. 2010. № 357. P. 35-48.

- Baca-Winters K.* The Last Battle: The Dēnkard and the Post-Zoroastrian World // *Sasanika*. 2013. № 3. [Electronic resource]; URL: <http://sasanika.org/wp-content/uploads/e-sasanika-GP3-Baca-Winters.pdf> (date of access: 31.10.2016).
- Baynes N. H.* The Restoration of the Cross at Jerusalem // *EHR*. 1912. Vol. 106. P. 287–299.
- Ben-Ami D., Tchekhanovets Y., Bijovsky G.* New Archaeological and Numismatic Evidence for the Persian Destruction of Jerusalem in 614 CE // *Israel Exploration Journal*. 2010. Vol. 60. P. 204–221.
- Bergamo N.* Expeditio persica of Heraclius: Holy War or Crusade? // *Porphyra*. 2008. Vol. 12. P. 94–107.
- Bivar H.* Estakr i: History and Archaeology // *EIr*. 1997. Vol. 8. P. 643–646.
- Boyce M.* Adur Burzen Mihr // *EIr*. 1985. Vol. 1. P. 472–473.
- Boyce M.* Adur Farnbag // *EIr*. 1985. Vol. 1. P. 474.
- Boyce M.* Adur Gushnasp // *EIr*. 1985. Vol. 1. P. 475–476.
- Boyce M.* Nowruz i. In the Pre-Islamic Period // [Electronic resource]; URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/nowruz-i> (date of access: 19.05.2016).
- Boyce M.* On the Sacred Fires of the Zoroastrians // *BSOAS*. 1968. Vol. 31. № 1. P. 52–68.
- Crawford P.* The War of the Three Gods. Romans, Persians, and the Rise of Islam. B., 2013.
- Dizaji M. G.* Disintegration of Sasanian Hegemony over Northern Iran (AD 623–643) // *IrAnt*. 2011. Vol. 46. P. 315–329.
- Drijvers J. W.* Heraclius and the “Restitutio Crucis”: Notes on Symbolism and Ideology // *The Reign of Heraclius (610–641): Crisis and Confrontation* / Ed. by G. J. Reinink, B. H. Stolte. Leuven, 2002. P. 175–190.
- Flaig E.* ‚Heiliger Krieg‘: Auf der Suche nach einer Typologie // *HZ*. 2007. Bd. 285. S. 265–302.
- Foss C.* The Persians in the Roman Near East (602–630 AD) // *JRAS*. 2003. Vol. 2. P. 149–170.
- Frendo D.* The Early Exploits and Final Overthrow of Khusrau II (591–628): Panegyric and Vilification in the Last Byzantine-Iranian Conflict // *BAI*. 1995. Vol. 9. P. 209–214.
- Frendo D.* Byzantine-Iranian Relations Before and after the Death of Khusrau II: A Critical Examination of the Evidence // *BAI*. 2000. Vol. 14. P. 27–47.

- Frendo J. D.* The Territorial Ambitions of Chosroes II: an Armenian View? // *Florilegium*1985. Vol. 7. P. 30–36.
- Frolow A.* La vraie croix et les expéditions d'Héraclius en Perse // *Revue des Études Byzantines*. 1953. T. 11. P. 88–105.
- Grumel V.* La reposition de la vraie croix à Jérusalem par Héraclius. Le jour et l'année // *Zeitschrift für Byzantinistik*. 1966. Bd. 1. S. 139–149.
- Gyselen R.* Les grands feux de l'empire Sassanide: quelques témoignages sigillographiques // *Religious Themes and Texts of pre-Islamic Iran and Central Asia: Studies in Honour of Professor G. Gnoli / Ed. by C. Cereti, M. Maggi, E. Provasi*. Wiesbaden, 2003. P. 131–138.
- Gyselen R.* The Four Generals of the Sasanian Empire. Some Sigillographic Evidence. R., 2001.
- Hioureas V.* “ὁ κρατῶν Περσοκράτης ὁ πυρσολάτρης ἐξοφώθη Χοσρόης”: The Portrayal of Chosroes II in George Pisides' Herakleias // *Sasanika*. 2013. № 5. [Electronic resource]: URL: <http://sasanika.org/wp-content/uploads/GardPaper5-Hioureas-George-Pisides.pdf> (date of access: 31.10.2016).
- Howard-Johnston J.* Heraclius' Persian Campaigns and the Revival of the East Roman Empire, 622–630 // *War in History*. 1999. Vol. 6. P. 1–44.
- Howard-Johnston J.* Pride and Fall: Khusro II and his Regime, 626–628 // *La Persia e Bisanzio, atti del Convegno internazionale sul tema (Roma 14–18 ottobre 2002)*. R., 2004. P. 93–113.
- Howard-Johnston J.* Witnesses to a World Crisis: Historians and Histories of the Middle East in the Seventh Century. Oxford, 2010.
- Huber I.* Ansichten eines Zivilisierten über die unzivilisierte Welt: Das Sāsāniden-Bild des Georgios Pisides und sein historischer Wert für den spätantiken Iran // *Klio*. 2008. Bd. 90. H. 1. S. 162–192.
- Kaegi W. E.* Heraclius: Emperor of Byzantium. Cambridge, 2003.
- Magness J.* A re-Examination of the Archaeological Evidence for the Sassanian Persian Destruction of the Tyropoeon Valley // *BASOR*. 1992. № 287. P. 67–74.
- Maksymiuk K.* Geography of Roman-Iranian Wars. Military Operations of Rome and Sasanian Iran. Siedlce, 2015.
- Maksymiuk K.* The Pahlav-Mehrān Family Faithful Allies of Xusrō I Anōšīrvān // *Мегаморфозы истории*. 2015. Вып. 6. С. 163–179.

- Maksymiuk K.* The Parthian Nobility in Xusrō I Anōšīrvān Court // Elites in the Ancient World. Vol. 2 / Ed. by D. Okoń, P. Briks. Szczecin, 2015. P. 189–198.
- Maksymiuk K.* Zaratusztrianizm w okresie sasanidzkim. Zarys problematyki // Istorîâ religij v Ukraînî: naukovij šoričnik / Red. O. Kiričuk, M. Omel'čuk. L'viv, 2016. S. 15–24.
- Maksymiuk K.* Duo ophthalmoi ton kosmon – The Problem of Reverence in Irano-Roman Relations of the Sasanid Period (in press).
- Nechaeva E.* Embassies, Negotiations, Gifts: Systems of East Roman Diplomacy in Late Antiquity. Stuttgart, 2014.
- Oikonomidēs N.* Correspondence between Heraclius and Kavadh-Široe in the Paschal Chronicle (628) // Byzantion. 1971. Vol. 41. P. 269–281.
- Panaino A.* Women and Kingship: Some Remarks about the Enthronization of Queen Bōrān and Her Sister *Āzarmīguxt // Ērān und Anērān: Studien zu den Beziehungen zwischen dem Sasanidenreich und der Mittelmeerwelt / Ed. by J. Wiesehöfer, Ph. Huyse. München, 2006. S. 221–240.
- Payne R.* A State of Mixture: Christians, Zoroastrians, and Iranian Political Culture in Late Antiquity. Oakland, 2015.
- Pourshariati P.* Decline and Fall of the Sasanian Empire: The Sasanian-Parthian Confederacy and the Arab Conquest of Iran. L.; N. Y., 2008.
- Schippman K.* Die iranischen Feuerheiligtümer. B., 1971.
- Shahbazi A. Sh.* Ardašīr III // EIr. 1986. Vol. 2. Fasc. 4. P. 381–382.
- Speck P.* Das geteilte Dossier. Beobachtungen zu den Nachrichten über die Regierung des Kaisers Herakleios und die seiner Söhne bei Theophanes und Nikephoros Poikila. Bonn, 1988.
- Stoyanov Y.* Archaeology Versus Written Sources: the Case of the Persian Conquest of Jerusalem in 614 // Acta Museii Varnaensis. 2011. № VIII-1. P. 351–358;
- Stoyanov Y.* Defenders and Enemies of the True Cross: The Sasanian Conquest of Jerusalem in 614 and Byzantine Ideology of Anti-Persian Warfare. Vienna, 2011.
- Ubierna P.* Recherches sur l'apocalyptique syriaque et byzantine au VIIe siècle: la place de l'Empire romain dans une histoire du salut // Bulletin du Centre d'études médiévales d'Auxerre. 2008. T. 2. [Electronic resource]: URL: <http://cem.revues.org/10895> (date of access: 19.05.2016).

- Whitby M. Defender of the Cross: George of Pisidia on the Emperor Heraclius and His Deputies // The Propaganda of Power: The Role of the Panegyric in Late Antiquity / Ed. by M. Whitby. Boston, 1998. P. 247–273.
- Wood Ph. The Chronicle of Seert. Christian Historical Imagination in Late Antique Iraq. Oxford, 2013.
- Zuckerman C. Au sujet de la petite Augusta sur les monnaies d'Héraclius // RN. 1997. T. 152. P. 473–478.
- Zuckerman C. Heraclius and the Return of the Holy Cross // Constructing the Seventh Century / Ed. by C. Zuckerman. P., 2013. P. 197–218.

Maksymiuk Katarzyna Iwona, Dr. habil., Professor of the Institute of History and International Relations, Faculty of Humanities (University of Natural Sciences and Humanities; Siedlce, Poland); e-mail: szapur2@poczta.onet.pl

**Разрушение храма Адур-Гушнасп в Адурбадагане
как месть за похищение Святого Креста из Иерусалима
в контексте писем императора Ираклия**

В 614 г. сасанидский полководец, «спахбед юга» (*kust-ī nēmrōz spāhbed*) Шахрвараз захватил Иерусалим. Среди вывезенных из города трофеев был и Святой Крест. В настоящей статье анализируются религиозные аспекты последней великой войны между Ираном и Византией с опорой на переписку императора Ираклия (610–641). Автор пытается дать ответ на вопрос: являлось ли разрушение главного зороастрийского храма Адур-Гушнасп в Адурбадагане на самом деле мстью за «пленение Святого Креста»?

Ключевые слова: римско-персидские войны, Иран, Адур-Гушнасп, Ираклий, Хосров II Парвез, Шахрвараз, Честной Крест.

Максимюк Катажина Ивона, хабилитированный доктор, профессор гуманитарного факультета Института истории и международных отношений (Университет естественных и гуманитарных наук; Седльце, Польша); эл. почта: szapur2@poczta.onet.pl

В. А. Дмитриев

«ОКО ГОСУДАРЕВО»: К ИСТОРИИ ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ В САСАНИДСКОМ ИРАНЕ

В статье рассматривается деятельность сасанидской военной контрразведки. Первые сведения о существовании в державе Сасанидов лиц, занимавшихся внутренней контрразведкой, относятся к середине III в. Как правило, это были специальные чиновники, известные по эпиграфическим источникам как «писцы войска». Их присутствие в персидской армии прослеживается вплоть до последних десятилетий истории сасанидского Ирана. О деятельности внешней контрразведки известно в основном по информации, относящейся к римско-персидским войнам. Её главной задачей являлось дезинформирование противника с целью скрыть от него истинные намерения персов, а также внести дезорганизацию в действия римской армии. Специальной системы подготовки контрразведчиков и управления контрразведкой в сасанидском Иране не существовало, в связи с чем контрразведывательная деятельность персов носила во многом ситуативный характер. Несмотря на это, во многих случаях персидские контрразведчики действовали достаточно эффективно и тем самым вносили значительный вклад в военные успехи сасанидского Ирана, обеспечение его государственной безопасности и геополитических интересов.

Ключевые слова: сасанидский Иран, военная контрразведка, внутренняя контрразведка, внешняя контрразведка, государственная безопасность, римско-персидские войны.

На протяжении двух последних десятилетий как в отечественной, так и зарубежной историографии наблюдается устойчивый рост интереса к деятельности разведывательных служб великих держав древности. Безусловным лидером с точки зрения популярности среди исследователей является Древний Рим, что, учитывая роль Римской цивилизации в мировой истории, совершенно понятно и вполне логично¹.

¹ Из трудов российских историков необходимо выделить, прежде всего, работы Е. С. Данилова (*Данилов Е. С. Война и разведывательная деятельность в античном Риме. Ярославль, 2011; он же. Варварские катаскопы на территории Римской империи // Цивилизация и*

Однако в последние годы военные историки начали обращать внимание и на военную разведку одного из главных противников Римской империи — сасанидского Ирана. Так, в 2016 г. независимо друг от друга работы, посвящённые персидской разведслужбе, опубликовали автор этих строк² и финский исследователь И. Сивянне³.

Вместе с тем, при всей очевидности ключевого значения разведывательных служб в обеспечении безопасности того или иного государства, не менее очевиден и тот факт, что разведывательная деятельность неотделима от деятельности контрразведывательной⁴.

варварство. Трансформация понятий и региональный опыт. М., 2012. С. 232–239; *он же*. Arcani в сообщении Аммиана Марцеллина // ВДИ. 2012. № 4 (283). С. 156–161; *он же*. Securitas римлян и tutum варваров // Цивилизация и варварство. Парадоксы победы цивилизации над варварством. М., 2013. С. 107–115 и др.). Из исследований, подготовленных зарубежными специалистами, наибольшую известность приобрели книги Н. Остина и Н. Ранкова (*Austin N. J. E., Rankov N. B. Exploratio: Military & Political Intelligence in the Roman World from the Second Punic War to the Battle of Adrianople. L.; N. Y., 1995*) и Р. Шелдон (*Sheldon R. M. Intelligence Activities in Ancient Rome: Trust in the Gods, but Verify. L.; N.Y., 2005*). Следует также назвать книгу украинского автора В. Дмитренко (*Дмитренко В. Розвідка та інші таємні служби стародавнього Риму і його супротивників. Львів, 2008*).

² *Дмитриев В. А. Военная разведка в сасанидском Иране: организация деятельности и источники информации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2016. № 1. С. 9–22; он же. Военная разведка в сасанидском Иране: способы, виды, масштабы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 15–28.*

³ *Syvanne I. The Eyes and Ears: The Sasanian and Roman Spies ca. AD 222–450 // Historia i Świat. 2016. № 5. S. 107–131.*

⁴ Согласно «Военному энциклопедическому словарю», военная контрразведка «выполняет задачи по своевременному выявлению и пресечению разведывательной подрывной деятельности иностранных разведок и преступных действий враждебных элементов, предотвращению преступлений, проведению дознания по уголовным делам, отнесённым к их компетенции, содействию командованию в поддержании боеготовности войск и бдительности личного состава» (Военный энциклопедический словарь. В 2 т. Т. 1 / Под ред. А. П. Гаркина, В. А. Золотарёва, В. М. Карева и др. М., 2001. С. 295). Иными словами, функции контрразведки не ограничиваются лишь борьбой с иностранными военными разведками, как можно было бы подумать,

Эта истина была хорошо известна и Сасанидам, на службе у которых состояли не только профессионалы-разведчики, но и специалисты в области контрразведки. Указание на это содержится в одном из важнейших источников по истории сасанидского Ирана — так называемом «Письме Тансара» (VI в.), дошедшем до нас в переводе на арабский язык. Как следует из текста «Письма», существовала особая категория лиц, называвшихся «очами государя», которые, работая под прикрытием, должны были сообщать руководству обо всём, что вызывало их подозрение⁵. По словам автора «Письма», «добродетельным и праведным людям нечего бояться, поэтому не может стать "глазами" и информаторами царя тот, кто не является заслуживающим доверия, послушным, непорочным, благочестивым, образованным, верующим и воздержанным в мирских делах»⁶. В войске эти люди, судя по всему, действовали под видом писцов (Dīnawarī. P. 86), находившихся при штабе и, соответственно, имевших весьма широкий круг общения, а также получавших доступ к самой разнообразной информации, в том числе — к важным документам. Хорошо известен факт существования таких писцов уже в период правления второго царя из династии Сасанидов — Шапура I (240–272). В частности, в синагоге захваченной персами в середине 250-х гг. римской крепости Дура Европос сохранился ряд пехлевийских надписей, сделанных сасанидскими военными писцами, в которых они прямо называют себя *dibīr-ī tahm* — «писец войска», или *dibīr-ī radag* — «писец [боевого] строя»⁷. Как сообщает Динавари, именно один из таких армейских писцов (араб. *kātib al-ʿjund*) по имени Ыаздак, присутствовавший в войске поднявшего в 590 г. восстание Бахрама Чубина,

исходя из этимологии этого понятия, и как их иногда трактуют в специальной литературе (см., напр.: Контрразведывательный словарь. М., 1972. С. 87; Словарь военных терминов / Сост. А. М. Плехов. М., 1988. С. 137; Encyclopedia of Intelligence and Counterintelligence / Ed. by R. P. Carlisle. L.; N.Y., 2015. P. 172–173).

⁵ The Letter of Tansar / Transl. by M. Boyce. R., 1968. P. 49–50.

⁶ Ibid. P. 50.

⁷ Asha R. The Dates in the Pahlavīg and Pārsīg Inscriptions of Durā (Europos). [Electronic resource]: URL: http://www.rahamasha.net/uploads/2/3/2/8/2328777/the_dates_in_the_pahlavg_and_prsg.pdf (date of access: 25.12.2016).

бежал из расположения армии Бахрама и доложил царю Ормизду IV о начале мятежа (Dīnawarī. P. 86)⁸.

Большей информацией мы располагаем относительно внешней контрразведки Сасанидов, основной задачей которой являлось недопущение попадания в руки противника тех или иных сведений военного характера. При этом, учитывая весьма высокий уровень деятельности римских разведчиков, в данном отношении персы делали ставку не на поиск и выявление шпионов (сделать это зачастую было очень трудно или вообще невозможно), а на распространение дезинформации с целью введения в заблуждение вражеской разведки и дезорганизации противника.

Пожалуй, наиболее показателен в этой связи сюжет, содержащийся в «Истории» Агафия Миринейского. Он сообщает, что персидское войско под командованием Мермероя вторглось в Колхиду и намеревалось овладеть рядом находившихся здесь римских крепостей. Для этого Мермерой «притворился внезапно заболевшим тяжёлой и неизлечимой болезнью и слёг, показывая вид, что испытывает величайшие страдания и оплакивает свою судьбу. Внезапно всё войско охватило слух, что полководец весьма тяжело заболел и проживёт недолго. От тех, которые предпочитали за плату служить противнику, предавая своих и выдавая военные секреты, истина скрывалась. План сохранялся самым надёжным способом и не сообщался даже ближайшим друзьям. Обманутые только одними слухами, которые распространялись среди толпы, они [шпионы] известили об этом римлян, которые легко этому поверили и не столько известию, сколько своему внутреннему желанию. Они сейчас же ослабили свою ранее деятельную и постоянную заботу и небрежнее стали нести охрану. Спустя несколько дней было объявлено, что Мермерой умер. В действительности же он скрывался в одной хижине, притом так, что и у самых близких его людей победило то же мнение. Тогда ещё больше римлянам стало казаться излишним проводить бессонные ночи и чрезмерно трудиться. Вследствие этого, оставив ограждения и труды, которым для этой цели предавались,

⁸ Подробнее о сасанидских армейских писцах см.: *Tafazzoli A. Sasanian Society. I. Warriors. II. Scribes. III. Dehqāns. N.Y., 2000. P. 29–31; Хуришудян Э. Ш. Государственные институты парфянского и сасанидского Ирана. Алматы, 2015. С. 244–245.*

они стали вести распущенный образ жизни, спя целые ночи, проводя время в лагерях, не делая ничего нужного и прекратив даже высылать разведчиков. Они убедили себя, что персы, лишённые полководца, никоим образом против них не пойдут, мало того убегут как можно дальше. Узнав об этом, Мермерой внезапно отбрасывает хитрость и появляется перед персами таким же, каким был и раньше. Тотчас же, с величайшей быстротой подняв всё войско... он приближается к укреплению и уже угрожает римлянам, которые не могли защищаться, поражённые неожиданным поворотом дела» (Agath. II.20) (пер. М. В. Левченко).

Дезинформирование противника путём распространения заведомо ложных слухов активно применялось персами и во время проведения осадных операций. Такой вывод можно сделать на основе изучения сасанидского военного трактата⁹, включённого в среднеперсидский сборник «Аин-наме»¹⁰ («Книга установлений»), который дошёл до нас в переводе на арабский язык. В частности, «Аин-наме» содержит такую рекомендацию: «И следует при осаде крепости пытаться склонить кого можно из находящихся в крепости и в городе, чтобы добыть от них... запугивание и застрашивание их ими же. И подослать человека, который бы поколебал их и отнял бы надежду на помощь, и сообщил бы им, что их хитрая тайна рассеялась, и что ходят рассказы о крепости, и указываются пальцами на укрепленные и слабые места её, и на места, против которых направляются осадные машины, и на те, против которых направляются баллисты, и на те, где поведутся подкопы, и на те, где поставятся лестницы, и на те, с которых поднимутся стены, и на те, где будет устроен пожар, — чтобы всё это наполнило их ужасом. И пишут на стреле: “Берегитесь населения крепости, небрежности и беспечности в охране ворот; ведь время теперь дурное и живущие теперь — люди изменны. Большую часть населения крепости мы уже соблазнили и склонили к сдаче”. Либо стреляют этой стрелой в крепость,

⁹ Содержание данного трактата на русском языке с обширными цитатами из самого источника и подробными комментариями приведено в исследовании К. А. Иностранцева (*Иностранцев К. А. Сасанидские этюды*. СПб., 1909. С. 41–81).

¹⁰ Tafazzoli A. *Ā'in-nāma* // Encyclopaedia Iranica. [Electronic resource]: URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/ain-nama> (date of access: 03.12.2015).

потом подсылают для переговоров с ними человека красно-речивого, достигающего цели, умного, умеющего обмануть и обойти, не пустомелю, ничего не забывающего»¹¹.

Как следует из той же «Аин-наме», схожая по своей логике хитрость применялась персами и непосредственно во время боя: для успешной организации ночной атаки на вражеский лагерь нужно сделать так, «чтобы один из воинов кричал: “О, воины, спешите, спешите! Уже убит вождь наш такой-то! И перебиты многие! И бегут многие!”, и кричал бы другой: “О, человек! Ради Бога, пощади меня!”, и другой бы говорил: “Пощады! Пощады!”, и ещё “Аввах, аввах!” и тому подобное»¹². Интересно, что точно такая же рекомендация содержится в одном из византийских военных трактатов VI в.: «Следует некоторые подразделения стратиотов выдвинуть по обе стороны вражеского лагеря. Одни из них, снабжённые трубами, должны как можно чаще трубить, чтобы создать впечатление у врагов, что к ним подступили основные силы войска; другие же, используя язык врагов, должны выдать себя за своих и обратиться с ложным призывом бежать к ним, чтобы враги, услышав кричащих и поверив, что это свои, поскольку звучит их родной язык, покинули лагерь и последовали за ними» (Аноним. 39) (пер. В. В. Кучмы)¹³.

Одним из эпизодов, в котором персы проявили себя настоящими мастерами дезинформации, можно считать сожжение императором Юлианом Отступником своего флота, совершённое по рекомендации персидских лазутчиков, явившихся в римский лагерь под видом перебежчиков. Вот что пишет об этом участник и очевидец тех событий, римский историк Аммиан Марцеллин: «Император поддался своему стремлению идти вперёд, не стал обращать внимания на

¹¹ *Иностранцев К. А.* Указ. соч. С. 49. Перечисленные здесь требования, которым должен соответствовать персидский «парламентёр», не только хорошо согласуются с теми, что предъявляет к «писцам войска» «Письмо Тансара» (см. выше), но и гармонично дополняют их.

¹² *Иностранцев К. А.* Указ. соч. С. 49.

¹³ В связи с этим нельзя согласиться с утверждением редактора русского издания этого трактата В. В. Кучмы о том, что «рекомендация Анонима по обману врагов с использованием подставных лиц, обращающихся к ним на их родном языке, не имеет аналогий в остальной военно-научной традиции» (О стратегии. Византийский военный трактат VI века / Изд. подг. В. В. Кучма. СПб., 2007. С. 141. Прим. 447).

предостережения и упрекал своих командиров в том, что они из трусости и желания спокойствия советуют ему отказаться от завоёванного уже Персидского царства. Оставив слева реку и поверив неудачным проводникам, он отдал армии приказ двинуться быстрым маршем по направлению к югу. И как если бы сама Беллона подбросила ему роковой факел, он велел предать пламени все корабли кроме 12 меньших, которые приказал везти на телегах на случай надобности в них для наведения моста. Это своё распоряжение он считал полезным, поскольку оставленный флот не мог послужить на пользу неприятелю и не отвлекались более на греблю и охрану судов почти 20 тысяч воинов, как было с самого начала похода. Каждый про себя выражал опасения, да и сама очевидность была за то, что в случае, если бы армия вынуждена была отступить из-за засухи ли, или высоты гор, она будет отрезана от воды. К тому же и перебежчики под пыткой сознались в своём обмане. Тогда был отдан приказ, собрав все силы, потушить пожар. Но страшно разгоревшееся пламя уже уничтожило большую часть судов, и удалось сохранить невредимыми только 12, которые для спасения их от огня были отделены от остальных. Таким образом, флот без всякой надобности был уничтожен» (Amm. Marc. XXIV.7.3–6) (пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни). Уничтожение сопровождавших армию кораблей стало роковой ошибкой Юлиана и явилось одной из причин провала всей Персидской экспедиции 363 г.

Источники не содержат прямых данных о наличии (или отсутствии) в сасанидском Иране какой-либо системы специальной подготовки контрразведчиков, однако, вероятнее всего, её не существовало, и кадры для контрразведки подбирались ситуативно. Судя по всему, к контрразведывательной деятельности привлекались те, кто подходил под критерии, сформулированные в процитированных выше «Письме Тансара» и «Аин-наме». В целом это соответствовало практике, распространённой и в Римской империи, где специальные структуры, осуществлявшие организацию деятельности разведслужб, также отсутствовали¹⁴, и все решения в данной сфере принимались в зависимости от обстоятельств и предпочтений военно-политического руководства. Несмотря на это, во

¹⁴ Данилов Е. С. Война и разведывательная деятельность в античном Риме. С. 167.

многих случаях персидские контрразведчики действовали достаточно эффективно и тем самым вносили весомый вклад в военные успехи сасанидского Ирана.

Литература

- Военный энциклопедический словарь. В 2 т. Т. 1 / Под ред. А. П. Гаркина, В. А. Золотарёва, В. М. Карева и др. М., 2001.
- Данилов Е. С. Arcani в сообщении Аммиана Марцеллина // ВДИ. 2012. № 4 (283). С. 156–161.
- Данилов Е. С. Securitas римлян и tutum варваров // Цивилизация и варварство. Парадоксы победы цивилизации над варварством. М., 2013. С. 107–115.
- Данилов Е. С. Варварские катаскопы на территории Римской империи // Цивилизация и варварство. Трансформация понятий и региональный опыт. М., 2012. С. 232–239.
- Данилов Е. С. Война и разведывательная деятельность в античном Риме. Ярославль, 2011.
- Дмитриев В. А. Военная разведка в сасанидском Иране: организация деятельности и источники информации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2016. № 1. С. 9–22.
- Дмитриев В. А. Военная разведка в сасанидском Иране: способы, виды, масштабы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 15–28.
- Иностранцев К. А. Сасанидские этюды. СПб., 1909.
- Контрразведывательный словарь. М., 1972.
- О стратегии. Византийский военный трактат VI века / Изд. подг. В. В. Кучма. СПб., 2007.
- Словарь военных терминов / Сост. А. М. Плехов. М., 1988.
- Хурушудян Э. Ш. Государственные институты парфянского и сасанидского Ирана. Алматы, 2015.
- Дмитренко В. Розвідка та інші таємні служби стародавнього Риму і його супротивників. Львів, 2008.
- Asha R. The Dates in the Pahlavīg and Pārsīg Inscriptions of Durā Europos). [Electronic resource]: URL: http://www.rahamasha.net/uploads/2/3/2/8/2328777/the_dates_in_the_pahlavg_and_prsg.pdf (date of access: 25.12.2016).
- Austin N. J. E., Rankov N. B. Exploratio: Military & Political Intelligence in the Roman World from the Second Punic War to the Battle of Adrianople. L.; N.Y., 1995.

- Encyclopedia of Intelligence and Counterintelligence / Ed. by R. P. Carlisle. L.; N.Y., 2015.
- The Letter of Tansar / Transl. by M. Boyce. R., 1968.
- Sheldon R. M. Intelligence Activities in Ancient Rome: Trust in the Gods, but Verify. L.; N.Y., 2005.
- Syvanne I. The Eyes and Ears: The Sasanian and Roman Spies ca. AD 222–450 // *Historia i Świat*. 2016. № 5. S. 107–131.
- Tafazzoli A. Ā'in-nāma // *Encyclopaedia Iranica*. [Electronic resource]: URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/ain-na-ma> (date of access: 03.12.2015).
- Tafazzoli A. Sasanian Society. I. Warriors. II. Scribes. III. Dehqāns. N.Y., 2000.

Дмитриев Владимир Алексеевич, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения, кандидат исторических наук, доцент (Псковский государственный университет, Псков, Россия); эл. почта: dva_psk@mail.ru.

**“The Eye of the King”:
the Military Counterintelligence in Sasanian Iran**

The article discusses the activities of Sasanian military counterintelligence, which was an important element of the state security system of Sasanian Iran. The literary sources allow us to assert the existence of both external and internal counterintelligence in Sasanian Iran. The earliest data about the persons, who were involved into internal counterintelligence activities, refer to the rule of the second Sasanid king Shapur I (240–272). Obviously, the Sasanian secret service agents were special officials known from the inscriptions of the middle of the 3rd century AD discovered in Dura-Europos' synagogue, as “scribes of the army” or “army secretaries”. They are mentioned in “The Letter of Tansar” (6th century AD) as “‘eyes’ and informers of the King”. Their presence in the Persian army can be traced down to the last decades of Sasanian history when Bahram Chobin rebelled against the Sasanid king Hormizd IV in 589 (or 590).

The activities of the external counterintelligence are known primarily from the information related to the Roman-Persian wars. According to Roman and Byzantine historians, its main task was to misinform the enemy (i.e. the Romans) in order to cover the true intentions of the Persians and to introduce disorganization into the actions of the Roman army. A special system of training secret service agents as well as counterintelligence management did not exist in Sassanian Iran, so counterintelligence activities of the Persians were largely ad hoc. Despite this, in many cases, the Persian counterintelligence acted quite effectively and thereby made a significant contribution both to the security maintenance of the Persian state and military success of Sasanian armies.

Key words: Sasanian Iran, military counterintelligence, internal counterintelligence, external counterintelligence, state security, Roman-Persian wars.

Vladimir Dmitriev, Associate Professor of the Department of World History and Area Studies, Candidate of Historical Sciences, Docent (Pskov State University, Pskov, Russia); e-mail: dva_psk@mail.ru

References

- Voennyi entsiklopedicheskiy slovar'. V 2 t. T. 1 / Pod red. A. P. Garkina, V. A. Zolotareva, V. M. Kareva i dr. M., 2001.
- Danilov E. S. Arcani v soobshchenii Ammiana Martsellina // VDI. 2012. № 4 (283). S. 156–161.
- Danilov E. S. Securitas rimlyan i tutum varvarov // Tsvivilizatsiya i varvarstvo. Paradoksy pobedy tsvivilizatsii nad varvarstvom. M., 2013. S. 107–115.
- Danilov E. S. Varvarskie kataskopy na territorii Rimskoy imperii // Tsvivilizatsiya i varvarstvo. Transformatsiya ponyatiy i regional'nyy opyt. M., 2012. S. 232–239.
- Danilov E. S. Voyna i razvedyvatel'naya deyatel'nost' v antichnom Rime. Yaroslavl', 2011.
- Dmitrenko V. Rozvidka ta inshi taemni sluzhbi starodavn'ogo Rimu i yogo suprotivnikiv. L'viv, 2008.
- Dmitriev V. A. Voennaya razvedka v sasanidskom Irane: organizatsiya deyatel'nosti i istochniki informatsii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya "Sotsial'nye nauki". 2016. № 1. S. 9–22.
- Dmitriev V. A. Voennaya razvedka v sasanidskom Irane: sposoby, vidy, masshtaby // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2016. № 3. S. 15–28.
- Inostrantsev K. A. Sasanidskie etyudy. SPb., 1909.
- Kontrrazvedyvatel'nyy slovar'. M., 1972.
- O strategii. Vizantiyskiy voennyi traktat VI veka / Izd. podg. V. V. Kuchma. SPb., 2007.
- Slovar' voennykh terminov / Sost. A. M. Plekhov. M., 1988.
- Khurshudyan E. Sh. Gosudarstvennye instituty parfyanskogo i sasanidskogo Irana. Almaty, 2015.
- Asha R. The Dates in the Pahlavig and Pārsig Inscriptions of Durā Europos). [Electronic resource]: URL: http://www.rahamasha.net/uploads/2/3/2/8/2328777/the_dates_in_the_pahlavg_and_prsg.pdf (date of access: 25.12.2016).
- Austin N. J. E., Rankov N. B. Exploratio: Military & Political Intelligence in the Roman World from the Second Punic War to the Battle of Adrianople. L.; N.Y., 1995.

- Encyclopedia of Intelligence and Counterintelligence / Ed. by R. P. Carlisle. L.; N.Y., 2015.
- The Letter of Tansar / Transl. by M. Boyce. R., 1968.
- Sheldon R. M. Intelligence Activities in Ancient Rome: Trust in the Gods, but Verify. L.; N.Y., 2005.
- Syvanne I. The Eyes and Ears: The Sasanian and Roman Spies ca. AD 222-450 // *Historia i Świat*. 2016. № 5. S. 107-131.
- Tafazzoli A. Ā'in-nāma // *Encyclopaedia Iranica*. [Electronic resource]: URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/ain-nama> (date of access: 03.12.2015).
- Tafazzoli A. Sasanian Society. I. Warriors. II. Scribes. III. Dehqāns. N. Y., 2000.

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 94(5)

В. В. Митин

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ В XIII в.

Статья рассматривает особенности политической жизни в Монгольской империи в период её формирования и развития. Основное внимание уделяется факторам, повлиявшим на ход политической борьбы, среди которых важное место занимают взаимодействие центра империи и улусов, влияние монгольских советников и знати завоёванных народов. Особое внимание уделяется взаимодействию черт родового уклада и формирующихся феодальных отношений в процессе складывания кочевой империи, в которую включаются осёдлые народы.

Ключевые слова: Бату, Гуюк, Джучи, Менгу, Толуй, Чагатай, Чингис-хан, Угэдэй, Юань, каган, улус.

До сегодняшнего дня ведутся дискуссии по поводу особенностей государственности или даже вообще наличия государственности в средневековье у кочевников вообще и монголов в частности.

В работах Н. Н. Крадина, Л. С. Васильева, Т. Д. Скрынниковой, в противовес взглядам Е. И. Кычанова, В. В. Трепавлова, Р. Храпачевского, Р. Ю. Почекаева и многих других поднимались проблемы, связанные с государственностью и политическим развитием кочевников.

Не вдаваясь во все аспекты политического развития кочевых обществ, хотелось бы обратить внимание на специфику политической борьбы в Монгольской империи в период масштабных завоеваний монголов в XIII в. Несомненно, что сама политическая борьба, которую, прежде всего, можно понимать как борьбу за власть, в кочевом обществе имеет свою специфику. Монгольская империя оформлялась и существо-

вала в условиях непрерывных завоеваний, что наложило свой отпечаток на характер политической борьбы.

Этот вопрос довольно неплохо освещён в источниках, поскольку именно борьба между правителями, обоснование их прав привлекали внимание современников. Но, тем не менее, некоторые моменты остаются предметом обсуждения. Прежде всего, это определение факторов, которые направляли ход политической борьбы. Хотелось бы затронуть те из них, которые представляются наиболее важными.

Так, в условиях формирования государственного устройства в политической борьбе неизбежно проявляются противоречия между родовым и феодальным укладами. Это хорошо прослеживается, например, в трансформации роли курултаяв.

Курултай и прежде в монгольских племенах играли важную роль, прежде всего, в вопросах выборов нового вождя-хана, но наблюдается приспособление их к новым условиям. Выборные функции курултаяв сохраняются, но теперь всё большую роль в них играет воля хана, который оставляет наследника своей волей, а курултай делает избрание этого наследника законным. Это вовсе не означает, что роль курултая становится чисто формальной. Его решение оформляет законность наследования. В противном случае всегда можно было бросить ему вызов. Именно такой родовой консенсус должен был предотвратить межклановые войны. Поэтому курултай постоянно использовался как важный инструмент политической борьбы. Он вполне мог изменить и, казалось бы, беспорную волю хана, который почил, и уже никак не мог вмешаться в процесс утверждения своего решения.

Родовое начало всё ещё проявлялось в ритуале проведения курултая: при возведении на трон кандидаты сначала традиционно отказывались от него, ссылаясь на то, что они недостойны, но курултай своей силой возводил на трон и силой закона — это принцип легитимации правителя¹. Именно поэтому требовалось обязательное присутствие всех чингизидов на курултае.

Курултай сохраняет своё значение и по причине отсутствия чёткой системы наследования. Как и в догосударственное время, проявлялся родовой принцип, по которому власть

¹ *Третьяков В. В.* Государственный строй Монгольской империи в XIII в. М., 1993. С. 69.

не принадлежит одной семье и её главе, а является достоянием всего рода, хотя и передается по желанию хана и курултая и определяется реальным соотношением сил. Но в процессе формирования империи делались попытки оформления законной передачи власти по одной линии.

Это, например, проявилось при первом же случае наследования в империи. Если Чингис-хан пришёл к власти в результате длительной межплеменной войны, то ему самому нужно было передавать власть, основываясь на принципах, которые затем должны были стать правилом. Собрав малый семейный совет с участием сыновей и ближайших советников, он назначает преемником Угэдэя, своего третьего сына.

Выбор, произведённый Чингисом, объяснялся многими факторами, но важно то, что он проводил его, так сказать, в малом кругу — на семейном совете с участием ближайших сановников. Это, конечно, по-прежнему воплощение родового принципа. Но чем было вызвано избрание им именно Угэдэя?

Уже с самого начала обсуждения вспыхнула ссора между старшими сыновьями Чингиса — Джучи и Чагатаем, вызванная давним соперничеством и подозрением, что Джучи — не сын Чингис-хана. Когда Чингис-хан пресёк эту ссору, он обратился к Чагатаю, и именно тот предложил младшего брата Угэдэя, указывая на свойственное ему великодушие. Джучи вполне одобрил этот выбор. Сам Угэдэй проявил скромность (вероятно, ритуальную), и опасения, что может не справиться, и что потомки у него могут оказаться недостойными, но выбор принял. А по поводу его потомков Чингис-хан сказал фразу, затем использовавшуюся в политической борьбе: если же у Угэдэя такие потомки народятся, что «хоть травушкой-муравушкой оберни — коровы есть не станут, хоть салом окрути — собаки есть не станут, то среди моих-то потомков ужели так-таки ни одного доброго и не родится?»².

Таким образом, достижение компромисса и единства, сохранение целостности империи, воплощение родового принципа — вот что определяло это решение. Такой же гарантией безопасности он полагал выделение каждому из сыновей своего улуса. Когда Джучи сказал, что они с Чагатаем на пару будут помогать Угэдэю, Чингис-хан заметил, что это ни к чему — каждый получит свой улус, но даст клятву помогать

² Козин С. А. Сокровенное сказание. М. — Л., 1941. С. 186.

и не враждовать³. Он полагал, что единая центральная власть и много сыновей — путь к междоусобной войне. А если у каждого будет удел — не будет повода для вражды.

Кроме того, думается, Чингис-хан окончательно утвердился в своём решении назначить наследником Угэдэя после того, как три брата — Джучи, Чагатай и Угэдэй совместно осаждали Ургенч в 1221 г. Осада была долгой, поначалу неудачной и вызвала разногласия между Джучи и Чагатаем, и только Угэдэй сохранял хорошие отношения с обоими братьями. Было ясно, что при назначении любого из старших сыновей в империи будет раздор. Угэдэй же — фигура, которая сможет его смягчить⁴. В последний год своей жизни Чингис собрал сыновей, где подтвердил свою волю насчёт Угэдэя. На этом совещании не было Чагатая, и Чингис-хан выразил опасение, что он может внести раздоры, несмотря на его волю⁵. Это, вероятно, главная причина выбора Угэдэя.

Ещё одним фактором, ставшим, может быть, главнейшим в политическом противостоянии, становится борьба между имперским центром и улусами.

Казалось бы, Чингис-хан обладал абсолютной полнотой власти, но уже в процессе разворачивающихся завоеваний он почувствовал, что расширение империи чревато и появлением сепаратизма. В 1221 г. три брата — Джучи, Чагатай и Угэдэй — взяли Ургенч, столицу Хорезма, и из добычи не выделили доли отцу. Чингис-хан не хотел принимать их после этого, и лишь ближайшим соратникам — Мухали, Боорчу и Шихи-Хутуху удалось немного смягчить хана. Он принял сыновей, но жёстко отчитал⁶. На схожей почве происходит обострение его отношений со старшим сыном. Джучи первый получил улус, играл важную роль при хане и как многие считают, проявил признаки сепаратизма.

Выборы преемника интересны тем, что на них впервые произошло столкновение интересов центра и улусов. Воля Чингиса нуждалась в подкреплении, которое далось нелегко. С одной стороны, наметилась борьба за ханский престол — по некоторым косвенным данным на это место претендовал

³ Козин С. А. Указ. соч. С. 186.

⁴ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 216.

⁵ Там же. С. 258.

⁶ Козин С. А. Указ. соч. С. 188.

самый младший, при этом достаточно амбициозный Толуй, с другой — уже проявляются интересы образовавшихся улусов — к их выразителю можно отнести Чагатая, который делает ставку на слабого хана и поддерживает покладистого Угэдэя, конечно, ссылаясь на волю Чингис-хана.

Намереваясь править собственным улусом, он предпочитал Толую — прекрасному полководцу и, видимо, потенциально сильному правителю — слабого брата, которым можно было бы управлять.

Любопытно, что во время похода в Китай в 1231 г. Толуй, бывший при Угэдэе, сказал такую фразу: «Блаженной памяти родитель наш, государь, Чингис-хан, выбрав тебя, старший брат мой и царь, выбрав, как выбирают мерина, и, ощупав, как ощупывают барана, тебе лично указал на великий царский престол и на твоё величество возложил всенародное бремя. А мне ведь повелено только быть возле хана, старшего брата, чтобы будить его от сна и напоминать позабытое. И если б теперь я не уберёг тебя, то кого же стал бы будить от сна и напоминать позабытое. И именно сейчас я заступлю своего брата и государя, когда на самом деле с ним ещё ничего не случилось, но все монголы уже полны сиротской скорби, а китайцы — ликования. Я ломал хребет у тайменя, я сокрушал хребет у осетра. Я побеждал пред лицом твоим, я сражался и за глазами. Высок я станом и красив лицом»⁷. Можно истолковать данную речь, приписываемую Толую, как наличие у него великоханских амбиций, которым, впрочем, не суждено было сбыться⁸.

Все вопросы и законы Угэдэй согласовывал с Чагатаем или с участием всех Чингизидов. Т. е. выбор Угэдэя означал стремление Чингис-хана сохранить родовой принцип управления, чего могло и не получиться, выбери он амбициозных его братьев. Этот коллективизм тоже должен был сохранить целостность империи, также как коллективное участие всех Чингизидов в походах.

Борьба между центром и улусами обостряется по мере расширения империи, особенно после Западного похода, и вновь проявилась при воцарении Гуюка в 1245 г.

⁷ Козин С. А. Указ. соч. С. 193.

⁸ В 1232 г. Толуй умер.

Здесь уже явно обозначилась борьба между оформляющимися улусами и центром. Почему курултай выбрал не Ширемуну, которого назначил наследником сам Угэдэй? Его кандидатура была отклонена, поскольку он был молод и слаб для борьбы с другими кланами. Почему против Гуюка выступил глава улуса Джучи — Бату? Дело не только во вражде давней, возникшей между двумя Чингизидами во время Западного похода, но и явном расхождении интересов. Бату уже имеет огромный улус, и с какой стати ему подчиняться Каракоруму? У него было достаточно ресурсов для собственной завоевательной политики. Ему не был нужен Гуюк. На стороне Гуюка выступили Чагатаиды — соседи и соперники Джучидов. Но если бы Гуюк победил, возможно, он имел бы проблемы и с ними.

Возведение Гуюка на трон после смерти Угэдэя — это, фактически, попытка создать единую упорядоченную систему наследования и, соответственно, укрепление центральной власти. Но опереться Гуюку было не на кого. Только Чагатаиды, соперничавшие с Джучидами, могли поддержать Гуюка, но и то лишь на время. Так что за Гуюком был только собственный юрт — Монголия. И вот наиболее сильный улус — улус Джучи — бросил ему вызов. Поводом для этого стал тот факт, что Бату не явился на курултай по избранию Гуюка в 1245 г., сославшись на слабое здоровье⁹. Попытка привести его к покорности — карательный поход против Бату в 1248 г. закончился в результате подозрительно внезапной смерти Гуюка.

Теперь очень многое зависело от того, кто сядет в Каракоруме — будет ли центр считаться с интересами улусов или попытается подчинить их. Бату сделал ставку на род Толуя — Толуиды не имели собственного улуса и нуждались в поддержке. Бату, с одной стороны, был заинтересован в целостности империи — ведь это в целом сохранение мощи монголов, но с другой, место великого хана всё равно будет занято, и было важно, чтобы это был свой человек.

После смерти Гуюка организатором нового курултая был Бату. Он призвал всех Чингизидов в свой улус, но потому что Угэдэй и Чагатай отказались прибыть, утверждая, что согласно традиции, курултай должен быть проведён в коренном юрте — на Ононе и Керулене. И Бату провёл в 1250 г. подготовительный курултай с участием Джучидов и Толуидов, где

⁹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 118.

произошло выдвижение Менгу на ханский трон. А в 1251 г., когда был организован созыв великого курултая в Монголии, Бату отправил на него своих младших братьев Берке и Буха-Тимура с большим войском для поддержки своего кандидата. Но и туда потомки Угэдэя и Чагатая не прибыли. Берке запросил указаний у Бату, и тот дал указание, опиравшееся на реальную военную силу, посадить на белый войлок Менгу, а тех Чингизидов, кто не явится за нарушение ясы — закона Чингис-хана — казнить. В результате Менгу был избран, а попытавшиеся противодействовать этому потомки Угэдэя и Чагатая были казнены¹⁰.

Нельзя сказать, что даже на столь подконтрольном Бату курултае не было разногласий. Элджидай (сын Хачиуна, младшего брата Чингиса), ссылаясь на слова Чингиса о том, что править должен род Угэдэя, «пока есть от него хоть кусок мяса, который если травой обернуть и корова не съест, и если жиром обернуть, то и собака не съест», то всё равно он должен править. На это возразил Хубилай, младший брат Менгу, сказавший, что род Угэдэя сам первый нарушил ясу Чингиса. Ведь Угэдэй завещал передать власть своему внуку Ширемуну, а её захватил Гуюк¹¹.

Менгу, по крайней мере, поначалу, оправдывал надежды Бату. Он хотя и вовсе не был его марионеткой, но пока правил, не вмешивался в дела улуса Джучи и даже сдерживал порывы своего брата Хулагу, который уже устремился на завоевание Ирана и далее неизбежно должен был столкнуться с Джучидами в Закавказье¹². Бату использовал Менгу в уничтожении Чагатаидов, но прикрывал его тылы, помогал в процессе завоевания Китая. Центр империи в это время уже не мог существовать без поддержки улусов.

Менгу, конечно, не был абсолютно покорен Бату на посту великого хана. Об этом и речи не могло быть. Просто они оба были нужны друг другу. Менгу нужен был могущественный союзник для обеспечения целостности империи, Бату нужен был союзник на ханском столе, который не затрагивал бы интересы улуса Джучи. Менгу мог свободно действовать во всех направлениях, кроме западного.

¹⁰ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 131–139.

¹¹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. С. 95.

¹² Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М., 2007. С. 29.

Венцом борьбы центра и улусов стало противостояние Хубилая и Ариг-Буги. Борьба двух братьев, безусловно, кроме прочего, была борьбой между монгольской традицией править, «сидя на коне», из центра и улусной политикой закрепления на завоёванных территориях. Хубилай уже, по сути, выступал как император Юань, а не как Монгольский каган. В новых условиях Ариг-Буга не имел серьёзной опоры. Он попытался воспользоваться тем, что находился в Монголии, когда основные войска во главе с Хубилаем вели войну против Сун. Нахождение в коренном юрте, по мнению традиционалиста, давало ему право на главенство. Были, конечно, посланы приглашения на курултай всем чингизидам, но Ариг-Буга со сторонниками решили избирать, не дожидаясь их прибытия. Официально было объявлено, что улус Джучи, Хулагу и прочие поддерживают его. А Хубилай в Китае провёл свой курултай, хотя тоже объявил о его поддержке со стороны других улусов. Ариг-Буга — сторонник традиций — думал, что, опираясь на монгольский улус, он имеет больше прав. А Хубилай в этих условиях мог опереться только на Китай и монгольские войска, там находящиеся, и он порвал с традициями. Хубилай победил, и вместе с ним победила улусная система. Формально он ещё отправлял назначения правителям других улусов, но реально никак на них не влиял.

Можно отметить ещё один важный фактор, который влиял на политическую жизнь в империи, — роль ближайших ханских советников. Она менялась в процессе завоевательной политики: сначала они — боевые друзья юности, преданностью заслужившие свои места. Их наследники — это уже чиновники на службе, и о былой близости, конечно, здесь говорить не приходится.

Часто опытные командующие ставились по статусу выше даже Чингизидов. Субудай, Урянхатай, Мухали, Боорчу — их голос в важнейших вопросах звучал весомо. А в военных походах нередко был решающим. Так, Менгу, направляя войска против Сун, ставил крупнейшего своего полководца Урянхатая на один уровень с собственным братом Хубилаем в вопросах командования¹³.

¹³ *Свистунова Н. П.* Гибель южносунского государства // Монголо-татары в Азии и Европе. М., 1977. С. 285–287.

Но что следует выделить особо как новый фактор политической жизни, появившийся в процессе завоеваний, так это роль местной знати. С завоеванием многочисленных народов и появлением улусов их монгольским правителям неизбежно приходится опираться на местную знать, без чего невозможно было этими улусами управлять. Большинство народов были осёдлыми или полuosёдлыми, опыта управления которыми у монголов не было. А при этом неизбежно приходилось считаться с интересами местной знати, которая этот фактор использовала в своих интересах. Елюй Чуцай, бывший чиновник династии Цзинь, защищал интересы китайского населения, русские князья Ярослав Всеволодович и Александр Ярославич использовали Бату для внутренней борьбы и для защиты от имперской политики Каракорума. Когда сначала в имперскую столицу Каракорум поехал сын великого князя владимирского Константин Ярославич, а сам Ярослав ездил в Сарай, великий каган Гуюк счёл это оскорблением — великий князь поехал к Бату, а в Монголию послал сына. Именно это, возможно, стало причиной отравления Ярослава в Каракоруме, когда тот всё-таки прибыл к Гуюку. Этим, возможно, и объясняется ориентация Александра Невского на Бату. Ему нужна была защита от империи, а Бату нужен был союзник против Гуюка. Александр Ярославич получил в Каракоруме ярлык на разорённый киевский удел, а его младший брат, Андрей, — стольный Владимир. Между братьями возникла вражда, и Александр сделал ставку на Бату как противника имперского центра. Карательная Неврюева рать 1252 г., кроме прочего, была частью политического противостояния улуса Джучи и Каракорума. Александр мог бы и сам справиться с братом, но тогда он посягнул бы на волю великого хана, что могло привести к карательным акциям. Пусть это сделает Бату. Александр поехал в Орду к Бату с жалобой на брата, заодно обвинив его в неплатежах дани¹⁴. Бату тоже сделал ставку не на ставленника Каракорума Андрея, а на Александра. Хотя в самом Каракоруме в это время уже сидел Менгу, но Андрея-то поставила вдова Гуюка Огуль-Гаймиш в 1248–1249 гг. В результате Неврюева рать ликвидировала зависимость от Каракорума и переподчинила Русь Орде. Разворачивалась новая улусная политика, которая была уже не связана с общеимперскими делами.

¹⁴ Егоров В. Л. Александр Невский и чингизиды // ОИ. 1997. № 2. С. 48–59.

Махмуд Ялвач добивался привилегий для мусульманских купцов и максимально использовал торговые возможности, которые обеспечивала империя. Джувеини и Рашид ад-Дин, ставшие видными чиновниками при Хулагуидах, также использовали монголов для защиты персидских интересов в борьбе с арабами, и их не смущали различия в религиях.

Роль местной знати увеличивалась ещё и потому, что воинские контингенты в улусах теперь уже не были чисто монгольскими, и даже были монгольскими в меньшей степени. Их интересы нельзя было не учитывать. Конечно, везде этот фактор проявлялся в разной степени. В наибольшей мере он сказывался в улусах Чагатая и степных владениях Джучи, где монголы активно включали в свои подразделения тюркские контингенты. В меньшей — в оседлых странах — Китае, Иране, Руси, но и там роль его была велика. Впоследствии близость отношений ордынских правителей с московскими князьями была не только в интересах последних.

При рассмотрении политической борьбы в Монгольской империи нельзя пройти мимо участия в ней женщин. Неоднократно женщины в империи играли важную политическую роль. Оэлун и Бортэ (мать и жена Чингис-хана соответственно) — в возвышении Чингиса. Идею о выборе наследника Чингис-хану подсказала его жена татарка Есуй. Причём сделала она это в довольно невежливой форме, намекнув, что он невечен. Чингис признал справедливость её слов и даже попенял своим ближайшим соратникам, что они не напомнили ему о бренности сущего¹⁵. Меркитка Дорэгэнэ, вдова Угэдэя, привела к власти Гуюка, Огуль-Гаймиш регентствовала после смерти своего мужа Гуюка. Р. Ю. Почекаев предполагает, что причиной возвышения Бату, который не был ни самым старшим, ни самым удачливым среди сыновей Джучи, было влияние Бортэ, поскольку мать Бату — Уки-хатун — была из племени хунгират, из которого происходила и сама Бортэ¹⁶.

В монгольском кочевом обществе женщины традиционно имели большой вес, нежели во многих странах Востока. Можно также упомянуть о стремлении женщин продвинуть на престол своих детей в условиях многожёнства.

Говоря о специфике политической жизни в Монгольской империи, можно выделить основные её моменты. Прежде все-

¹⁵ Козин С. А. Указ. соч. С. 182-183.

¹⁶ Почекаев Р. Ю. Указ. соч. С. 52.

го, хотелось бы отметить, что родовые принципы всегда имели важное значение в политической жизни. Это естественно, поскольку кочевая организация сохранилась, и именно она служила базисом для завоеваний.

Можно также видеть, что важной составляющей политической борьбы было противостояние имперского центра и улусов. При этом улусная организация неизбежно взяла верх над централизацией в процессе завоеваний — отсюда и распад империи.

Завоевания привели к разбуханию империи, и управлять ею централизованно из Монголии не имелось никакой возможности — улусная организация была неизбежна. К этому подталкивал и первоначально принцип семейного владения всей империей. Но появление улусов столь же неизбежно привело к расхождению их интересов с интересами центра. Тем более что центр играл роль классического паразита, а улусным правителям приходилось благоустраивать своё новое владение. Именно поэтому местная знать поддерживала улусных правителей против Каракорума, раз уж приходилось выбирать какое-то из зол.

Источники

- Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. М. — Л., 1952.
- Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. О. И. Смирновой. М. — Л., 1952.
- Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю. П. Верховского. М. — Л., 1960.

Литература

- Егоров В. Л. Александр Невский и чингизиды // ОИ. 1997. № 2. С. 48–59.
- Козин С. А. Сокровенное сказание. М.; Л., 1941.
- Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М., 2007.
- Свистунова Н. П. Гибель южносунского государства // Монголо-татары в Азии и Европе. М., 1977. С. 282–305.
- Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи в XIII в. М., 1993.

Митин Валерий Владимирович, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и регионоведения (Псковский государственный университет; Псков, Россия); эл. почта: rumata68@mail.ru.

Features of Political Struggle in the Mongol Empire in the 13th Century

The article considers the features of political life in the Mongol Empire at the period of its formation and development. It focuses on the factors that influence the course of political struggle, among which an important place belongs to the interaction of the center of the empire and ulus; and the impact of Mongolian advisers and nobles of the conquered peoples. Special attention is paid to the interaction of the elements of the tribal way of life and the emerging feudal relations in the formation process of the nomadic Empire which included the sedentary peoples.

Key words: Batu, Chagatai, Genghis Khan, Güyük, Jochi, Möngke, Tolui, Yuán, Ögedei, Khagan, Ulus.

Valery Mitin, Senior Lecturer of the Department of World History and Area Studies (Pskov State University; Pskov, Russia); e-mail: rumata68@mail.ru.

References

- Egorov V. L. Aleksandr Nevskiy i chingizidy // OI. 1997. № 2. S. 48–59.
Kozin S. A. Sokrovennoe skazanie. M.; L., 1941.
Pochekaev R. Yu. Batyy. Khan, kotoryy ne byl khanom. M., 2007.
Svistunova N. P. Gibel' yuzhnosunskogo gosudarstva // Mongolo-tatary v Azii i Evrope. M., 1977. S. 282–305.
Trepavlov V. V. Gosudarstvennyy stroy Mongol'skoy imperii v XIII v. M., 1993.

Д. В. Михеев

РАЗВИТИЕ ИСПАНСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В НОВОМ СВЕТЕ НАКАНУНЕ АНГЛО-ИСПАНСКОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена проблеме становления испанской оборонительной системы в колониях Нового Света. Рассматриваются мероприятия испанских властей, направленные на повышение обороноспособности колоний и улучшение качества охраны атлантических и тихоокеанских коммуникаций, связывавших колониальные владения короля Филиппа II с метрополией. Автор приходит к выводу, что накануне начала полномасштабного противостояния 1585–1604 гг., развернувшегося между Англией и Испанией, оборона испанских колоний оказалась недостаточной.

Ключевые слова: Новый Свет, испанские колонии, оборонительная система, система конвоев, Серебряный флот.

Испания XVI в. была одной из крупнейших и наиболее сильных мировых держав. Монархи Испании стремились активно влиять на все процессы, происходившие в Европе, фактически ведя борьбу на протяжении всего XVI столетия за гегемонию в регионе. Однако следует осознавать, что столь активная внешняя политика, свойственная Карлу V и Филиппу II, была бы невозможна без тех огромных средств, которые правители Испании получали из своих обширных заморских владений. Именно колонии в Новом Свете гарантировали приток серебра, питавшего амбиции испанской монархии в Европе.

В данной статье нам хотелось бы обратиться к проблеме защищённости этой «испанской сокровищницы», рассмотрев систему обороны испанских колоний, сложившуюся накануне Англо-испанской войны. Именно начавшийся в 1585 г. военный конфликт привёл к ускоренному видоизменению и совершенствованию данной системы, и война стала хорошей проверкой её эффективности.

Необходимость обеспечения безопасности заморских владений возникла перед Испанией на самых ранних эта-

пах её колониальной экспансии в Новом Свете. Уже в начале XVI в., когда начинают поступать первые сведения о богатстве открытых испанцами земель, вслед за ними в американские владения испанского монарха устремляются подданные французского короля, что сделало жизненно необходимым для Испании создание действенной системы обороны Вест-Индии.

Первоначально оборона испанских колоний в Новом Свете была представлена системой слабо укрепленных и достаточно удаленных друг от друга крупных поселений испанских колонистов. Наибольшую угрозу для испанцев в первой четверти XVI в. представляли нападения пиратов и каперов на корабли, направлявшиеся в Америку или возвращавшиеся оттуда, на начальном и завершающем участках их атлантического маршрута. Так, уже в ходе своего третьего плавания в 1498 г. флотилия Христофора Колумба столкнулась с пиратской угрозой. В начале, направляясь к Мадейре, кораблям Колумба пришлось отклониться от обычного маршрута, чтобы обойти стороной вражескую флотилию. На широте канарского острова Гомера Колумб столкнулся с французскими каперами, взявшими на абордаж два кастильских корабля¹. Таким образом, возникла первая серьезная угроза, связанная с обеспечением безопасности морских коммуникаций, проходивших через Атлантику.

Необходимо отметить, что потребность в усилении обороны коммуникаций на просторах Атлантики возростала в периоды франко-испанских столкновений на Европейском континенте, когда заметно активизировались французские каперы. Впрочем, не стоит думать, что французы прекращали свои нападения на испанские корабли в годы мира. Ещё Франциску I приписывалось высказывание о том, что он не видел в завещании Адама указаний на то, что владения в Новом Свете должны принадлежать испанцам и португальцам². Отказ французских монархов признавать папские буллы и испано-португальские соглашения о разделе мира, подписанные в Тордесильясе в 1494 г. и в Сарагосе в 1529 г., давал карт-бланш французским капитанам, действовавшим «за чертой»

¹ *Копелев Д. Н.* Пиратство в XVI–XVIII веках: На острие мировой политики. СПб., 2013. С. 217–218.

² *Копелев Д. Н.* Раздел Океана в XVI–XVIII веках: истоки и эволюция пиратства. СПб., 2013. С. 168.

(т. е. «за демаркационной линией», отделявшей европейские владения от колониальных), где, по мнению многих, европейские правила войны и мирные соглашения не действовали. Так, во время обсуждения мира в Като-Камбрези, положившего конец Итальянским войнам (1494–1559 гг.), представители Франции и Испании обсуждали вопрос о праве иностранцев посещать Новый Свет. В зарубежной историографии принято считать, что соглашение о Вест-Индии не вошло в текст мирного договора, разрешавшего европейские противоречия. Однако предполагается, что существовало устное соглашение. Согласно этой договорённости, устанавливалась так называемая «линия дружбы». К западу от меридиана, проходившего через самый западный из островов Канарского архипелага — остров Иерро (первоначально через Азорские острова), и к югу от тропика Рака³ европейские нормы международных отношений не действовали⁴. Подразумевалось, что события в колониях не должны приводить к конфликтам между державами в Европе, а добыча, захваченная здесь, могла считаться законной. Однако испанцы с подобными действиями были не согласны и всегда требовали по дипломатическим каналам возмещения ущерба и наказания преступников.

Таким образом, французы начали нарушать демаркационные линии, закреплённые в испано-португальских соглашениях, уже в ходе Итальянских войн. В 1512 г. Торговая палата в Севилье отдала распоряжение направить две каравеллы к Канарским островам для защиты торговых кораблей от французских корсаров. В 1521 г. уже эскадра из 3–5 кораблей патрулировала участок от испанского побережья до Канарских островов. Примерно в то же время Торговая палата отдала аналогичное распоряжение с целью обезопасить ком-

³ Остров Иерро — самый западный из Канарских островов (18° з. д.); тропик Рака или Северный тропик — одна из пяти основных параллелей, отмечаемых на картах Земли (23° с.ш.). Уже в XVII в. «Линия дружбы» появляется на некоторых картах и глобусах, а формулировка “No peace beyond the line” («Никакого мира за чертой») встречается в письменных источниках. «Линия дружбы» перестаёт быть актуальной после того, как в европейские договоры начинают включаться вопросы, связанные с колониями. Таким образом, испанские колонии в Новом Свете официально включались в правовое поле.

⁴ European Treaties Bearing on the History of the United States and its dependencies / Ed. by F. Davenport. Washington (D. C.), 1917. Vol. I. P. 219–222.

муникации вблизи американского побережья. В 1513 г. две каравеллы были направлены на Кубу, для патрулирования торговых путей⁵. В 1528 г. была сформирована новая эскадра. Она действовала, защищая торговые пути между Испанией и Новым Светом.

Отвечая на новые угрозы, в 1522 г., после начала первой войны короля Франциска I против Карла V, был издан указ, в соответствии с которым все корабли, направлявшиеся в Вест-Индию, должны были быть водоизмещением не менее 80 т. В 1526 году Карл V приказал не выпускать в Новый Свет из гаваней Испании одиночные торговые корабли. В условиях начала новой войны, вспыхнувшей в 1542 г. между Карлом V и Франциском I, был издан указ, предписывавший отправляться в Новый Свет группами не менее чем по 10 кораблей, при этом в состав флота должен был входить как минимум один крупный и хорошо вооружённый корабль⁶. Все корабли, участвовавшие в торговле с колониями, в соответствии с королевским ордонансом 1552 г., должны были иметь водоизмещение более 100 т. и экипаж не менее 32 человек⁷. Таким образом, испанцы уже к середине XVI в. постепенно оформили знаменитую систему конвоев, просуществовавшую на протяжении нескольких столетий. Однако в законченном виде она утвердится только в начале 60-х гг. XVI в.

В 20-е гг. XVI в. первые иностранные пираты проникают в испанские колонии, создавая тем самым угрозу морскому сообщению вблизи колониальных центров и непосредственно испанским поселениям в Новом Свете. Первые свидетельства о появлении французских пиратов в Вест-Индии относятся к 1522–1523 гг. Их нападения первоначально не несли серьёзной угрозы владениям испанцев, так как происходили относительно редко. Сказывалась удалённость Нового Света. Впрочем, уже во второй половине 1530-х гг. на фоне очередного франко-испанского конфликта в Европе (1536–1538 гг.) активность французов в Вест-Индии заметно возрастает. Обычными целями пиратов становились суда, занимавшиеся каботажным

⁵ Lynch J. Spain under the Habsburgs. Vol. I. Empire and Absolutism, 1516–1598. N. Y., 1984. P. 165.

⁶ Свет Я. М. Пираты Антильских морей // ННИ. 1966. № 1. С. 135; Haring C. Trade and Navigation between Spain and the Indies. L., 1918. P. 70–71, 262.

⁷ Haring C. Op. cit. P. 273.

плаванием, и небольшие испанские поселения на побережье. Однако что-то поделать с этим испанские власти были фактически не в состоянии, да и ущерб от подобных нападений был относительно невелик. Большую угрозу представляли нападения на основные испанские опорные пункты в Новом Свете, остававшиеся до этого момента почти незащищёнными. Надеяться на удалённость владений в Новом Свете и малочисленность пиратов более не приходилось.

В феврале 1535 г. Карл V отдал распоряжение представителям Торговой палаты снарядить эскадру для ликвидации пиратства в западных морях⁸. Представители испанской администрации в Вест-Индии с этого периода всё настоятельнее просят у метрополии средств для возведения более серьёзных укреплений, которые позволили бы защитить основные опорные пункты в Новом Свете. С таким предложением, в частности, выступил в мае 1537 г. Гонсало Фернандес⁹. Однако средств для подобных проектов, как обычно, не хватало, и только чрезвычайные ситуации вынуждали испанские власти действовать более решительно. Так, например, только после нескольких нападений французских пиратов на Гавану — основной перевалочный пункт испанцев в Вест-Индии, апофеозом которых становится нападение Жака де Сора в 1555 г., когда город был полностью разграблен и сожжён, испанские власти приступили к возведению в городе мощных оборонительных сооружений. Строительство субсидировалось вице-королевством Новая Испания. С этого же времени на пост губернатора Кубы стали назначать не гражданских лиц, а опытных офицеров армии или флота¹⁰. Таким образом, наиболее укреплёнными центрами в Новом Свете к середине XVI в. являлись Санто-Доминго, Картахена и Гавана.

По оценке П. Хоффмана, крупные испанские поселения в колониях подверглись нападениям французов к середине XVI в. более 20 раз. В то же время расходы на оборону колоний в Новом Свете к середине XVI в. достигали 15 тыс. дукатов, более 70 % средств при этом уходило на снаряжение кораблей,

⁸ Пастушенко А. А. О морском разбое французов в Вест-Индии (1528–1559 гг.) // Древности. 2009. Вып. 8. С. 186.

⁹ Гонсало Фернандес де Овьедо-и-Вальдес (1478–1557 гг.) — испанский конкистадор, историк, натуралист и чиновник. Занимал должность алькальдо крепости Санто-Доминго.

¹⁰ Очерки истории Кубы. М., 1978. С. 28–29.

направлявшихся в Вест-Индию, 13 % средств расходовалось на укрепления, 4 % — на содержание гарнизонов¹¹.

Новый этап в развитии испанской оборонительной системы в Вест-Индии был связан с дальнейшим развитием системы конвоев. В начале 1560-х гг. испанским офицером Педро Менендесем де Авилесом¹² был предложен план реформирования системы обороны колоний, включавший несколько пунктов. Во-первых, обеспечение сильным военно-морским эскортом трансатлантических флотов. Во-вторых, создание постоянных эскадр для патрулирования Карибского региона. Они должны были бороться с пиратами и симарронами — беглыми рабами, смешавшимися с местным индейским населением и досаждавшими испанским колонистам в районе Панамского перешейка. В-третьих, укрепление основных портов и снабжение их сильными постоянными гарнизонами¹³.

Предложения Педро Менендеса де Авилеса были одобрены Филиппом II. Однако реализация плана затянулась. В первую очередь была проведена окончательная реорганизация системы конвоев. Для защиты торговых кораблей 16 июня 1561 г. в составе испанских конвоев были выделены корабли «капитана» — флагманский корабль, и «альмиранта» — вице-адмиральский корабль. Они должны были быть загружены на 100 т. меньше, чем остальные суда, и иметь на борту не менее 30 солдат¹⁴. С 1564 г. начала действовать система двух отдельных конвоев, отправляемых в Вест-Индию. С этого времени все корабли, направлявшиеся в Новый Свет, должны были следовать в составе конвоя, за исключением боевых кораблей, работорговцев и посыльных судов. Конвой, называемый «Флот Новой Испании» (*Flota de Nueva España*),

¹¹ *Hoffman P. E. The Spanish Crown and the Defense of the Caribbean, 1535–1585. Baton Rouge, 1980. P. 24.*

¹² Педро Менендес де Авилес (1519–1574 гг.) — военный теоретик, один из наиболее опытных испанских военно-морских офицеров. В 1565 г. руководил карательной экспедицией против французского поселения во Флориде. Позднее был назначен Филиппом II первым губернатором Испанской Флориды. В 1567 г. был назначен капитан-генералом «Индийского Конвоя».

¹³ *McAlister L. N. Spain and Portugal in the New World, 1492–1700. Minneapolis, 1987. P. 431.*

¹⁴ *Haring C. Op. cit. P. 206; McDermott J. England and the Spanish Armada. The Necessary Quarrel. L., 2005. P. 67.*

выходил из Севильи и Кадиса в апреле — мае и направлялся к городу-порту Веракрус в Новой Испании. Для обороны порта здесь же была возведена крепость Сан-Хуан-де-Улуа. Вторая флотилия — «Галеонес де Тьерра-Фирме» (*Galeones de Tierra Firme*), или «Континентальные галеоны», — в августе направлялась в Картагену (в Новой Гранаде) и гавань Номбре-де-Диос на Панамском перешейке. С 1584 г. корабли этой флотилии стали направляться не в Номбре-де-Диос, а в более удобную гавань Портобело. Загрузившись колониальными товарами, корабли обеих флотилий встречались в Гаване, откуда возвращались в Испанию в марте следующего года. В популярной литературе упомянутые конвои обычно называют «Серебряным флотом». В 1565 г. особым распоряжением устанавливалось, что флагманскими кораблями обеих флотилий должны являться галеоны, имеющие не менее 36 орудий. На этих кораблях запрещалось перевозить товары, которые бы затрудняли использование артиллерии. Два года спустя Филипп II назначил Педро Менендеса капитан-генералом эскадры из 12 вооруженных кораблей, так же известной как «Индийский Конвой» или «Сторожевая Армада» (*Armada de la Guardia*). Корабли были построены по проекту другого опытного морского офицера, дона Альваро де Басана, маркиза Санта Крус. Расходы на их содержание ложились на плечи торговцев, которых они охраняли¹⁵. Фактически «Сторожевой Армаде» приходилось выполнять функции по обороне не только конвоя, но и Карибского моря. Достаточно частыми были случаи, когда корабли, сопровождавшие конвой, направлялись для преследования пиратов, промышлявших в здешних водах. Появление кораблей «Сторожевой Армады» и так называемого «Серебряного флота» в водах Нового Света могло гарантировать относительную безопасность испанских владений. Так, с 1568 по 1579 гг. кораблями «Сторожевой Армады» был захвачен или уничтожен 21 пиратский корабль¹⁶.

Начиная с 60-х гг. XVI в. испанская торговля в Атлантике действовала если не гладко, то в целом эффективно. Перехватить объединившиеся в Гаване корабли «Серебряного флота» было крайне сложно. Большую угрозу для него представляли

¹⁵ *Goodman D.* Spanish Naval Power, 1589–1665: Reconstruction and Defeat. Cambridge, 1997. P. 3–4; *Williamson J. A.* The Age of Drake. L., 1938. P. 68.

¹⁶ *Hoffman P. E.* Op. cit. P. 221.

непогода, плохое качество кораблей и прочие непредвиденные обстоятельства. Негативными последствиями подобной монопольной системы перевозок стали нехватка товаров в колониях и рост цен¹⁷.

В 1574 г. помимо испанских галеонов из «Индийского Конвоя» в Вест-Индии начали действовать фрегаты в районе Номбре-де-Диос, Картахены и Кубы. Однако экипажи кораблей были заподозрены в контрабанде. В 1578 г. их заменили галерами¹⁸. В обязанности их экипажей вменялась борьба с пиратами и защита наиболее важных портовых городов. Особенно ценилась независимость галер от направления ветра. В 1574 г. несколько галер было снаряжено в Вест-Индии для защиты побережья Тьерре-Фирме в районе Картахены и Номбре-де-Диос, а также у Кубы и Эспаньолы (Гаити). В Санто-Доминго их начали использовать только в 1582 г., когда местные власти обещали за свой счёт снабжать их всем необходимым. Галеры действовали с переменным успехом, пытаясь бороться с отдельными пиратскими судами. Но как показала дальнейшая практика, решение оказалось необоснованным: нехватка людей, тропический климат, неспособность кораблей справиться с океанскими водами и в особенности увеличение размеров пиратских судов делали галеры малоэффективными в условиях Нового Света.

В Тихом океане с 1571 г. по распоряжению Филиппа II для большей надёжности перевозок сообщение между испанской колонией на Филиппинах и Новым Светом осуществлял лишь один корабль в год. Для реализации подобного проекта потребовалось строительство специальных «Манильских галеонов» — огромных кораблей, способных за один рейс перевезти ценности, накопленные колонией за год. Галеоны отличались большими размерами и надёжностью, однако манёвренностью и скоростью пришлось пожертвовать¹⁹. Как казалось на тот момент, корабль был неприступен для морских разбойников, действовавших в Тихом океане. По этой причине артиллерийское вооружение корабля было достаточно слабым, либо пушки вовсе отсутствовали²⁰. Однако, как до-

¹⁷ *Haring C.* Op. cit. P. 209–211; *Lynch J.* Op. cit. P. 166–167.

¹⁸ *Hoffman P. E.* Op. cit. P. 219–223; *Lynch J.* Op. cit. P. 167.

¹⁹ *Можейко И. В.* Пираты, корсары, рейдеры. М., 2007. С. 76.

²⁰ Так, например, на галеоне «Санта Анна», атакованном кораблями Томаса Кавендиша уже в годы Англо-испанской войны, не оказа-

казал в ходе своей кругосветной экспедиции Фрэнсис Дрейк, «Испанское озеро», как называли Тихий океан сами испанцы, становилось для последних не столь безопасным.

Нападение англичан на тихоокеанское побережье Нового Света привело испанские власти к мысли о необходимости защитить данный регион. В 1580 г. было принято решение о создании тихоокеанской эскадры «Мар дель Сур» (*Armada del Mar del Sur* — армада Южного моря), однако вплоть до начала Англо-испанской войны в 1585 г. для создания флота так ничего и не было предпринято.

Ещё одной проблемой, о которой приходится говорить, рассматривая испанскую оборонительную систему в Новом Свете, являлась нехватка солдат и квалифицированных специалистов и офицеров. Достаточное количество войск имелось только в крупных колониальных центрах, остальные поселения должны были защищаться при помощи ополчения, сформированного из местных жителей. Как показал опыт, в случае нападения значительных сил противника ополчение предпочитало разбежаться после первого же залпа. Кроме испанцев к обороне колоний привлекалось местное индейское население, а в чрезвычайных случаях — и темнокожие невольники²¹, т. е. люди, доверяться которым было опасно.

В большинстве случаев испанские власти предпочитали выделять дополнительные средства для строительства укреплений, однако одного этого было недостаточно. Огромной головной болью для колониальных властей являлась нехватка артиллерии, которую доставляли из Европы (в первую очередь из Италии, Нидерландов, Англии и Франции), и по этой причине качественные орудия высоко ценились колониальными властями²². Пытаясь найти выход из сложившейся си-

лось артиллерии, чтобы дать достойный отпор европейским каперам (см.: *Schurz W. L. El Galeon de Manila. Madrid, 1992. P. P. 273–274, 324–326*).

²¹ Примеры использования индейских ополчений для обороны колоний неисчислимы, нередкими являлись и случаи привлечения к обороне колониальных центров темнокожих невольников. См. напр.: *Кеймен Г. Испания: дорога к империи. М., 2007. С. 367–368; Further English Voyages to Spanish America. 1583–1594 / Ed. by I. A. Wright. L., 1951. P. 31.*

²² *Копелев Д. Н. Пушки в океане: морская гонка вооружений и испанская колониальная империя XVI–XVII столетий // Диалог со временем. 2009. № 29. С. 227.*

туации, испанцы готовы были идти на неординарные меры, крайне дотошно допрашивая пленённых пиратов в попытках найти хороших артиллеристов и мастеров, способных наладить производство оружия прямо в колониях.

Наконец, важной составляющей действий по обеспечению безопасности колоний являлись единовременные акции испанских властей по устранению конкретных угроз испанскому господству, возникавших в колониях. На подобные действия, благодаря напряжению сил, обычно удавалось найти средства.

Одной из первых угроз, возникших в Новом Свете и потребовавших незамедлительного решения, явилась французская колония, основанная в начале 1560-х гг. в районе Флориды. Для её ликвидации колониальным властям удалось сформировать карательный отряд во главе с Педро Менендесом де Авилесом, который уничтожил колонию в 1565 г. Чтобы закрепиться в регионе Флориды, испанцы незамедлительно приступили к сооружению укреплённых пунктов, основным из которых на долгие годы стал город Сан-Агустин²³.

Второй проблемой, которая особенно обострилась на рубеже 60–70-х гг. XVI в., стали действия беглых рабов (симарронов) в районе Панамского перешейка. Объединяясь с французскими и английскими пиратами, они доставляли серьёзное беспокойство испанским властям. Наиболее известное совместное предприятие симарронов и пиратов — это Панамский рейд Фрэнсиса Дрейка в начале 1570-х гг. Против симарронов были отправлены испанские войска, ликвидировавшие их поселения. В 1576 г., когда спутник Дрейка Джон Оксенгем попытался повторить успех своего патрона на Панамском перешейке, он не смог найти здесь беглых рабов.

Серьёзным вызовом для испанской оборонительной системы в колониях, как уже отмечалось выше, стала кругосветная экспедиция Фрэнсиса Дрейка (1577–1580 гг.). Пытаясь предотвратить повторное проникновение незваных гостей в Тихий океан через Магелланов пролив, Филипп II санкционировал реализацию проекта, предложенного Педро Сармьенто де Гамбоа. В 1581 г. де Гамбоа направился к проливу, чтобы организовать там постоянное поселение и построить

²³ *Chanelain V. E. The Defenses of Spanish Florida 1565 to 1763 // Carnegie Institution of Washington. 1941. № 511. P. 35–36.*

крепость, способную контролировать передвижение кораблей из Атлантики в Тихий океан. Однако, не получая необходимых припасов и подкреплений, новая колония быстро пришла в упадок, а большинство колонистов погибло от голода и болезней.

Таким образом, можно сделать несколько основных выводов.

Несмотря на то, что уже в начале XVI в. колонии в Новом Свете подверглись первым нападениям, испанские власти реагировали на угрозы крайне медленно. В целом приходится признать правоту П. Хоффмана, заметившего, что оборонительная система, существовавшая к 1585 г., была скорее продуктом исторического развития и политических решений, а не итогом целенаправленного решения проблем обороны²⁴. Относительное затишье, возникшее в связи с сокращением числа нападений английских и французских пиратов на испанские колонии Нового Света в начале 1580-х гг., отрицательно сказалось на боеготовности испанцев. Поэтому не случайно, что к моменту начала Англо-испанской войны в 1585 г. оборона Вест-Индии была в худшем состоянии, чем в конце 1570-х гг. Боевые корабли действовали в регионе нерегулярно, и фактически постоянного флота для обороны испанских колоний в Новом Свете не было вплоть до начала войны. Галеры были в плачевном состоянии из-за нехватки припасов и снабжения. Войск не хватало, ополченцы были плохо вооружены. Укрепления основных опорных пунктов на островах и континенте находились в неудовлетворительном состоянии, а для их защиты катастрофически не хватало артиллерии.

Впрочем, даже несмотря на явный недостаток средств, выделяемых для защиты испанских колоний в Новом Свете, сложившаяся система вплоть до начала полномасштабной войны действовала относительно успешно. Особенно дееспособной оказалась система конвоев, оформившаяся к середине XVI в. Защитить все уголки обширной испанской колониальной империи было невозможно, однако основные опорные пункты при необходимом финансировании можно было подготовить к обороне достаточно быстро.

²⁴ Hoffman P. E. Op. cit. P. 224.

Литература

- Кеймен Г. Испания: дорога к империи. М., 2007.
- Копелев Д. Н. Пиратство в XVI–XVIII веках: На острие мировой политики. СПб., 2013.
- Копелев Д. Н. Пушки в океане: морская гонка вооружений и испанская колониальная империя XVI–XVII столетий // Диалог со временем. 2009. № 29. С. 216–235.
- Копелев Д. Н. Раздел Океана в XVI–XVIII веках: истоки и эволюция пиратства. СПб., 2013.
- Можейко И. В. Пираты, корсары, рейдеры. М., 2007.
- Очерки истории Кубы. М., 1978.
- Пастушенко А. А. О морском разбое французов в Вест-Индии (1528–1559 гг.) // Древности. 2009. Вып. 8. С. 185–193.
- Свет Я. М. Пираты Антильских морей // ННИ. 1966. № 1. С. 133–144.
- Chanelain V. E. The Defenses of Spanish Florida 1565 to 1763 // Carnegie Institution of Washington. 1941. № 511.
- European Treaties Bearing on the History of the United States and Its Dependencies / Ed. by F. Davenport. Washington (D. C.), 1917. Vol. I.
- Goodman D. Spanish Naval Power, 1589–1665: Reconstruction and Defeat. Cambridge, 1997.
- Further English Voyages to Spanish America. 1583–1594 / Ed. by I. A. Wright. L., 1951.
- Haring C. Trade and Navigation between Spain and the Indies. L., 1918.
- Hoffman P. E. The Spanish Crown and the Defense of the Caribbean, 1535–1585. Baton Rouge, 1980.
- Lynch J. Spain under the Habsburgs. Vol. I. Empire and Absolutism, 1516–1598. N. Y., 1984.
- McAlister L. N. Spain and Portugal in the New World, 1492–1700. Minneapolis, 1987.
- McDermott J. England and the Spanish Armada. The Necessary Quarrel. L., 2005.
- Williamson J. A. The Age of Drake. L., 1938.
- Lynch J. Spain under the Habsburgs. Vol. I. 1516–1598. N. Y., 1984.
- Schurz W. L. El Galeon de Manila. Madrid, 1992.

Михеев Дмитрий Владимирович, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения, кандидат исторических наук (Псковский государственный университет; Псков, Россия); эл. почта: tankred85@mail.ru

The Development of Spanish Defensive System in the New World on the Eve of the Anglo-Spanish War

The article discusses the development of defensive system of the Spanish colonies in the New World. Considered actions of the Spanish authorities to improve the defense capabilities of the colonies, and improving the quality of the protection of the Atlantic and Pacific communications connecting colonial possessions of King Philip II with the metropole. Activities such as the construction of fortresses to protect the colonial centers, placement of additional troops and have not realized the full plans for the establishment in the colonial waters of permanent fleet undertaken only as a responding to the emergence of threats by French and English pirates and privateers. The Spanish authorities rarely take preventive measures against threats to the defense of the colonies. The most successful decision of the Spanish authorities in improving defense capabilities was the establishment since the middle of 16th century of permanent convoy system. Thanks to the Silver fleet Spanish monarchy with a high degree of certainty could hope that the treasures of the New World safely be delivered to Spain.

The author concludes that the defense of the Spanish colonies due to their vast space and lack of financing has been inadequate on the eve of full-scale conflict broke out between England and Spain in 1585.

Key words: New World, Spanish colonies, defensive system, the system of convoys, Spanish treasure fleet.

Dmitry Mikhееv, Associate Professor of the Department of World History and Area Studies, Candidate of Historical Sciences (Pskov State University; Pskov, Russia); e-mail: tankred85@mail.ru

References

- Keymen G. Ispaniya: doroga k imperii. M., 2007.
- Kopelev D. N. Piratstvo v XVI–XVIII vekakh: Na ostrie mirovoy politiki. SPb., 2013.
- Kopelev D. N. Pushki v okeane: morskaya gonka vooruzheniy i ispanskaya kolonial'naya imperiya XVI–XVII stoletiy // Dialog so vremenem. 2009. № 29. S. 216–235.
- Kopelev D. N. Razdel Okeana v XVI–XVIII vekakh: istoki i evolyutsiya piratstva. SPb., 2013.
- Mozheyko I. V. Piraty, korsary, reyderiy. M., 2007.
- Ocherki istorii Kuby. M., 1978.

- Pastushenko A. A. O morskome razboe frantsuzov v Vest-Indii (1528–1559 gg.) // *Drevnosti*. 2009. Vyp. 8. S. 185–193.
- Svet Y. M. Piraty Antilskih morey // *NNI*. 1966. № 1. S. 133–144.
- Chanelain V. E. The Defenses of Spanish Florida 1565 to 1763 // *Carnegie Institution of Washington*. 1941. № 511.
- European Treaties Bearing on the History of the United States and Its Dependencies* / Ed. by F. Davenport. Washington (D. C.), 1917. Vol. I.
- Goodman D. *Spanish Naval Power, 1589–1665: Reconstruction and Defeat*. Cambridge, 1997.
- Further English Voyages to Spanish America. 1583–1594* / Ed. by I. A. Wright. L., 1951.
- Haring C. *Trade and Navigation between Spain and the Indies*. L., 1918.
- Hoffman R. E. *The Spanish Crown and the Defense of the Caribbean, 1535–1585*. Baton Rouge, 1980.
- Lynch J. *Spain under the Habsburgs. Vol. I. Empire and Absolutism, 1516–1598*. N. Y., 1984.
- McAlister L. N. *Spain and Portugal in the New World, 1492–1700*. Minneapolis, 1987.
- McDermott J. *England and the Spanish Armada. The Necessary Quarrel*. L., 2005.
- Williamson J. A. *The Age of Drake*. L., 1938.
- Lynch J. *Spain under the Habsburgs. Vol. I. 1516–1598*. N. Y., 1984.
- Schurz W. L. *El Galeon de Manila*. Madrid, 1992.

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(519)

Чой Доккю

ИМПЕРАТОР КОДЖОН И ПЛАН ПО СОЗДАНИЮ КОРЕЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ИЗГНАНИИ В ПРИМОРЬЕ¹

Статья посвящена деятельности российской секретной службы в Шанхае по обеспечению контактов императора Коджона с российскими правящими кругами в целях развития международной антияпонской деятельности корейских иммигрантских обществ и консолидации борцов Армии справедливости (Ыйбён) в Приморье. Анализируется позиция российского правительства по вопросу об использовании их для обороны российского Дальнего Востока.

Ключевые слова: русско-японская война, разведывательные службы, секретная дипломатия, «Шанхайская агентура», император Коджон, Приморье, корейские иммигрантские общества, Армия справедливости (Ыйбён), аннексия Кореи.

1907–1910 гг. стали особенно напряжёнными и трагическими в истории Кореи, превращённой в конце этого периода из протектората Японии в её колонию. Борьбу против японского аннексионизма развернула партизанская Армия справедливости (Ыйбён), единый подпольный штаб провинциальных отрядов которой был создан в ответ на роспуск японцами национальной корейской армии. Само это название отражало давнюю, ещё средневековую традицию борьбы народных ополчений с внешними захватчиками, прежде всего — с теми же японцами в конце XVI в. Неслучайно одним из идеологов и наиболее авторитетных руководителей Армии справедливо-

¹ В основу статьи положен материал выступления автора на Международной научной конференции «Проблемы права и справедливости в миротворческом дискурсе и дипломатической практике: Восход — Запад» (Санкт-Петербург, 19–20 октября 2015 г.).

сти стал известный конфуцианский учёный Лю Инсок. С другой стороны, отразило оно и чаяния массы корейцев, возмущённых новым попранием справедливости Японией в 1905 г., когда она, победив в русско-японской войне, установила свой протекторат над Кореей. Правящие круги России, стремясь не допустить дальнейшего усиления Японии на Дальнем Востоке, в определённой мере поддерживали корейское освободительное движение. Именно в русском Приморье собирались и концентрировались силы повстанцев. В 1908 г. во Владивосток эмигрировал и Лю Инсок.

Армия справедливости пользовалась полной поддержкой притесняемого японцами императора Коджона, изначально стремившегося к укреплению независимости и обороноспособности Кореи. После провозглашения страны империей в 1898 г. он в результате реформ *кванму* лично возглавил корейские армию и флот. Теперь, под японским протекторатом, план Коджона заключался в создании правительства в изгнании во Владивостоке и развёртывании войны против японских захватчиков с базы в Приморье. Этот план опирался на недавний исторический опыт 1896 г. Тогда в результате поддержки Россией короля Коджона, скрывшегося от преследования в русской миссии в Сеуле, рухнули планы японского вторжения в Корею.

Для того чтобы подготовить свой отъезд во Владивосток, Коджон направил туда Ли Сансоля, своего бывшего посланца на Гаагской мирной конференции 1907 г. Курьер императора прибыл в Россию в июле 1909 г. До этого он в течение двух лет занимался сплочением зарубежных корейских патриотических организаций в Соединённых Штатах. В результате миссии Ли Сансоля был установлен контакт с российскими властями, намечена правовая база антияпонской войны за независимость с опорой на русское Приморье, заложена основа для создания правительства в изгнании.

28 июля 1910 г. Лю Инсок и Ли Сансоль подписали совместное обращение. В нём отмечалось, что «в результате консолидации подразделений Армии справедливости и встреч с чиновниками русской администрации во Владивостоке появились надежда в нашем деле и шанс постепенно добиться осуществления нашего плана»². Авторы воззвания давали по-

² *Yoon Byeong-seok. A Life of Lee Sang-seol (李相高傳)*. Seoul, 1998. P. 129–130.

нять, что план создания правительства в изгнании не является исключительно планом императора Коджона и зарубежных корейских патриотов. Действительно, с мая 1910 г. высокопоставленные деятели России, начиная с премьер-министра П. А. Столыпина, внимательно изучали вопрос о расширении законной антияпонской борьбы корейцев в Приморье.

Хотя план императора Коджона по созданию правительства в изгнании так и остался нереализованным, он, тем не менее, по позднему мнению Ли Сансоля, нашёл своё воплощение в образованном уже в 1914 г. во Владивостоке правительстве Армии освобождения Корейской империи (大韓光復軍政府). Это, в свою очередь, подготовило почву для создания в дальнейшем, в 1919 г., Шанхайского Временного правительства (上海临时政府). Именно в силу такой преемственности исследования данных событий имеют важное значение.

План императора Коджона по созданию правительства в изгнании формировался с начала 1909 г. Он стал плодом ясного осознания императором стремительных перемен в международной ситуации, в первую очередь — начавшегося ухудшения отношений между Японией и США. Своего пика оно достигло с избранием президентом У. Г. Тафта.

8 февраля 1909 г. Теодор Рузвельт писал Ф. Ч. Ноксу, представленному в качестве госсекретаря будущей администрации Тафта, что «самая большая угроза для безопасности США исходит не от Германии, а от Японии». Письмо, озаглавленное «Угроза Японии», оказало впоследствии большое влияние не только на выработку внешнеполитической доктрины США, но и на движение за независимость Кореи. Автор письма советовал тщательно готовиться к возможной войне с Японией. Рузвельт писал: «Япония является очень милитаристской, опасной страной. Её граждане не только обладают особыми боевыми способностями, но и агрессивны, и потому, если разразится война, она станет грандиозной катастрофой. ...Мы не должны допустить создания условий, способствующих возникновению войны, мы должны либо настоятельно вооружать наш флот, чтобы предотвратить войну, либо, если даже разразится война, мы должны быть в состоянии выиграть её»³. После этого правительство Тафта предложило в противо-

³ Letter of Theodore Roosevelt to Philander Knox, February 8, 1909 // The Letters of Theodore Roosevelt. Vol. VI: The Big Stick (1907-1909).

вес политике Японии на Корейском полуострове и в Маньчжурии усилить американскую экономическую политику. Одним из катализаторов послужила здесь активизация зарубежного антияпонского движения корейцев за независимость.

1 февраля 1909 г. три общественных объединения — *Коннипхёнхве* (共立协会; основано в апреле 1905 г.), имеющее штаб-квартиру в Сан-Франциско, корейская ассоциация иммигрантов на Гавайях *Ханин иминчжа хёнхве* (合成协会) и *Хансонхёнхве* — объединились и создали *Кунминхве* (国民会) (Корейское народное общество) во главе с Ли Сансом. Таким образом, патриоты приложили усилия к тому, чтобы оперативно отреагировать на изменения в международной обстановке. В американский период своей деятельности Ли Сансоль руководил открывшейся в Денвере (штат Колорадо) организацией *Эук Тонджи тёнхёнхве* (Общество товарищей патриотов), проводил работу по консолидации не только американской корейской общины, но и всех зарубежных объединений корейцев в единую организацию. Он стремился максимально расширить движение за независимость и считал, что необходимо воспользоваться сложившейся международной обстановкой и американо-японским конфликтом как редкой возможностью для этого.

Помощники императора Коджона в 1910 г., в начале военного кризиса в американо-японских отношениях, также писали, что «в случае начала войны между США и Японией Корея может снова стать свободной»⁴. В самой подготовке императора Коджона в июне 1910 г. к отъезду во Владивосток отразилось то же намерение использовать борьбу за влияние между державами. Именно поэтому Ли Сансоль в сопровождении Чон Джеквана, избранного после формирования союза *Кунминхве* его координатором, покинул США, чтобы отправиться на Дальний Восток. Это было сделано согласно совместной резолюции Североамериканской региональной генеральной ассамблеи и Гавайского регионального общества корейских патриотов. Прибыв в Приморье, Ли Сансоль с Чон Джекваном и эмиссары императора Коджона смогли объединить свои усилия.

В этих условиях для корейских патриотов очень важным

Cambridge (Mass.), 1952. P. 1510–1514.

⁴ История Кореи: С древнейших времён до наших дней. М., 1974. Т. 1. С. 417.

оказывался вопрос о мерах, которые способны были бы предотвратить соглашение между Россией и Японией по поводу аннексии Кореи. С дипломатической точки зрения такой мерой могла стать отправка личного воззвания корейского императора к российскому с просьбой не подписывать второе русско-японское соглашение 1910 г. В военном же отношении могла сыграть свою роль помощь корейской Армии справедливости русской армии. С этим было связано, в частности, возможное построение направленной против Японии сети военной контрразведки, которая послужила бы на пользу укреплению обороноспособности Приморья и всего российского Дальнего Востока. И за этим планом тоже стоял император Коджон.

План императора Коджона найти убежище в России не случайно стал в подробностях известен российским властям. Упомянем в связи с этим доклад Л. В. фон Гойера, агента российского Министерства финансов в Шанхае, руководившего там разведывательной службой («Шанхайской агентурой»)⁵. В середине июня 1910 г. капитан распущенной японцами корейской армии Хен Сангон, сопровождавший посланного Коджоном полковника Ли Гапа, при личном посещении в Шанхае уведомил Гоейера об этом плане императора. 22 июня 1910 г., через неделю после встречи с Ли Гапом и Хен Сангоном, Гойер направил российскому послу в Японии Н. А. Малевскому-Малевичу отчет о дипломатической деятельности императора Коджона, его планах найти убежище в России и планах военного союза между русской армией на Дальнем Востоке и Армией справедливости Кореи, вплоть до планирования совместных операций. Это «Донесение агента Министерства финансов в Шанхае Гойера послу в Токио от 9 июня 1910 года» является источником большой научной ценности. В нём сообщается о двух особых заданиях, данных Коджоном Ли Гапу. Одно из них заключалось в доставке для вручения Николаю II рукописных посланий с личной печатью императора. Другое задание относилось к корейцам русского Дальнего Востока, регулярно наблюдавшим за передвижениями японцев в северных районах Корейского полуострова, и касалось оказания помощи русской армии и пограничной страже. В личных

⁵ См.: *Pavlov D. B. The Russian 'Shanghai Service' in Korea, 1904–05 // Eurasian Review. 2011. Vol. 4 (November 2011). P. 1–10.*

посланиях императора Коджона содержится просьба к царю не заключать второго русско-японского соглашения о разделе Монголии и Кореи на сферы влияния⁶.

К тому времени эмиссар Коджона полковник Ли Гап уже активно сотрудничал с русскими военными властями в Приморье. Он организовал для наблюдения за действиями японцев в северной части Корейского полуострова сеть информаторов и, проживая во Владивостоке, получал непосредственные указания от императора Коджона. Ввиду этой деятельности по инициативе российского военного руководства правительство с середины 1910 г. начинает всерьез обсуждать планы активного использования корейских эмигрантов в Приморье в целях обороны Дальнего Востока.

В письме военного министра В. А. Сухомлинова премьеру П. А. Столыпину от 24 мая 1910 г. изложена аргументация в поддержку этих планов. По мнению Сухомлинова, чтобы подготовиться к отражению возможной новой японской экспансии на материке, необходимо было принять все возможные меры. Наиболее реалистичными среди них представлялись те, которые были связаны с использованием текущей ситуации в Корее. В мирное время предполагалось отвлечение сил и ресурсов Японии на борьбу с Армией справедливости, использование информации корейцев-разведчиков о японской военной стратегии в Корее и о разведывательной деятельности японцев на территории России. Кроме того, в военное время стратегическое значение придавалось организации массовых восстаний в тылу японской армии на территории самой Кореи. В случае пренебрежения этими вопросами, по мнению военного министра, возможность использовать ситуацию в Корее в целях государственной обороны могла исчезнуть навсегда⁷. В письме содержался призыв остановить репрессии в отношении корейцев, обосновавшихся в Южно-Уссурийском крае, со стороны местных властей, указывалось на необходимость принять меры по усилению влияния России в Корее.

В докладе одного из руководителей разведки О. К. Эн-

⁶ Донесение агента Министерства финансов в Шанхае Гойера по делу в Токио от 9 июня 1910 года // *Корея глазами россиян (1895–1945)*. М., 2008. С. 219–223.

⁷ Секретное письмо В. А. Сухомлинова П. А. Столыпину, 11 мая 1910 г. // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1276. Оп. 6. Д. 514. Л. 1–2.

келя, который Сухомлинов оценил как «содержащий очень логичные выводы», проанализированы результаты контактов с корейцами в течение последних двух лет и высоко оценён их вклад в укрепление обороноспособности. Автором доклада было замечено в отношении корейцев-эмигрантов в Приморье, что «потеря политической независимости вдохновляет в них патриотизм и национальное самосознание. Убийство Ито вселяет огромные надежды на освобождение страны от Японии». Подполковник Энкель отмечал, что Соединенные Штаты уже активно используют антияпонское движение корейцев при проведении своей политики в Восточной Азии, и Россия также должна поспешить с аналогичными мерами. По утверждению Энкеля, заявление «Кунминхве, имеющего Центральный комитет общества в Сан-Франциско», о том, «что оно возьмёт на себя руководящую роль в массовом антияпонском движении и на основе средств корейских обществ в США, на Гавайях, в Китае будет выпускать газету», было жестом отчаяния с целью привлечь внимание к положению в Корее⁸.

На правительственном уровне проблема использования корейцев в целях обороны Дальнего Востока России всерьёз начала обсуждаться 21 июня 1910 г., когда председатель Совета министров П. А. Столыпин передал генерал-губернатору Приморского края П. Ф. Унтербергеру вышеуказанные предложения военного министра. Столыпин обратился к Унтербергеру, желая узнать его мнение по поводу предложения военного министра уладить вопрос с требованиями корейцев на уровне местных властей с учётом интересов обороны Приморского края. В конфиденциальном письме Унтербергеру Столыпин признавал, что среди корейских переселенцев есть очень влиятельные и лояльные к России политические эмигранты, но отмечал, что предложение военного министра утратило актуальность. Премьер указывал на то, что генерал-губернатор должен сначала обратить внимание на ряд моментов. Во-первых, России и Японии предстоит установление качественно новых взаимоотношений. Накануне подписания второго русско-японского соглашения, чтобы не повредить отношениям с Японией, нужно с осторожностью подходить к решению про-

⁸ Копия докладной записки подполковника Энкеля, полученной в Главном Управлении Генерального Штаба // РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 514. Л. 3–6.

блемы корейцев в Приморье. Вопрос о корейских эмигрантах оценивался как второстепенный в сравнении с установлением дружеских российско-японских отношений. Во-вторых, Комитет по заселению Дальнего Востока должен был рассмотреть вопрос о запрещении переселения представителей жёлтой расы на российский Дальний Восток, поскольку корейцы, если улучшить обращение с ними и гарантировать их права, могут переселиться туда в значительном количестве⁹.

Решение Комитета по заселению Дальнего Востока от 22 апреля 1910 г. о предотвращении притока представителей жёлтой расы характеризовалось как первое решение, которое ставило вопрос о необходимости выработки политики по отношению к корейским иммигрантам в качестве государственной задачи. В целом, представленные Столыпиным принципы решения проблемы корейских эмигрантов в Приморье выявили глубокие различия в понимании представителями российской государственной власти вопроса об использовании корейских эмигрантов для обороны Дальнего Востока.

Этот факт подтверждает и позиция министра иностранных дел. На последовавшую 22 июня 1910 г. просьбу военного министра высказать мнение по вопросу о необходимости использования корейских эмигрантов при обороне Дальнего Востока министр иностранных дел А. П. Извольский ответил меморандумом от 30 июня 1910 г., в котором этот план был подвергнут резкой критике. Извольский придерживался политики невмешательства в корейский вопрос, считая, что причина русско-японской войны проистекала из недопонимания между обеими державами, возникшего именно из-за Кореи. Он отметил тот факт, что полномочные представители Японии на мирных переговорах в Портсмуте категорически отказались от компромисса по корейскому вопросу. Извольский был последовательным приверженцем следующего кредо, изложенного в его секретном письме: «Если в течение пяти лет, прошедших после войны, правительства России и Японии смогут восстановить доверие, то Россия совсем не будет вмешиваться или препятствовать политике Японии в Корее»¹⁰.

⁹ Секретное письмо П. А. Столыпина П. Ф. Унтербергеру, 8 июня 1910 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 514. Л. 14-14 об.

¹⁰ Копия Секретного письма министра иностранных дел от 17 июня 1910 г. на имя военного министра // РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 514. Л. 17-18.

Министр иностранных дел полагал, что в будущем безопасность Дальнего Востока зависит от поддержания хороших отношений с Японией, и передал военному министру своё мнение, что желательно не задевать её ахиллесову пяту — «чувствительный для Японии корейский вопрос, при отсутствии наших интересов там», поскольку это «не может быть оправдано получаемыми выгодами в Корее»¹¹. Глава МИД со всей определённостью высказался против направления в Корею российских агентов с целью поддержать бунты или беспорядки, аргументируя свою позицию тем, что это «подорвёт дух соглашения с Японией и идёт вразрез с направлением политики в Восточной Азии». В итоге Извольский предоставил военному министру право «решить, какой план лучше с точки зрения национальной обороны: отдать предпочтение корейцам при поселении в Южно-Уссурийском крае или остановить приток корейцев в пределы русского Дальнего Востока»¹².

Таким образом, накануне поглощения Кореи Японией император Коджон планировал найти убежище на русском Дальнем Востоке, где уже проживали примерно 45 тыс. корейских переселенцев, и оттуда руководить антияпонским движением за независимость Кореи. Патриотические силы из числа здешнего корейского населения, включая Ли Сансоля, Ли Бомюна и других организаторов, стремясь помочь осуществлению плана императора Коджона и создать в Приморье базу для антияпонского движения за независимость Кореи, пошли на военное сотрудничество с российскими военными и помогли выстроить систему военного взаимодействия, направленную против Японии. Этот план, продвигаемый под руководством императора Коджона, получил дальнейшее развитие в российском Военном министерстве, превратившись в план долгосрочного использования корейских эмигрантов для укрепления обороны Дальнего Востока России и создания антияпонской сети контрразведки. Взамен корейские патриоты надеялись получить от российских властей санкцию на легализацию своих этнических групп, поддержку в сферах религии и образования.

¹¹ Копия Секретного письма министра иностранных дел от 17 июня 1910 г. на имя военного министра // РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 514. Л. 17 об.

¹² Копия Секретного письма министра иностранных дел от 17 июня 1910 г. на имя военного министра // РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 514. Л. 18.

Однако эти ожидания не оправдались. План использования корейцев для обороны российского Дальнего Востока был подвергнут жёсткой критике со стороны министра иностранных дел А. П. Извольского, председателя Совета Министров П. А. Столыпина, генерал-губернатора Амурской области П. Ф. Унтербергера и остался нереализованным. Одним из предлогов отказа от планов Военного министерства стал тезис о том, что они создадут трудности для предотвращения притока в Россию эмигрантов, относящихся к «жёлтой расе». В результате развёрнутое императором Коджоном дипломатическое и военное движение за сохранение независимости Кореи потерпело поражение, а Ли Сансоль, Ли Бомюн и другие его лидеры подверглись преследованиям российских властей.

Относительно общей двойственности позиции российских правящих кругов по отношению к корейцам российского Дальнего Востока, в плане «доверия — недоверия», можно заметить, что она была тесно связана с развитием политической ситуации в Восточной Азии. В случае проведения Россией активной политики в регионе доверие к корейцам возрастало, при пассивной же, напротив, углублялось недоверие к ним. Эта модель была воспроизведена и в последующей истории.

Источники

- Донесение агента Министерства финансов в Шанхае Гойера послу в Токио от 9 июня 1910 года // Корея глазами россиян (1895–1945). М., 2008. С. 219–223.
- Копия докладной записки подполковника Энкеля, полученной в Главном Управлении Генерального Штаба // РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 514.
- Копия письма Гойера г. поверенному в делах в Пекине, 8 марта 1908 г.: О Корейских политических обществах // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 391.
- Копия Секретного письма министра иностранных дел от 17-го июня 1910 г. на имя военного министра // РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 514.
- Секретное письмо П. А. Столыпина П. Ф. Унтербергеру, 8 июня 1910 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 514.
- Секретное письмо В. А. Сухомлинова П. А. Столыпину, 11 мая 1910 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 514.
- Letter of Theodore Roosevelt to Philander Knox, February 8, 1909 // The Letters of Theodore Roosevelt. Vol. VI: The Big Stick (1907–1909). Cambridge (Mass.), 1952. P. 1510–1514.

Литература

История Кореи: С древнейших времён до наших дней. Т. 1. М., 1974.

Pavlov D. B. The Russian 'Shanghai Service' in Korea, 1904–05 // *Eurasian Review*. 2011. Vol. 4 (November 2011). P. 1–10.

Yoon Byeong-seok. A Life of Lee Sang-seol (李相高傳). Seoul, 1998.

Чой Доккю, доктор философии (PhD in History), научный сотрудник (Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии; Сеул, Республика Корея); эл. почта: toki64@hanmail.net

Emperor Kojong and the Plan to Establish a Korean Government-in-exile in Primorye

In June, 1910, former Korean Army Col. Lee Gab notified Russian commercial attache Goyer in Shanghai of the fact that Emperor Kojong, general commander of voluntary troops of Korean Empire had decided to seek asylum in Primorye. This was Emperor Kojong's final hidden card, well aware of the imminent annexation of Korea by Japan, to deter Japan's such ambition. Emperor Kojong's such plan of refuge in Primorye came against the backdrop of his successful disrupting the invasion of Japan, which assassinated Empress Min in the wake of China-Japan War through the royal refuge at the Russian legation in 1896.

Emperor Kojong had a plan to seek refuge in Primorye, where some 45,000 Korean lived to lead the anti-Japan independence movement just ahead of Japan's annexation of Korea. In response, overseas patriotic Korean organizations also tried to deter the annexation through integration of relevant forces. The emperor and patriotic organizations attempted to secure stage for legitimate anti-Japan struggle in Primorye while keenly coping with the rapidly changing international situation.

The forces close to the emperor including Lee Sang-seol and Lee Bum-yun who were staying in Primorye to help Emperor Kojong's bid to seek asylum in Russia attempted to set up cooperative ties with Russian armed forces against Japan to turn the Primorye into a basis for anti-Japan independence movement. The plan pursued by Emperor Kojong later turned into a scheme by Russian army in its bid to use the Koreans for the defense of the Far East area, which was seriously discussed by government authorities including Russian Prime Minister Stolypin. Koreans at that time tried to turn Primorye into the basis for independence movement with the setup of legal national organization in return for cooperating Russia in bids to establish an espionage network, with assistance in the area of education and religion. But the plan faced a strong opposition from Russian officials including Russian Foreign Minister Izvolski, Prime Minister Stolypin and Priamur resident-general Unterberger, and ended in failure.

Key words: Russo-Japanese war, Japan's Annexation of Korea in 1910, Korean Emperor Kojong, Plan for Government in exile in Primorye, Anti-Japan Independence Movement in Russia.

Choi Deokkyu, PhD in History, Professor, Researcher (Northeast Asian History Foundation; Seoul, Republic of Korea); e-mail: toki64@hanmail.net

References

- Istoriya Korei: S drevneyshikh vremen do nashikh dnei. T. 1. M., 1974.
Pavlov D. B. The Russian 'Shanghai Service' in Korea, 1904-05 // Eurasian Review. 2011. Vol. 4 (November 2011). P. 1-10.
Yoon Byeong-seok. A Life of Lee Sang-seol (李相高傳). Seoul, 1998.

Т. Г. Хришкевич

«АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ» МЕЖДУ ФЕДЕРАЛЬНЫМИ ВЫБОРАМИ: ФЕНОМЕН ПОПУЛЯРНОСТИ МАЛОЙ ПАРТИИ

В статье представлен анализ становления новой политической партии ФРГ — «Альтернативы для Германии» (АдГ). Статья обращается к исследованию причин популярности партии и её оценкам. Особое место уделено результатам федеральных, земельных и коммунальных выборов в 2013–2016 гг. За первые три года своей деятельности АдГ приняла участие в 11 региональных выборах и с успехом прошла в ландтаги 10 земель Германии. Статья анализирует предвыборные программы АдГ 2013 и 2016 гг. и их оценку различными политическими и общественными силами страны.

Ключевые слова: «Альтернатива для Германии», АдГ, ФРГ, политические партии, правые популисты, евроскептики.

В 2015–2016 гг. Европейский Союз столкнулся с проблемами, которые хотя и были прогнозируемыми, но не в столь заметных масштабах: миграционный кризис, рост евроскептицизма и выход Великобритании из ЕС (так называемый Brexit), участвовавшие террористические атаки. Внутри каждой из стран-членов нарастает общественная и политическая усталость, результаты которой члены ЕС пожнут на грядущих парламентских и президентских выборах. Тем более что сигналы уже поступают, например, результаты президентских выборов в Австрии в мае 2016 г., в ходе которых лидер Австрийской партии свободы Норберт Хофер уступил бывшему лидеру «зелёных» Александеру Ван дер Беллену с незначительным отрывом (49,7 % против 50,3 %). Европа стремительно правееет, рост популярности евроскептиков становится всё более заметным.

На примере ФРГ явственно видны закономерности этого процесса. «Локомотив» Евросоюза всего за три года стал свидетелем взлёта популярности «Альтернативы для Германии» (АдГ), партии, созданной в апреле 2013 г. для участия в сен-

тябрьских федеральных выборах и набравшей «почти проходные» 4,7 %. Европейские проблемы стали «дрожжами», на которых новая сила выросла и окрепла. Остаётся пока без ответа вопрос: станет ли она одной из более тридцати других и такой же незначительной, как и многие «альтернативные» до неё, или же мы наблюдаем рождение новой мощной системной партии?

АдГ выросла из «Объединения для поддержки альтернативных выборов 2013», которую создали представители академической, публицистической и предпринимательской элиты Германии. Это бывший редактор газеты «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» Конрад Адам, профессор макроэкономики в Университете Гамбурга Бернд Лукке, юрист и публицист Александер Гауланд и другие сторонники реформирования взаимоотношений «Брюссель – Берлин», признающие пагубность вхождения ФРГ в зону евро. Интересно, что Б. Лукке и А. Гауланд многие годы были членами Христианско-демократического союза (ХДС).

На первом открытом заседании АдГ 14 апреля 2013 г. в Берлине были избраны три лидера: Бернд Лукке, Конрад Адам и руководительница небольшой химической кампании Фрауке Петри¹. Также появилась первая предвыборная программа², в которой АдГ обозначила свои принципы: соблюдение законности, демократическое управление, прозрачность, ответственность, здоровые финансы государства. В программе нашли отражение наиболее существенные проблемы Германии во внешней и внутренней политике: кредитно-денежная и европейская политика, верховенство закона и демократия, государственные финансы и налоги, вопросы пенсии и семьи, образование, энергетика, интеграционная политика. Важное место заняли взаимоотношения с Евросоюзом, в первую очередь в финансовой сфере («Германия не нуждается в евро»). К требованиям относились: упорядоченное урегулирование в зоне евро, реформирование ЕС с целью уменьшения бюрократии, создание прозрачности и усиление конкуренции. Эти тезисы, так или иначе, затрагивали самый осязаемый

¹ Ф. Петри в июле 2015 г. возглавила АдГ после ухода Б. Лукке, который основал новую партию «Альянс за прогресс и прорыв».

² 2013. Wahlprogramm. [Elektronische ressource]: URL: http://www.alternative-rlp.de/wp-content/uploads/2013/05/2013_Wahlprogramm.pdf / (behandlungsdatum: 01.08.2016).

для граждан Германии вопрос — финансовые расходы (ограничение уровня государственного долга стран-членов ЕС, использование средств пенсионных фондов для покрытия задолженностей из-за кризиса еврозоны, реформа Закона о возобновляемых источниках энергии и др.).

Степень согласия с новой партией выразилась в росте её численности. За три первых года она выросла почти до 21 тыс. человек³. В год создания АдГ Бернд Лукке отметил: «Приток огромен. В национальном масштабе можно совершенно ясно увидеть, что многие политически заинтересованные граждане ищут жизнеспособную альтернативу старым партиям»⁴. И действительно, если первое собрание в апреле 2013 г. посетило около 1200 человек, то за семь первых недель членство в партии выросло до 10 тыс. человек⁵, а в октябре 2015 г. партия уже насчитывала 18 тыс. 468 членов⁶. Скрупулёзный подсчёт АдГ показал среднее число запросов — по пять в день и чистый рост членов около 150 в месяц. Заметное число из них составили выходцы из ХДС (ок. 2300 человек) и из Социал-демократической партии (СДП) — более тысячи человек.

Это не удивительно, если вспомнить события 2014–2015 гг. в Германии: неконтролируемый миграционный поток, приведший к концу 2015 г. более 440 тыс. только зарегистрированных беженцев, события новогодней ночи 2016 г. в Кёльне, террористический всплеск в ФРГ, Бельгии, Франции. В стране нарастает убеждение граждан в неспособности правительства контролировать ситуацию. Новый лидер партии Фрауке Петри назвала и другие причины. По её мнению, партия набирает популярность в основном из-за того, что многие люди поняли — АдГ является единственной партией в Германии,

³ Официальная партийная газета «AfD Kompakt» в апреле 2016 г. отчиталась о количестве официальных членов в 20 тыс. 706 чел. (Mitgliederzahlen steigen rasant! [Электронный ресурс]: URL: https://www.alternativefuer.de/wp-content/uploads/sites/7/2016/04/AfD-kompakt_03-16.pdf (дата обращения: 09.08.2016)).

⁴ Deutschland: 10.000 Mitglieder in sieben Wochen. [Elektronische ressource]: URL: <https://www.alternativefuer.de/alternative-fuer-deutschland-10-000-mitglieder-sieben-wochen/> (behandlungsdatum: 09.08.2016).

⁵ Ibid.

⁶ AfD: Mitgliederzuwachs auf Rekordhöhe. [Elektronische ressource]: URL: <https://www.alternativefuer.de/afd-mitgliederzuwachs-auf-rekordhoehe> (behandlungsdatum: 09.08.2016).

которая решает насущные проблемы, тогда как канцлер не имеет на них правильных ответов. К их числу Ф. Петри отнесла, в первую очередь, финансовые расходы в рамках ЕС и помощь Греции. Характеризуя проблемное поле, лидер не стеснялась использовать популистские обороты: «АдГ представляет интересы тех, от кого уже давно отвернулись другие — маленький человек на улице, отцы и матери семейств, рабочие. Все, кого угрожает сокрушить налоговое бремя»⁷.

За первые три года партия не только увеличила численность, но успешно приняла участие в федеральных и региональных выборах. Не преодолев необходимый 5 % барьер на парламентских выборах, тем не менее, АдГ набрала свои 4,7 % голосов всего за 4 месяца. Значение этих результатов весьма наглядно в сравнении с СвДП, которая, будучи ещё 5 лет назад частью правящей коалиции, набрала 4,8 % и так же не смогла попасть в бундестаг.

За 2013–2016 гг. партия приняла участие в 11 региональных выборах и прошла в ландтаги 10 земель Германии. Первая проба сил в землях прошла одновременно с федеральными выборами в сентябре 2013 г. в Гессене. АдГ смогла набрать 4,1 % голосов, но, как и на выборах в бундестаг, посчитала это успехом, несмотря на то, что оказаться в ландтаге не удалось.

Ощутимый успех наметился в 2014 г. В результате земельных выборов в Бранденбурге, Тюрингии и Саксонии, в двух из них евроскептики преодолели 10 % барьер. На выборах в Бранденбурге АдГ набрала 12,2 % (четвёртое место после СДПГ, ХДС и Левых), получив 11 из 88 мест в ландтаге⁸. В Тюрингии итоги были скромнее — 10,6 % (четвёртое место и 8 депутатов в ландтаге из 91)⁹. Это было почти столько же, сколько у СДПГ (12,4 %). В Саксонии, где с 1990 г. традиционно лидировали христианские демократы, АдГ удалось набрать 7 %. Это так же было четвёртое место и 14 депутатов (из

⁷ AfD: Mitgliederzuwachs auf Rekordhöhe. [Elektronische ressource]: URL: <https://www.alternativefuer.de/afd-mitgliederzuwachs-auf-rekordhoehe/> (behandlungsdatum: 09.08.2016).

⁸ Die 88 Abgeordneten im Landtag. [Elektronische ressource]: URL:http://www.landtag.brandenburg.de/de/parlament/die_88_abgeordneten_im_landtag/397190 (behandlungsdatum: 15.08. 2016).

⁹ Abgeordnete der 6. Wahlperiode. [Elektronische ressource]: URL: <http://www.thueringer-landtag.de/landtag/abgeordnete-und-fraktionen/abgeordnete/index.aspx> (behandlungsdatum: 15.08. 2016).

126)¹⁰. Одновременно в 2014 г. партия приняла участие в выборах в Европарламент, завоевав 7,1 %, что дало ей возможность отправить в Брюссель семь депутатов. Но в 2015 г. свой успех «Альтернативе» повторить не удалось: в Бремене (5,5 %) и Гамбурге (6,1 %) партия хотя и преодолела необходимый барьер, но состязаться с ХДС и СДПГ не смогла.

Самый большой прорыв ждал АдГ в 2016 г. Партия, которую называли не иначе как право-популистская, смогла отобрать голоса у ХДС и СДПГ не только в восточных Саксонии-Анхальт и Мекленбурге – Передней Померании, сыграв на высоком уровне безработицы и относительно слабой экономике, но и в западных землях, где вероятной мотивацией избирателей стало огромное количество мигрантов. В предвыборной программе 2013 г. партия призывала к реорганизации закона об иммиграции по канадскому образцу, т. е. принимать только готовые к интеграции квалифицированные кадры. АдГ широко использовала во время предвыборной кампании антиисламские тезисы, т. е. эта тема довольно актуальна для западных экономически благополучных земель. Баден-Вюртемберг находится на третьем месте в ФРГ по количеству людей с так называемым миграционным фоном – 26,7 % от общего числа населения (после Бремена – 28,7 % и Гамбурга – 27,5 %) ¹¹. В Рейнланд-Пфальце их численность достигает почти 1/5 от общей численности (19,6 %). В то же время, согласно проведённым опросам, мотивом избирателей отдать голос за АдГ не всегда являлось согласие с их программой. 84 % респондентов были скорее не согласны с политикой правительства ¹². Утверждение, что популисты выигрывали от низкой явки избирателей, поскольку собирали протестные голоса, верно лишь отчасти, т. к. земельные выборы показали относительно высокую явку – от 60 до 70 %.

¹⁰ Abgeordnetensuche. [Elektronische ressource]: URL:<http://www.landtag.sachsen.de/de/abgeordnete-fraktionen/abgeordnete/index.cshtml> (behandlungsdatum: 15.08. 2016).

¹¹ Migrantenanteil in Deutschland nach Bundesländern. [Elektronische ressource]: URL: http://www.statistik-portal.de/BevoelkGebiet/Indikatoren/BV-BS_migranten.asp (behandlungsdatum: 01.08. 2016).

¹² Umfrage-zu-den-motiven-der-waehler-von-piratenpartei-und-afd. [Elektronische ressource]: RL: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/258826/umfrage/umfrage-zu-den-motiven-der-waehler-von-piratenpartei-und-afd/> (behandlungsdatum: 08.08.2016).

Наибольшее количество голосов АдГ смогла набрать в Саксонии-Анхальт — 24,2 % (25 мест в ландтаге из 86), Мекленбурге — Передней Померании — 20,8 % (18 мест из 71), в Баден-Вюртемберге — 15,1 % (23 места из 143), в Берлине — 14,1 % голосов (25 мест из 160), в Рейнланд-Пфальце — 12,6 % (14 мест из 101). Таким образом, «Альтернатива» стала второй по величине партией в ландтагах Саксонии-Анхальт и Мекленбурге-Передней Померании и третьей в остальных. На коммунальных выборах в Гессене АдГ набрала 11,9 %, так же став третьей силой после ХДС и СДПГ.

В ожидании результатов выборов ведущие политические силы в лице ХДС и СДПГ сразу заявили о невозможности будущей коалиции с АдГ. Несмотря на то, что социал-демократы понесли заметные потери (например, в Саксонии-Анхальт они набрали 10,6 % (для сравнения в 2011 г. — 21,5 %), а в Баден-Вюртемберге — 12,7 % (в 2011 г. — 23,1 %)), уступать место в правящей коалиции они не собирались. Итоги голосования и стремление не допустить «Альтернативу» к власти дабы избежать ситуации блокирования инициатив на федеральном уровне после отправки представителей в бундесрат, привели к сложным переговорам, результатом которых стали коалиции: в Саксонии-Анхальт — ХДС и СДПГ¹³ (под руководством ХДС), в Мекленбурге-Передней померании — СДПГ и ХДС (под руководством СДПГ), в Рейнланд-Пфальце — СДПГ, СвДП и «Союз-90/Зелёные»¹⁴ (под руководством СДПГ), Баден-Вюртемберге — «Союз-90/Зелёные» и ХДС¹⁵ (под руководством «зелёных»). Созданные коалиции ярко показали, что в желании ограничить АдГ политические противники способны к преодолению своих противоречий. Таким образом, несмотря на успех АдГ, трудно предположить в ближайшей перспективе её прохождение в земельные прави-

¹³ Die Landesregierung. [Elektronische ressource]: URL: <http://www.sachsen-anhalt.de/lj/politik-und-verwaltung/die-landesregierung/> (behandlungsdatum: 15.08.2016).

¹⁴ Koalitionsvertrag Sozial gerecht — wirtschaftlich stark — ökologisch verantwortlich Rheinland-Pfalz auf dem Weg ins nächste Jahrzehnt. [Elektronische ressource]: URL: https://www.rlp.de/fileadmin/rlp-stk/pdf-Dateien/Koalitionsvertrag_RLP.pdf (behandlungsdatum: 01.08. 2016).

¹⁵ Bewährtes erhalten und mutig neue Wege gehen. [Elektronische ressource]: URL: <https://www.baden-wuerttemberg.de/de/regierung/landesregierung/> (behandlungsdatum: 09.08.2016).

тельства. Результаты региональных выборов показывают, что риторика партии пока не приносит желаемых дивидендов в виде прохождения в местные органы власти ни на западе, ни на востоке Германии.

Пока вокруг «Альтернативы для Германии» не утихают споры, к 2016 г. партия создала филиалы во всех 16 землях ФРГ, собственную газету, а также молодёжное крыло «Молодая альтернатива», провела пять партийных съездов. На последнем, прошедшем с 30 апреля по 1 мая 2016 г. в Штутгарте, была принята очередная предвыборная программа¹⁶. Съезд в Штутгарте вызвал пристальное и диаметрально противоположное по взглядам внимание общественности. Скандальный образ партии подкрепили манифестации, прошедшие вокруг места заседания, а также тысяча полицейских, охранявших их съезд и задержавших во время беспорядков 400 человек.

Новая партийная программа состоит из 14 разделов на 73 страницах: «Демократия и фундаментальные ценности», «Евро и Европа», «Внутренняя безопасность и правосудие», «Внешняя политика и безопасность», «Рынок труда и социальная политика», «Семья и детство», «Культура, язык и идентичность», «Школа, высшая школа и исследования», «Иммиграция, интеграция и предоставление убежища», «Экономика, цифровой мир и защита прав потребителей», «Финансы и налоги», «Энергетическая политика», «Природа и охрана окружающей среды, сельского и лесного хозяйства», «Инфраструктура, жилищное строительство и транспорт». Наиболее принципиальные пункты программы, так же как и в программе 2013 г., касаются зоны евро и будущего Евросоюза.

С точки зрения германских евроскептиков Европейский Союз должен вернуть национальным государствам их прежние обязанности, в первую очередь в валютной сфере: «Наследие истории Европы — это демократические правовые государства и мирное сосуществование суверенных государств. Установка зоны евро может разрушить эти культурные достижения. Чтобы предотвратить это, смелый эксперимент должен быть немедленно прекращён»¹⁷. Если федеральное пра-

¹⁶ Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland. [Elektronische ressource]: URL: <https://www.alternativefuer.de/wp-content/uploads/sites/7/2016/03/Leitantrag-Grundsatzprogramm-AfD.pdf> (behandlungsdatum: 15.08.2016).

¹⁷ Volksabstimmung über den Euro / Grundsatzprogramm der Alter-

вительство не готово пойти на этот шаг, то по этому вопросу следует провести референдум.

По мнению АдГ, Евросоюз — это модель, показавшая свою несостоятельность; следовательно, её необходимо заменить. Дальнейшая трансформация в федеративное государство не может способствовать укреплению национальных государств, и новой формой может стать уже знакомая модель Европейского экономического сообщества. Не может идти речи и о дальнейшем расширении ЕС за счёт Турции, членство которой категорически отвергается. По сути, в пп. 2.1 и 2.2 программа призывает отказаться от основополагающих договоров ЕС — Маастрихтского и Лиссабонского, поставив во главу угла тезис «Европы отечеств»¹⁸: «Мы выступаем за свободу европейских народов от иностранной опеки. Мы поддерживаем структурные реформы в целях укрепления международной конкурентоспособности европейских стран, однако, решительно против передачи союзу централистских тенденций»¹⁹.

Вопросам внешней политики в программе посвящён четвёртый раздел, который также подчёркивает приоритет национальных интересов над интересами международными. Он начинается со слов: «Федеративная Республика проводит дезориентирующую политику приспособления». Германия всё больше зависит от защиты и поддержки союзников, особенно Соединённых Штатов, и, следовательно, не может адекватно представлять свои интересы. АдГ выступает за «немецкий язык внешней политики и политики безопасности», чтобы разработать и внедрить долгосрочную общую стратегию: «В центре должны находиться национальные интересы и благополучие немецкого народа». Из этих тезисов вытекают выводы о необходимости удаления из Германии всего ядерного оружия и всех иностранных войск; восстановлении всеобщей воинской повинности, отменённой в ходе реформы бундесвера в 2011 г. («квалифицированная армия является за-

native für Deutschland. [Elektronische ressource]: URL: <https://www.alternativefuer.de/wp-content/uploads/sites/7/2016/03/Leitantrag-Grundsatzprogramm-AfD.pdf> (behandlungsdatum: 15.08.2016).

¹⁸ Ein Europa der Vaterländer / Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland. [Elektronische ressource]: URL: <https://www.alternativefuer.de/wp-content/uploads/sites/7/2016/03/Leitantrag-Grundsatzprogramm-AfD.pdf> (behandlungsdatum: 15.08.2016).

¹⁹ Ibid.

логом немецкого суверенитета»); постоянного членства в Совете Безопасности ООН.

Согласно программе, членство в НАТО отвечает интересам Германии, и поэтому необходимо усиливать европейскую часть Атлантического альянса. В то же время альянс должен быть реформирован. Тезис об участии в операциях НАТО не содержит ничего противоречащего политике правительства А. Меркель: «Операции НАТО с участием германских вооружённых сил должны, в принципе, осуществляться в соответствии с мандатом ООН и только тогда, когда немецкие интересы безопасности принимаются во внимание» (п. 4.2)²⁰. Подобный взгляд АдГ на внешнюю политику объясняется во многом и тем, что многие из членов партии являются выходцами из ХДС.

Довольно много внимания в программе уделено социальной проблематике: защите материнства и детства, пенсионной и демографической политике. В частности, речь идёт о кредите на покупку дома, сумма которого уменьшается с каждым новорождённым ребенком; облегчении студентам погашения кредитов на обучение; реформировании пенсионной и налоговой систем.

Наиболее радикальными являются антиисламские и антиэмиграционные тезисы. Этой теме посвящён не только специальный раздел, но к нему обращаются пункты, касающиеся семьи, детства, демографии: «Уровень рождаемости коренного населения должен быть увеличен с помощью эффективной помощи семье». АдГ видит угрозу национально-культурной структуре населения не только в увеличении миграции, но и в том, что касается образовательного уровня прибывших («ниже среднего уровня»), а также в высоком уровне рождаемости среди мигрантов. Опасными называются уже сложившиеся «параллельные общества» в немецких городах. Центральным элементом идентичности программа называет немецкий язык.

В своей программе АдГ подчёркивает стремление к сохранению немецкой культуры, которая питается из трёх ис-

²⁰ NATO als Verteidigungsbündnis / Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland. [Elektronische ressource]: URL: <https://www.alternativefuer.de/wp-content/uploads/sites/7/2016/03/Leitantrag-Grundsatzprogramm-AfD.pdf> (behandlungsdatum: 15.08.2016).

точников: религиозной традиции христианства, научной и гуманистической традиции, восходящей к эпохам Возрождения и Просвещения, и римского права. Европейские ценности и правовая система не могут быть совместимы с законами шариата. Идеологию мультикультурализма АдГ называет угрозой для социального мира и выживания нации как культурной общности. Ислам называется религией, не принадлежащей Германии, поэтому необходимо запретить минареты, муэдзинов, ношение никабов, предоставление корпоративного статуса исламским организациям и облегчить высылку тех, кто обвиняется в совершении преступлений. Отказ в корпоративном статусе понятен, если вспомнить, что в Германии организации имеют определённые привилегии и, кроме того, уже есть прецеденты осуждения антиисламских организаций. Например, в Баварии были названы экстремистскими движение «Свобода» (“Die Freiheit”) и блог «Неполиткорректный» (“Politically Incorrect”²¹).

Подобные лозунги закрепили за партией образ ярко выраженной антиисламской партии. Критики АдГ из многочисленных принципов выделяют преимущественно те, которые очевидно являются трансляторами идеи исламофобии. Действительно, в своём стремлении обратиться к патриотическим национальным чувствам немцев партия делает ставку скорее на несозидательный патриотизм.

В то же время программа призывает к решению и других назревших проблем. Много внимания уделено вопросам конституционного устройства, экологии, энергетики, финансам и внутренней безопасности. В частности, предлагается, по сути, конституционная реформа, которая затронет федеральные и земельные органы власти. Реорганизации должны подлежать бундестаг и ландтаги, с сокращением числа их членов; пересмотру — система выборов и финансирование политических партий; ограничению двумя сроками — пребывание канцлера на посту. В ряде вопросов за образец предлагается взять швейцарский вариант (например, внедрение модели референдумов).

Экологическую тематику в программе вряд ли можно назвать соответствующей общемировому «мейнстриму». АдГ

²¹ См.: Politically Incorrect. [Elektronische ressource]: URL: [http://www.pi-news.net \(behandlungsdatum: 01.11.2016\)](http://www.pi-news.net (behandlungsdatum: 01.11.2016)).

в целом признаёт необходимость защиты окружающей среды, но в то же время не считает вредными выбросы углекислого газа. Финансовые затраты на защиту от выбросов CO₂ не должны быть, по их мнению, бременем для государства. Ставка на альтернативную энергию так же видится неверной и затратной: в 27 млрд евро обходится потребителям субсидирование альтернативной энергии, которая даёт только 15 % от своей номинальной мощности и поставляет лишь ок. 11 % электроэнергии, потребляемой в Германии. Партия предлагает вернуться к использованию атомной энергии и разработкам в этой области. Авторы программы полагают возможным разрешить продление срока службы некоторых атомных электростанций на временной основе. Финансовые и хозяйственные темы рассматриваются с неолиберальных позиций: сокращение вмешательства в экономику, государственного контроля и субсидий предприятиям, стимулирование конкуренции. Необходимо радикально упростить налоговое законодательство, отменив налоги на бизнес и наследство.

Таким образом, программу в целом сложно назвать радикальной, за исключением уже названных пунктов. В части вопросов она ближе к лозунгам ХДС, с той разницей, что ориентируется на более широкую группу электората и делает ставку на более скандальные и дискуссионные темы. Существенным недостатком являются её подчёркнутый национализм и традиционализм. Программа эклектично собрала как консервативные, так и либерально-экономические принципы с налётом популизма, не давая взвешенных решений. Так же как и в первых предвыборных требованиях, финансовые вопросы стали центральными применительно ко многим внутри- и внешнеполитическим аспектам.

Принятая программа сразу же вызвала острую критику со стороны как мусульманской общины, так и Центрального совета евреев. Партия была награждена эпитетами «сумбурная, правомаргинальная, демагогическая, выходящая за рамки конституционного поля». Подобное негативное освещение в средствах массовой информации стабильно держится на протяжении всех трёх первых лет деятельности партии. Дополняют негативный образ, созданный СМИ, исследования политических противников. В 2013 г. феномен малой, но довольно успешной партии стал предметом анализа Фонда

им. Генриха Белля. Фонд провёл собственное исследование, опубликованное с названием «Альтернатива для Германии – новая правопопулистская партия?». Выводы, предложенные читателю, рисовали образ, угрожающий гражданам ФРГ подрывом основ демократического устройства²². Результатом становится общественное мнение, которое, не вникая в инициативы АдГ, настроено на заведомо отрицательную оценку и скандальный образ «правых популистов». И всё же, на наш взгляд, следует согласиться с мнением о том, что ошибочно воспринимать АдГ как партию одной темы²³.

Необходимо отметить, что партия действительно подаёт для этого поводы и способствует снижению собственного рейтинга. Так называемый «антисемитский скандал», который разгорелся в Баден-Вюртемберге из-за необдуманных высказываний депутата ландтага Вольфганга Гедеона, привёл к призывам вмешаться Федеральному ведомству по охране конституции и внутреннему расколу в рядах партии. Снижает возможности партии войти в ряды уважаемой политики и их деятельность. Не имея практической возможности воздействовать на процесс принятия государственных политических и экономических решений, партия ограничивается отдельными акциями весьма спорного содержания. Так, 23 мая 2016 г. «Альтернатива для Германии» прервала встречу с Центральным советом мусульман в Германии, по инициативе которого состоялась встреча сторон. Ф. Петри не смогла дать внятного ответа, почему беседа не была доведена до конца, а Центральный совет мусульман в ответ заявил, что «впервые со времён нацистов» в Германии появилась политическая сила, которая добивается дискриминации части общества по религиозному признаку. СМИ в свою очередь, в очередной раз ухватились за возможность раздуть вокруг АдГ скандал.

За год до очередных федеральных выборов сильными сторонами партии можно считать не её деятельность или программу, а, скорее, слабость и неэффективную политику немецкого правительства, общественный настрой в отношении просчётов и ошибок правящей коалиции, в первую очередь

²² Камкин А. К. «Альтернатива для Германии» как новый элемент партийного ландшафта // Современная Европа. 2015. № 2 (62). С. 120.

²³ Тимошенкова Е. П. Партийно-политическая система ФРГ после выборов в бундестаг: основные тенденции развития (2014–2015 гг.) // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 5 (44). С. 111.

— по вопросу неконтролируемой миграции и участившихся террористических актов. На фоне признаний немецкой полиции о неспособности учесть всех прибывших число сочувствующих АдГ будет только расти. Хорошо иллюстрирует эту ситуацию заявление председателя профсоюза германской полиции (GdP) Райнера Вендта. По его словам, полиции удаётся регистрировать на границах всего лишь около 10 % прибывающих в страну беженцев, и полиция «уже давно потеряла контроль на границах»²⁴.

В некотором смысле, усиливает позиции АдГ наличие потенциальных союзников на европейской политической арене. Не только на уровне ЕС — в Европарламенте, но и, например, в соседних странах — Австрии, Бельгии, Венгрии, Нидерландах, Великобритании, Франции. Это родство читается в критическом настрое в отношении Брюсселя, национальной и общеевропейской миграционной политики, скептическом взгляде на роль ислама в Европе. Например, Австрийская партия свободы важна как союзническая сила в силу своего уверенного статуса в Национальном совете Федерального собрания.

В целом, «Альтернатива для Германии» в первые годы своей политической деятельности переживает процессы, характерные для любой новой силы, пытающейся найти своё место в условиях давно сформировавшейся многопартийной традиции. Повышенное внимание и критика понятны не только в силу специфики установок АдГ, но и с точки зрения опасений смены баланса сил в устоявшемся status quo. Боязнь правого крена объяснима, на наш взгляд, как постоянными оглядками на историческое прошлое, столь живое в памяти немцев, так и «живучестью» такой партии, как НДПГ, запретить которую не удаётся уже многие десятилетия, несмотря на весь её радикализм.

Разочарование в традиционной политике всегда питало дрожжи новых альтернативных сил. В сегодняшней Германии это разочарование усиливает влияние ЕС, отсутствие эффективных решений по миграционному вопросу, удары по тра-

²⁴ Chef der Polizeigewerkschaft: «Polizisten an der Grenze fühlen sich auf den Arm genommen». [Elektronische ressource]: URL: http://www.huffingtonpost.de/2016/01/24/rainer-wendt-grenze-kontr_n_9063884.html?utm_hp_ref=germany (behandlungsdatum: 08.03.2016).

диционным христианским ценностям семьи и брака. В силу этих причин АдГ может рассчитывать на долгую жизнь. Отсюда — страхи ХДС и СДПГ, которых партия уже начала понемногу теснить в федеральных землях. Как следствие, мы наблюдаем массивную дискредитацию партии в общественном мнении, обвинения в неонацизме и экстремизме.

На грядущих федеральных выборах 2017 г. партия имеет довольно высокие шансы попасть в бундестаг. Это возможно не только в том случае, если правительство А. Меркель не справится с ситуацией, в корне переломив текущий миграционный кризис, но и если «Альтернатива» сможет преодолеть внутренние конфликты и найдёт оптимальный тон в отношениях с электоратом. Популизм не сможет питать её до бесконечности. Рано или поздно, но, чтобы выйти в разряд уважаемых партий, ей придётся принять решение, от каких идей или людей стоит отказаться. Внутренние кризисы, выход из партии ряда бывших создателей хорошо показывают постепенный процесс трансформации. Ведь именно несогласие с усилением правого популизма привело к уходу основателя партии Б. Лукке. За год до выборов АдГ показывает уверенные темпы роста численности своих рядов и сторонников своих взглядов.

Источники

2013. Wahlprogramm. [Elektronische ressource]: URL: http://www.alternative-rlp.de/wp-content/uploads/2013/05/2013_Wahlprogramm.pdf / (behandlungsdatum: 01.08.2016).
- Abgeordnete der 6. Wahlperiode. [Elektronische ressource]: URL: <http://www.thueringer-landtag.de/landtag/abgeordnete-und-fraktionen/abgeordnete/index.aspx> (behandlungsdatum: 15.08.2016).
- Abgeordnetensuche. [Elektronische ressource]: URL: <http://www.landtag.sachsen.de/de/abgeordnete-fraktionen/abgeordnete/index.cshtml> (behandlungsdatum: 15.08.2016).
- AfD: Mitgliederzuwachs auf Rekordhöhe. [Elektronische ressource]: URL: <https://www.alternativefuer.de/afd-mitgliederzuwachs-auf-rekordhoehe/> (behandlungsdatum: 09.08.2016).
- Bewährtes erhalten und mutig neue Wege gehen. [Elektronische ressource]: URL: <https://www.baden-wuerttemberg.de/de/regierung/landesregierung/> (behandlungsdatum: 09.08.2016).

- Chef der Polizeigewerkschaft: "Polizisten an der Grenze fühlen sich auf den Arm genommen". [Elektronische ressource]: URL: http://www.huffingtonpost.de/2016/01/24/rainerwendt-grenze-kontr_n_9063884.html?utm_hp_ref=germany (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland. [Elektronische ressource]: URL: <https://www.alternativefuer.de/wp-content/uploads/sites/7/2016/03/Leitantrag-Grundsatzprogramm-AfD.pdf> (behandlungsdatum: 15.08.2016).
- Die 88 Abgeordneten im Landtag. [Elektronische ressource]: URL: http://www.landtag.brandenburg.de/de/parlament/die_88_abgeordneten_im_landtag/397190 (behandlungsdatum: 15.08.2016).
- Der grün-schwarze Koalitionsvertrag. [Elektronische ressource]: URL: <https://www.baden-wuerttemberg.de/de/regierung/landesregierung/koalitionsvertrag/> (behandlungsdatum: 15.08.2016).
- Die Landesregierung. [Elektronische ressource]: URL: <http://www.sachsen-anhalt.de/lj/politik-und-verwaltung/die-landesregierung/> (behandlungsdatum: 15.08.2016).
- Die rheinland-pfälzische Landesregierung. [Elektronische ressource]: URL: <https://www.rlp.de/de/landesregierung/> (behandlungsdatum: 15.08.2016).
- Deutschland: 10.000 Mitglieder in sieben Wochen. [Elektronische ressource]: URL: <https://www.alternativefuer.de/alternative-fuer-deutschland-10-000-mitglieder-sieben-wochen/> (behandlungsdatum: 09.08.2016).
- Koalitionsvertrag Sozial gerecht – wirtschaftlich stark – ökologisch verantwortlich Rheinland-Pfalz auf dem Weg ins nächste Jahrzehnt. [Elektronische ressource]: URL: https://www.rlp.de/fileadmin/rlp-stk/pdf-Dateien/Koalitionsvertrag_RLP.pdf (behandlungsdatum: 01.08.2016).
- Migrantenanteil in Deutschland nach Bundesländern. [Elektronische ressource]: URL: http://www.statistik-portal.de/BevoelkGebiet/Indikatoren/BV-BS_migranten.asp (behandlungsdatum: 01.08.2016).
- Mitgliederzahlen steigen rasant! [Elektronische ressource]: URL: https://www.alternativefuer.de/wp-content/uploads/sites/7/2016/04/AfD-kompakt_03-16.pdf (behandlungsdatum: 09.08.2016).

Politically Incorrect. [Elektronische ressource]: URL: <http://www.pi-news.net> (behandlungsdatum: 01.11.2016).

Umfrage-zu-den-motiven-der-waehler-von-piratenpartei-und-afd. [Elektronische ressource]: URL: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/258826/umfrage/umfrage-zu-den-motiven-der-waehler-von-piratenpartei-und-afd> (behandlungsdatum: 08.08.2016).

Литература

Камкин А. К. «Альтернатива для Германии» как новый элемент партийного ландшафта // Современная Европа. 2015. № 2 (62). С. 118–122.

Тимошенко Е. П. Партийно-политическая система ФРГ после выборов в бундестаг: основные тенденции развития (2014–2015 гг.) // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 5 (44). С. 108–117.

Struktur unserer Mitgliedschaft. [Elektronische ressource]: URL: https://www.alternativefuer.de/wp-content/uploads/sites/7/2016/04/AfD-kompakt_03-16.pdf (behandlungsdatum: 08.08.2016).

Хришкевич Татьяна Георгиевна, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения, кандидат исторических наук, доцент (Псковский государственный университет; Псков, Россия); эл. почта: faschoda@mail.ru

“Alternative for Germany” between the Federal Elections: The Phenomenon of Minor Party’s Popularity

The article presents an analysis of the formation of a new political party of Germany – Alternatives for Germany (AfG). The article refers to a study of the reasons for the popularity of the party and its estimates. Particular attention is paid to the results of the federal, state and municipal elections in 2013–2016: The first three years of the activity of AfG participated in eleven regional elections and was a success in the Diet of ten German states.

The article analyzes the electoral programs of AfG, which were presented in 2013 and 2016, as well as evaluations of AfG activities by various political and social forces of Germany. AfG program focuses on key issues of Germany and the European Union, such as the euro area, internal security, the labor market, immigration and integration, energy policy and the environment.

Key words: “Alternative for Germany”, AfG, Germany, political parties, the right-wing populists, eurosceptics.

Tatiana Khrishkevich, Associate Professor of the Department of World History and Area Studies, Candidate of Historical Sciences, Docent (Pskov State University, Pskov, Russia); e-mail: faschoda@mail.ru

References

- Kamkin A. K. "Al'ternativa dlya Germanii" kak novyy element partiynogo landshafta // Sovremennaya Evropa. 2015. № 2 (62). S. 118–122.*
- Timoshenkova E. P. Partiyno-politicheskaya sistema FRG posle vyborov v bundestag: osnovnye tendentsii razvitiya (2014–2015 gg.) // Vestnik MGIMO Universiteta. 2015. № 5 (44). S. 108–117.*
- Sovremennaya Germaniya: ekonomika i politika / Pod red. V. B. Belova. M., 2015.*
- Struktur unserer Mitgliedsschaft. [Elektronische ressource]: URL: https://www.alternativefuer.de/wp-content/uploads/sites/7/2016/04AfD-kompakt_03-16.pdf (behandlungsdatum: 08.08.2016).*

РОССИЯ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(470)“16/18”

К. Б. Жучков

ФРАНЦУЗСКАЯ ВОЕННАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ НАКАНУНЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.

Изменения, происходившие в военном деле в странах Западной Европы во второй половине XVIII в., особенно во время революционных и наполеоновских войн, вызвали к жизни огромное количество специальной литературы, в которой обсуждались проблемы способов ведения вооружённой борьбы. Русские читатели активно приобретали эту литературу, благодаря чему в дворянских библиотеках отложился большой пласт иностранных, прежде всего французских, изданий по военному делу. В перипетиях революционных преобразований в России, когда дворянские библиотеки оказались реквизированными и перемещёнными в советские учреждения, часть иностранных военных книг сформировалась в отдельную коллекцию и оказалась в составе фондов Пушкинского Заповедника «Михайловское». На экземплярах, находящихся теперь в фондах музея-заповедника, сохранились сотни владельческих записей, свидетельствующих о внимательном чтении русскими читателями иностранных военных книг. Изучение этих записей показывает не только интерес русских офицеров к изменениям, но и свидетельствует о попытках использовать новшества в собственной военной практике.

Ключевые слова: Военно-исторический музей, Пушкинский Заповедник «Михайловское», линейная тактика XVIII в., тактика колонн, рассыпной строй, дворянские библиотеки, европейские военные книги.

Тема влияния французской военной мысли на русское военное искусство в XVIII — начале XIX вв. неоднократно рассматривалась в отечественной исторической литературе. На разных этапах российской историографии зависимость русского военного дела от французской теории и практики ос-

вещалась в зависимости от политических и идеологических парадигм, господствовавших в российском обществе. Одним образом этот вопрос трактовался в дворянско-охранительной и буржуазно-либеральной историографии, по-другому — в рамках советской исторической науки, иначе — в постсоветской литературе. Но общие подходы всех историков во многом были одинаковыми, и основой схожести их позиций, несмотря на различия в оценках, было умозрительное, т. е., по сути, произвольное освещение проблемы. Суть его в том, что проблема рассматривалась вне её внутреннего состояния, помимо источников, которые могли бы зафиксировать влияние или его отсутствие одной военно-исторической парадигмы на другую. Среди таких источников в первую очередь — это знания, навыки и умения самих российских военных, строевые наставления армий двух стран, свидетельства современников, зафиксированные в документах личного происхождения. Но есть ещё один, немаловажный, а в современных условиях — и, пожалуй, главный источник, по которому можно проследить пути и следы влияния французской военной теории на русскую практику. Этот источник — книги.

Речь в данном случае идёт не о книгах вообще, и даже не о военных книгах. Имеются в виду именно конкретные книги французских военных авторов, французские военные книги, которые покупались русскими офицерами, читались ими и затем оседали в их семейных, родовых, домашних и усадебных библиотеках. Читая эти книги, русские читатели оставляли на их полях, а иногда даже и на целых страницах, следы своего чтения — записи, заметки, пометки, отметки, исправления, уточнения, текстовые закладки, подчёркивания, свидетельствующие не о простом чтении, а о скрупулёзном изучении текстов, о внимательном проникновении в суть изучаемых проблем, настолько внимательном и осознанном, что русские читатели исправляют механические ошибки авторов, неточности гравёров, комментируют прочитанное, соглашались или не соглашались с тезисами автора, переделывают абзацы, страницы, а иногда и целые тома на русский лад, сопровождают текст книг своими рисунками, дословными переводами, даже вклеивают чистые страницы для записи своих рассуждений по поводу прочитанного. Фактически, это научная лаборатория, или, лучше сказать, материальные оттиски

мысленного труда, которые позволяют заглянуть в умственный процесс, в других случаях недоступный исследователю. Перед нами налицо источник, который позволяет объективно осветить субъективный процесс перемещения идей из одной головы в другую, увидеть его воочию, физически его зафиксировать. И этот источник ещё никогда не использовался для изучения обозначенной проблемы.

Когда после революции, в 1918–1920 гг., во вновь организованные советские учреждения и библиотеки стали в массовом порядке поступать реквизированные, национализированные и вывезенные в целях сохранности из ликвидированных учреждений и организаций, брошенных дворцов, городских квартир и усадеб ведомственные, общественные и частные библиотеки старого режима, за исключением особо ценных собраний (например, таких, как Синодальная библиотека), они, как правило, впоследствии расплылись в общих фондах тех библиотек и учреждений, куда поступали. В этом общем процессе частичное исключение составили военные книги и, в том числе, военные книги на иностранных языках. В 1918 г. в Москве в особняке Волковых-Юсуповых около Красных ворот, в Трёхсвятительском переулке, было организовано хранилище полковых музеев, которое в 1920 г. было преобразовано в Военно-исторический музей (ВИМ). Одновременно Московский библиотечный отдел, занимавшийся вывозом в Книжный фонд и распределением общественных и частных библиотек, изымал из их состава иностранные военные книги, которые передавал в Военно-исторический музей. В 1927 г. библиотека ВИМ, включавшая в себя иностранные военные книги из дворянских усадебных библиотек, была перевезена в здание Государственного (тогда — Российского) исторического музея (ГИМ) на Красной площади. Основная часть иностранных фондов бывшей библиотеки ВИМ разобрана не была, и в силу своей специфики (непрофильности) не попала ни в научную библиотеку ГИМ, ни в Российскую историческую библиотеку, образованную на базе бывшей библиотеки ГИМ. В 1972 и 1979 гг. эта «бесхозная» часть бывшей библиотеки Военно-исторического музея в количестве 784 томов была передана из ГИМ в Пушкинский Заповедник «Михайловское», где недавно поступила в сектор редкой книги в составе фондов музея.

Книги, поступившие в Пушкинский музей-заповедник, представляют собой новую, уникальную коллекцию, образовавшуюся в результате революционных перипетий культурного наследия в Советской России, подобной которой нет в отечественных книгохранилищах. Ещё в составе библиотеки ВИМ, а, затем и в ГИМ, из бывших усадебных книг были vybrаны все книги на русском языке, а вместе с ним и иностранные книги по военной истории. «Бесхозными» из их состава остались иностранные книги по военной теории XVIII — начала XIX вв. Получилась компактная, в тысячу томов, и, что самое главное, «проницаемая» коллекция по военной теории, где собраны практически все книги, издававшееся на французском и, частично, на немецком, языках в период, предшествовавший революционным войнам, и в эпоху наполеоновских войн. В двух-трёх книжных шкафах взору представлены уставы, ордонансы, тактические наставления, инструкции, справочники, диссертации, теоретические и практические исследования, военно-теоретические труды, учебники, карманные книжки, наборы планов и схем, тактические и историографические обзоры, дискуссионные статьи — словом, всё то, что составляет исчерпывающую фактуру умственной деятельности иностранных военных теоретиков и практиков. Исследователю, решившему изучить военно-теоретическую мысль Франции, не нужны ни каталоги, ни специализированные справочники, ни, тем более, какие-то замысловатые манёвры в дебрях Интернета для того, чтобы найти представительную военно-теоретическую работу или тактический справочник. Но, что ещё более важно для целей нашего исследования, все книги, представленные в коллекции, во время их нахождения в Книжном фонде Московского библиотечного отдела были проштампованы с указанием, откуда каждая книга была вывезена, в результате чего на каждом экземпляре коллекции есть запись о дворянской библиотеке, в которой она находилась, из чего можно сделать и вывод о том, кому принадлежал тот или иной экземпляр. В итоге мы имеем возможность проанализировать процесс изучения этих книг конкретным человеком.

Само нахождение этих военно-теоретических книг в составе русских библиотек говорит о чрезвычайно высоком интересе русских офицеров к творческому процессу на Западе, касающемуся развития военной теории и, само собой, воен-

ной практики. Несомненно, русского читателя интересовал и волновал ход западной военной мысли, тем более что речь идёт об эпохе, в которой происходила не только смена военной парадигмы (с прусской на французскую), но и коренное переустройство военного дела во всех его отраслях и сферах: в тактическом применении войск, их штатно-организационном устройстве, в способах и нормах снабжения, в медицинском устройстве, правовом обеспечении, информационном сопровождении, пенсионном обеспечении, оперативных воззрениях и военно-политических (стратегических) взглядах. В почти восьмисоттомной коллекции сегодня обнаружены сотни записей, пометок и подчёркиваний. Не считая трёх экземпляров, испещрённых сотнями записей фактически на каждой странице, в 50 книгах коллекции находятся 398 содержательных владельческих записей, а также 419 пометок и подчёркиваний.

Помимо книг из библиотек Голицыных, Брусилова, Гудовича, Мусина-Пушкина, Олсуфьева, Соллогуба, Черткова, Барятинского, Бутурлина и др., в коллекции присутствуют книги из неустановленной дворянской библиотеки. Они имеют характерный овальный перфорированный с синей каймой топографический ярлык; несколько экземпляров переплетены в цельнокожаные переплётки с вытесненным золотом суперэклибрисом, представляющим собой латинские буквы PNR в овале с короной¹. Принадлежность этой библиотеки на се-

¹ Défense D'Ancone, et des départemens Romains, Le Tronto, Le Musone et Le Metauro; par le général Mennier, aux Année VII et VIII. Ouvrage méle d'episodes sur l'état de la politique, de la morale et des arts à Raguse, et dans les villes principales de l'Italie, à cette époque. Orné de cinq gravures. Par Michel-Ange-Bernard Mangourit, Ex-commissaire des relations de la capitulation, associe libre de la Société philotechnique de Paris, et membre de la Société des Sciences phisique de Lausanne. Tome second. P.: Charles Pougens, Imprimeur-Libraire, quai Voltaire, n.º 10. An X — 1802. Инв. № библ. ПЗМ 10915. Поскольку источник статьи представляет собой необычный формат, здесь и далее все ссылки на конкретные книги, в которых присутствуют владельческие записи, сопровождаются указанием инвентарного номера библиотеки Пушкинского Заповедника «Михайловское» (ПЗМ), или, в случае нахождения книги в секторе редкой книги в составе фондов ПЗМ, шифром по Книге поступлений Основного Фонда музея — ПЗ-КП. Эти шифры обозначают местонахождение конкретных экземпляров, в которых присутствуют материалы, на которые ссылается автор. Кроме того, выходные данные книг приводятся полностью по титульным листам изданий, поскольку

годняшний день не установлена; тем не менее, ясно, что формирование её основного ядра, в состав которого вошли иностранные военные книги, произошло в конце XVIII — самом начале XIX вв., после чего, видимо, эта часть библиотеки вошла в состав более позднего дворянского собрания. Она включает в себя кавалерийское тактическое наставление А. Маттена де ла Бальме (Mattin de la Balme, 1735–1826) «Основы кавалерийской тактики»². На одной из страниц читатель исправляет ошибку издателя: в слове "alimens" он зачеркивает чернилами первые три буквы и заменяет их тремя другими, так что получается слово "èlémens", что и должно соответствовать смыслу пассажа: «Охваченные страстью вооружения, люди ничего не находили чересчур сильным. Для лучшего служения, они построили бесконечность машин; они взяли в свои кровожадные руки металлы в тысячах различных форм; были извлечены элементы наиболее пожароопасные, чтобы метать молнии по своему желанию; подземелья, крепости, корабли, животные использовались для того, чтобы разрушать, покорять или освобождать угнетённые народы»³. Кроме того, на схемах, вклеенных между страницами книги, он чернилами вписывает страницы текста, к которым эти схемы относятся⁴.

Из этой же библиотеки происходит экземпляр книги генерала Ф. Х. Сальдерна (Saldern, 1719–1785) «Основы пехотной тактики»⁵. На нескольких страницах читатель указывает часты случаи вторичных или контрафактных изданий, разных заводов и перепечаток.

² *Éléments de tactique pour la cavalerie*. Par M. Mattin de la Balme, Capitaine de Cavalerie, ancien Officier-Major de la Gendarmerie de France. A Paris, Chez Jombert, Fils aîné, Lib. rue Dauphine, Ruault, libraire, rue de la Harpe. MDCCLXXVI. Инв. № библ. ПЗМ 8996.

³ *Éléments de tactique pour la cavalerie* (p. 204). В оригинале: "Livrés à la passion des armes, les hommes n'ont rien trouvé de trop fort. Pour la mieux servir, ils ont construit une infinité de machines; les métaux ont pris, dans leur mains meurtrieres, mille formes différentes; les parties les plus fubriles des élémens ont été extraites, pour lancer la foudre à volonté; les souterraines, les forts, les vaisseaux, les animaux même ont été employés à détruire, à subjuguier ou à delivrer les nation opttimées" [выделено мной. — К. Ж.].

⁴ *Éléments de tactique pour la cavalerie*. Planches 3, 4, 5.

⁵ *Elemens de la Tactique de l'Infanterie, ou Instruction d'un Lieutenant-Général Prussien, pour les Troupes de son Inspection*. Traduit de l'Allemand. Avec plans. MDCCLXXXIII. Инв. № библ. ПЗМ 8619.

абзацы, напротив которых на полях помечает чернилами по-русски: «В русской выпущено»⁶. По всей видимости, читатель данного экземпляра имел в виду русский перевод данного сочинения и сравнивал его с оригиналом⁷. То же самое, но в более краткой форме («выпущено»), он пишет на полях напротив текста: «Взаимная привязанность и доверие его офицеров — главное преимущество, которое он выигрывает их подготовкой и профессиональным образованием. Невежество и безнаказанность ошибок — гарантированное средство, чтобы потерять это доверие. Они легко замечают, что слабость и сознание, ограниченное службой, являются их основой. Но командир, стараясь внушить им, что его намерение состоит в том, чтобы, расширяя их знания, отличать их от толпы и лишать их предубеждений, к которым подвигают солдат только ограниченные или посредственные идеи, смотрящие на их службу как на ремесло, а не как на науку; он имеет право рассчитывать на их привязанность и доверие, и он не достигнет своей цели только с неблагодарными и с теми, кто не окажет никогда чести службе, которой они посвятили себя»⁸.

Количество записей и пометок в книгах коллекции свидетельствует об интенсивной работе с ними их владельцев, которые не просто внимательно читали приобретенные ими в библиотеки книги, а по-настоящему их изучали. Это говорит о том, что русский читатель не только пристально следил за развитием военного дела в Европе, но и в большинстве случаев имел своё собственное мнение, базирующееся на его личном опыте участия в войнах. Большинство владельческих

⁶ *Elemens de la Tactique de l'Infanterie*. P. 157, 159, 160.

⁷ Русское издание: *Тактические правила или наставления воинским эволюциям*. СПб., 1794.

⁸ *Elemens de la Tactique de l'Infanterie*. P. 160. В оригинале: “L'affection réciproque & la confiance de ses Officiers est le principal avantage qu'il gagne par leur instruction & formation. La connoissance & l'impunité des fautes ne sont assurément pas les moyen pour gagner la confiance. Ils entrevoient facilement que la foiblesse & une connoissance bornée du Service en sont la bāse. Mais un Commandeur, tâchant de les conviancre que son intention est, d'étendre leurs connoissances, pour les distinguer de la foule & pour les arracher par-là au préjudgé qui n'accorde au Soldat que des idées bornées ou médiocres, regardant leur état comme un métier & non comme une Science; il a le droit de prétende à leur affection & confiance & il ne manquera son but qu'avec des ingrats & avec ceux qui ne feront jamais honneur à l'état auquel ils se sont consacrés”.

записей в коллекции представляют собой реакцию на тему о реформировании линейной тактики и введении в военный обиход колонн.

В течение всего XVIII в. на полях сражений Европы господствовала так называемая линейная тактика. Начиная с войны за Испанское наследство (1701–1714) войска на поле боя выстраивались в длинные тонкие шеренги, позволявшие наиболее массово применить стрелковое оружие и создавать наибольшую плотность стрелкового огня по фронту. Сражения состояли из перестрелки двух противостоящих длинных линий противников, подходивших друг к другу на расстояние ружейного выстрела. Однако такой способ воевать имел ряд существенных недостатков, которые внутри него было невозможно исправить. Длинные тонкие линии (откуда и пошло само название такого способа — «линейная тактика»), упиравшиеся своими окончаниями (флангами) в какие-нибудь естественные преграды, как-то кустарник, лес, берег реки, жилые дома или крепостная стена населённого пункта, не могли передвигаться по открытой и, тем более, по пересечённой местности, были подвержены воздействию вражеского ружейного и артиллерийского огня и, что самое плохое, были неустойчивы к переменам, происходившим в течение боя. Собственно, таким же образом применялась и кавалерия, которая на поле боя также выстраивалась в шеренги и вела только стрелковый бой. Ни одна часть не могла самостоятельно производить эволюции. Передвигаться по полю армия могла только вся вместе. Длинная тонкая шеренга тысяч, а иногда и десятков тысяч людей, растянутых на несколько километров, двигалась вперёд или назад только как единое целое, синхронно, по одной команде, чтобы ни в коем случае не смешать порядки. Любое смещение строя фактически означало поражение. Солдаты должны были годами тренировать различные передвижения, необходимые в бою, чтобы на поле сражения действовать в идеальном порядке. В неграмотных крестьян, поступавших в солдаты, по всей Европе годами буквально палками вколачивались умения и навыки правильного строя и перестроений. Отсюда, кстати, и жестокая палочная дисциплина во всех европейских армиях; в этом отношении притчей во языцех стала прусская армия Фридриха II (1740–1786), которая стала знаменитой именно благодаря своей идеальной выучке. Эта

армия в середине XVIII в. стала образцом для подражания всех европейских армий, включая русскую.

Уже с момента появления линейной тактики началось исследование возможностей её улучшения. Целью его стало придание войскам на поле боя устойчивости, способности при необходимости передвигаться без угрозы потери строя, возможности быстро двигаться вперёд (атаковать) на пересечённой местности. Одним из первых теоретиков, начавших работу над реформированием линейной тактики, был известный французский военный писатель генерал Ж.-Ш. Фолар (Folard, 1669–1752), издавший в 1724 г. «Новые открытия о войне», а в 1727–1730 гг. — «Комментарий к Полибию». Фактически Ж.-Ш. Фолар первым не только высказал, но и существенно развил идею уравнивания линейного порядка, который, по его мысли, должен был быть усилен более плотными пехотными построениями. Эти-то более плотные построения, в которых число шеренг составляло не две или три, а фактически равнялось числу рядов, стали называться колоннами⁹. В коллекции ВИМ присутствует экземпляр второго издания «Новых открытий о войне» шевалье Фолара 1753 г., происходящий из библиотеки Д. В. Голицына¹⁰. В этом экземпляре ру-

⁹ Такие колонны стали в наполеоновскую эпоху называться «колоннами к атаке», или «сплочёнными колоннами», «густыми колоннами». Их нельзя путать с походными и штурмовыми колоннами, которые действительно были колоннами, т. е. длинными вытянутыми построениями для передвижения. Пехотные колонны, о которых идёт речь, представляли собой прямоугольники, вытянутые по фронту, и, собственно, на колонны похожи не были. Так, например, батальон, построенный в так называемую густую взводную колонну, имел в шеренге 20–25 человек и такую же глубину строя, а потому в плане был похож, скорее, на кирпич, положенный длинной стороной к фронту. Скорость перемещения такой колонны, двигающейся на противника, составляла 76–77 шагов в минуту. Средняя длина шага составляла 66 см. Такая скорость движения колонны почти вдвое меньше скорости движения парадных расчётов на Красной площади, которые делают 120 шагов в минуту.

¹⁰ *Nouvelles Découvertes sur la Guerre, dans une dissertation sur Polybe. Ouvrage utile & nécessaire à tous les Généraux, Commandans & Officiers d'Armées. Par le Sr. de Folard, Chevalier de l'Ordre Militaire de S. Louis & Mestre de Camp d'Infanterie. Seconde Édition. Revue par l'Auteur.* Brusselle; P.: F. Foppens; N. Tilliard. MDCCLIII. Инв. № библ. ПЗМ 8480.

кой, вероятно, самого Д. В. Голицына сделана одна запись на французском языке и несколько карандашных пометок¹¹.

Однако наиболее показательным является наличие в книге между страницами 114 и 115 закладки из обрывка белой писчей бумаги, на которой также, вероятно, самим Д. В. Голицыным, на французском языке сделана запись “*pag. 115 de la formation de la Colonne*” («стр. 115 о формировании Колонны») (рис. 1). Как видно, в коллекции есть экземпляр самого первого труда о колоннах, появившегося в Европе, свидетельствующий об интересе русского читателя к этой теме.

Одним из самых ярких противников теории колонн шевалье Фолара стал другой французский писатель генерал Ж.-А.-И. Гибер (Guibert, 1743–1790), который в 1772 г. издал «Общий очерк тактики», а в 1779 г. — «Защиту системы современной войны, или Полное опровержение системы Г. М[ениль]-Д[юрана]». Оба эти издания, вернее, их первые тома, также имеются в коллекции, также происходят из библиотеки Д. В. Голицына и также имеют на своих страницах многочисленные записи¹². В первом издании имеются владельческие записи, сделанные на французском языке карандашом, а также несколько карандашных пометок¹³. В экземпляре «Очерка» автор записей не был согласен с автором книги, о чём свидетельствует, например, его заметка «Это не обязательно» напротив следующего пассажа Гибера: «В случае, когда [ранее] упомянутая колонна захочет выйти из теснины, она, выходя, выстроится дивизионами¹⁴ на коротких дистанциях, сможет выполнить своё развёртывание соответственно условиям местности и той позиции, которую она хочет занять»¹⁵.

¹¹ *Nouvelles Découvertes*. P. 47, 49, 165.

¹² *Essai général de Tactique, précède d'un discours sur l'état actuel de la Politique & de la Science Militaire en Europe; avec le plan d'un ouvrage intitulé: La France politique et militaire. Tome premier*. Londres: Libraries Associés. M. DCC. LXXII. Инв. № библ. ПЗМ 8692; *Défense du système de guerre moderne, Ou Réfutation complete du Système de M. de M... D...* Par l' Auteur de l'Essai général de Tactique. Tome Premier. Neuchatel: S/i. MDCCLXXIX. Инв. № библ. ПЗМ 8680.

¹³ *Essai général de Tactique*. P. LXVI, 158, 174, 220, 216, 259; VIII, XCIII, 258.

¹⁴ Т. е. вздвоенными взводами. В армиях XVIII в. взвод — административно-хозяйственное подразделение воинской части; дивизион, представляющий собой два примкнутых флангами друг к другу взвода, является строевым, т. е. тактическим подразделением.

¹⁵ *Essai général de Tactique*. P. 220. В оригинале: “Dans le cas où la

Приверженцем шевалье Фолара и противником Гибера выступил другой известный французский военный теоретик генерал Ф.-Ж. Мениль-Дюран (Mesnil-Durand, 1729–1799). В 1774 г. он выпустил в свет книгу «Элементы тактики», в которой настаивал на превосходстве колонн над линейным построением. Именно против этого сочинения Мениль-Дюрана и была выпущена «Защита системы современной войны...» Гибера. К сожалению, самой его книги в коллекции нет, однако в ней находится множество трудов, в которых взгляды Мениль-Дюрана более или менее подробно излагаются другими авторами. Дело в том, что спор между Гибером и Мениль-Дюраном приобрёл во Франции старого режима общественно-политический характер, приняв форму соперничества национального и прусского начал в военном строительстве, в результате чего в него оказались вовлечены не только военные, но и самые широкие круги французской общественности, очень далёкие от войны. Дело доходило до дуэлей между сторонниками разных систем, и даже дамы парижских и провинциальных светских салонов имели каждая свою точку зрения на этот военный спор. Соответственно, взгляды Мениль-Дюрана и Гибера рассматривались во множестве военных трудов различных авторов вплоть до начала XIX в., когда тактика колонн уже господствовала на полях наполеоновских войн. Например, коллизии теоретических споров по поводу способов кровопролития на поле боя рассматриваются в статье Главного военного бюро Французской Республики «Записка о главнейших древних и современных историках, рассматриваемых с военной точки зрения», вышедшей в 1802 г.¹⁶ Одним из основных вопросов в статье стало и рассмотрение системы колонн, предлагаемой Мениль-Дюраном¹⁷. Книга находится в составе коллекции ВИМ из состава библиотеки Д. В. Голицына в Вязёмах.

dite colonne pourroit déboucher en entier hors du défilé, elle en sortiroit, se rassembleroit par divisions, & à distances serrées, puis exécuteroit son déploiement relativement aux circonstances du terrain & à la position qu'elle voudroit prendre”.

¹⁶ Notice sur les principaux Historien anciens et modernes, considérés militairement // Mémorial topographique et militaire, redige au dépôt général de la guerre... № 2. Historiqué. IVe. Trimestre de l'an X. P.: Imprimerie de la République. Brumaire an XI. P. 42-122. Инв. № библ. ПЗМ 8454, ПЗ-КП-7829.

¹⁷ Notice sur les principaux Historien. P. 96–97.

Русский читатель иностранных (как правило, французских) военных трудов не только пристально следил за перипетиями иностранной военной мысли, но и активно пытался примерить на себя иностранный опыт, и помимо теоретических выкладок занимался изучением и технической стороны тактики колонн. Так, в коллекции ВИМ находится книга Ж. Нуайя (Nouail) «Применение математики в военном деле», вышедшая в 1771 г., в самый разгар теоретических споров¹⁸. В описании одной из проблем автор ставит задачу, в которой необходимо рассчитать ширину фронта кавалерийского корпуса, развёрнутого из походных эскадронных и дивизионных колонн. Автор владельческой записи на полях на французском языке производит следующие подсчёты, основанием которых служат его собственные исходные данные и подводит итог: «Если колонна образована полуэскадронами¹⁹, при этом число людей во фронте одного эскадрона равняется a , дистанция между эскадронами равняется b , число эскадронов равняется c , величина интервалов равняется $c - 1$, то формула длины колонны будет $ac + (c - 1)b - a/2$ если $b = a/2$ то формула будет $ac + ac/2 - a/2 - a/2$ или $3ac/2 - a$ Если a равно 48 b равно 12 c равно $a/2$ или 24 то длина колонны, образованной полуэскадронами, равняется 864–48 или 816» (рис. 2)²⁰.

Иначе говоря, протяжённость фронта кавалерийского корпуса, сформированного двенадцатью эскадронами и образованного полуэскадронными колоннами, будет составлять 816 всадников. Опытный кавалерист, рассчитывавший по этой формуле длину колонн и фронта эскадронов, за этими циф-

¹⁸ Applications des mathématiques a la Tactique. Ouvrage utile aux jeunes officiers qui savent les élémens des Mathématiques, ou qui, en les apprenant, veulent s'occuper de l'art de la guerre, au lieu des problêmes de pure curiosité, qu'on a coutume de résoudre. Par M. Nouail, Maître de Mathématiques. P.: L. Cellot. MDCCLXXI. Инв. библ. № ПЗМ 8879.

¹⁹ Полуэскадрон образовывался по фронту двумя взводами, т. е. дивизионом.

²⁰ Applications des mathématiques a la Tactique. P. 115. В оригинале: "Si la colonne est formée par demi escadrons supp. le nombre d'hom. qu'ils y a dans le front d'un escadrons = a la distance les escadrons = b le nomb. d'escadrons = c la quantité d'intervalles = $c - 1$ la formule sera par avoir les longues de la colonne = $ac + (c - 1)b - a/2 = ac + bc - b - a/2$ ici on supp. $b = a/2$ selon la formule sera $ac + ac/2 - a/2 - a/2 = 3ac/2 - a$ ici $a = 48$ $b = 12$ $c = a/2 = 24$ donc la long. de la colonne si elle formée par demi-escadrons = $864 - 48 = 816$ ".

рами видел реальных людей и хорошо представлял себе тонкости и превратности такого построения и перестроения, а потому мог сделать правильные выводы из предлагаемых ему французским теоретиком новых тактических правил.

Искущённость русского читателя помогала ему не только следить за развитием иностранной военной мысли. Очень часто владельческие записи касаются указаний на ошибки авторов, которые они исправляют. Это касалось и трудов, детализировавших правила построения пехотных и кавалерийских колонн. В книге генерала Г.-А.-Ж. Мёнье (Meunier, 1751–1831) «Исследование пехотного порядка», изданной в 1805 г.²¹, внимательный читатель исправил ошибку автора книги в описании перестроения пехотных колонн двух батальонов. В экспликации к рисунку IV, «представляющему линию двух батальонов, образованную колонной против кавалерии, параллельной боевому порядку»²², читатель исправил нумерацию взводов, между которыми проходила граница батальонов²³. На следующей странице, уже на самом рисунке, вместе с исправлением ошибки читатель сделал запись о том, в чём, по его мнению, эта ошибка заключалась: «Есть ошибка в гравюре рисунка 4 Линия и Знамя, которые отделяют 2-й батальон от 1-го должны быть показаны в следующем дивизионе. И иметь расстояние между ним (2-м батальоном) и следующим (1-м)» (рис. 3)²⁴. Очевидно, что русский читатель, исправлявший ошибку французского автора (или, скорее, гравёра), внимательно изучал теоретический военный труд и вполне адекватно воспринимал даже мелочи новой тактической системы.

Одно издание коллекции представляет собой пример двуязычного читательского вмешательства в текст. Речь идёт о двуязычном издании профессора Г.-А. Юнкера (Junker, 1716–1805)

²¹ Dissertation sur l'ordonnance de l'infanterie, par le général de brigade H. Meunier. P.: Magimel. An XIII — 1805. Инв. библи. № ПЗМ 8281, ПЗ-КП-7932.

²² Dissertation sur l'ordonnance de l'infanterie. P. 52. В оригинале: “Elle (figure) représente une ligne de deux bataillons formant la colonne contre cavalerie, parallèlement à la ligne de bataille”.

²³ Dissertation sur l'ordonnance de l'infanterie. P. 52.

²⁴ Dissertation sur l'ordonnance de l'infanterie. P. 52, Pl. 10. В оригинале: “Il y a en Erreur dans la Gravure de la fig. 4 le Trait et le Drapeau qui separent le 2. Bat^{on} du 1er Doisent etre placér à la Division au Dessus — Et avoir Distance de Section entre elle et celle qui la précéder”.

«Свободные мысли о различных частях военного искусства»²⁵. В нём, помимо вступления на французском языке, предисловия и собственно текста на немецком языке, находится немецко-французский военный словарь²⁶. Владелец экземпляра, кроме записей, внесённых на поля текста, существенно дополнил словарь, причем сделал это по правилам самого автора, вписав в алфавитном порядке немецкие военные термины и дав им соответствующий французский перевод. Количество таких записей измеряется несколькими сотнями и сделаны они практически на всех без исключения страницах словаря, иногда по несколько десятков записей на один разворот.

Наконец, среди всей коллекции особенно выделяется экземпляр французского кавалерийского наставления «Инструкция, касающаяся манёвров конных войск, составленная по современным и действующим установлениям» 1801 г. издания из библиотеки Д. В. Голицына²⁷. К нему вторым томом прилагалось издание рисунков, планов и чертежей, общим объёмом 152 номера²⁸. Данная инструкция была переработкой ещё революционной Инструкции 1797 г., которая, в свою очередь, восходит к старорежимному кавалерийскому Ордонансу 1788 г. и, частично, к Ордонансу 1777 г.²⁹ В той же библиотеке Д. В. Голицына находились и последующие издания

²⁵ Freie Gedanken über einige Theile Der Kriegskunst; C'est-à-dire: Pén­sées libres sur différentes Parties De L'Art de la Guerre. Nouvelle Édition, faite d'après celle de Francfort; revue & enrichie d'un vocabulaire Allemand-François. Pour l'usage de l'École Royale Militaire. Par M. Junker, docteur en Philosophie, Professor de la Langue Allemande à l'École Royale Militaire, Membre ordinaire de l'Académie Royale-Allemande de Göttingen. P.: Musier fils. MDCCLXIV. Ивн. № библ. ПЗМ 8361.

²⁶ Freie Gedanken. P. III-V, I-XV, 18-298, 299-428.

²⁷ Instruction concernant l'exercice et les Manœuvres des Troupes a cheval, rédigée sur les ordonnances actuellement en activité, et suivre de cent-cinquante-deux Planches. Nouvelle Édition. A Paris, Chez Magimel, Libraire pour l'art militaire et les sciences et arts, quai des Augustins, près le Pont Neuf. An X - 1801. Ивн. № библ. ПЗМ 8294.

²⁸ Planches relatives à l'Instruction concernant l'exercice et les Manœuvres des Troupes a cheval. A Paris, Chez Magimel, Libraire pour l'art militaire et les Sciences et Arts, quai des Augustins n.º 73, près le Pont-Neuf. An X - 1801. Ивн. № библ. ПЗМ 10586, ПЗ-КП-9439.

²⁹ Ordonnance provisoire sur l'exercice et les manœuvres de la Cavalerie, redigée par ordre du ministre de la guerre. P., 1804. P. II, XI, XIII, XIX, XX, XXI.

«Инструкции» в виде временных Ордонансов и Регламента 1802, 1804, 1808 и 1816 гг.³⁰

Д. В. Голицын первоначально при чтении французской кавалерийской инструкции стал делать записи на полях книги, однако затем полностью расшил её, переложил печатные двойные листы книги чистыми листами, заново сшил их, обреза и переплёл, так что получилась книга с двойным количеством страниц: листы с печатным текстом перемежались чистыми листами, и на одном развороте находилась одна чистая страница и одна страница с текстом (рис. 4)³¹. На этих смежных чистых страницах В. Д. Голицын стал делать заново записи при чтении, рисунки и уточнения, которые он впоследствии использовал для подготовки издания этой французской кавалерийской инструкции на русском языке. Причём он не буквально перевёл французский текст, а значительно его переработал: существенно сократил, сделал его «глухим», т. е. безотносительным к видам кавалерии (кирасирам, драгунам, гусарам), местами упростил, изъяв из французского текста из-

³⁰ Instruction concernant les manœuvres des troupes a cheval, rédigée sur les ordonnances actuellement en activité, Et suivie de cent-quarante-deux Planches. Nouvelle Édition. A Paris, Chez Magimel, Libraire pour l'Art militaire et les Sciences et Arts, quai des Augustins, près le Pont-Neuf. An X — 1802. Инв. № библ. ПЗМ 7965; Ordonnance provisoire sur l'exercice et les manœuvres de la Cavalerie, redigée par ordre du ministre de la guerre. Du 1er vendémiaire an XIII. A Paris, Chez Magimel, libraire pour l'art militaire, quai des Augustins, № 73. AN XIII — 1804. Инв. № библ. ПЗМ 8888; Ordonnance provisoire sur l'exercice et les manœuvres de la Cavalerie, rédigée par ordre du ministre de la guerre. Du 1er vendémiaire an XIII. Planches. A Paris, Chez Magimel, libraire pour l'art militaire, quai des Augustins, № 73. AN XIII — 1804. Инв. № библ. ПЗМ 8885; Ordonnance provisoire sur l'exercice et les manœuvres de la cavalerie, redigée par ordre du ministre de la Guerre. Du 1er vandémiaire An XIII. Seconde édition. Planches. A Paris, Chez Magimel, Libraire pour l'Art militaire, rue Thionville n.º 9. An 1808. Инв. № библ. ПЗМ 7860; Règlement provisoire sur le service intérieur des troupes a cheval, Dont l'exécution est ordonnée par S. Ex. M. le Duc de Feltre, Ministre Secrétaire d'État au Département de la guerre. Deuxième édition. A Paris, Chez Magimel, Anselin et Pochard, Libraires pour l'Art militaire, rue Dauphine, n. 9. 1816. Инв. № библ. ПЗМ 7902.

³¹ Подробнее об этом экземпляре см.: *Жучков К. Б.* Строевое обучение русской кавалерии накануне 1812 г. // Эпоха 1812 года. Труды ГИМ. 2013. Вып. 195. С. 251–261.

быточные подробности обучения. Кроме того, Д. В. Голицын скопировал значительную часть рисунков, находившихся во второй части Инструкции, так же частично применив их к российским условиям (например, при изображении построения кавалерийского полка). Всего им было представлено 103 изображения. Так, существенно переработав французскую Инструкцию, он её издал на русском языке с целью применения для строевого обучения русской кавалерии³². В итоге часть русской кавалерии перед Отечественной войной 1812 г. обучалась по строевому наставлению, в основе которого лежала французская кавалерийская инструкция.

Приведённые выше материалы наглядно показывают степень влияния французской военно-теоретической мысли на русскую военную практику накануне 1812 г. Русские дворяне внимательно следили не только за перипетиями на полях революционных и наполеоновских войн, но и активно изучали научное и теоретическое обоснование французских побед в Европе. Новая парадигма, привнесённая французами в военное дело, оказалась не только привлекательной, но и победоносной, что заставляло русских военных пристально наблюдать за развитием военной науки во Франции. Русские читатели привозили новинки военного книгоиздания из-за границы, выписывали новую литературу по специальным каталогам, покупали её в книготорговых лавках в Москве и Санкт-Петербурге. Часть изданий, находящихся в коллекции, снабжена торговыми ярлыками книгопродавцев, у которых покупались книги. Среди них укажем на следующие, которые, как правило, наклеивались на второй странице переднего форзаца или на обороте авантитула издания: “Chez les Fr. GAY, à S. Pétersbourg & à Moscow” («У братьев Гей в Петербурге и Москве»),³³ “A. Dandilly Libraire dans la Twerskoye à

³² Опыт наставлений, касающихся до экзерциции и манёвров кавалерийского полка. СПб., 1805; Чертежи, принадлежащие к опыту наставлений, касающихся до экзерциции и манёвров кавалерийского полка. Орёл, 1804.

³³ Campagne de Monsieur le Maréchal de Marsin en Allemagne l’an M. DCC. IV. Contenant Les Lettres de ce Maréchal & celles de plusieurs autres Officiers-Généraux au Roi & à Mr. de Chamillart, Ministre au Département de la Guerre, avec les Réponses du Roi & de ce Ministre, Recueil formé sur les Originaux qui se trouvent en dépôt au Bureau de la Guerre de la Cour de France. Tome premier. A Amsterdam, Chez Marc Michel

Moscou" («А. Дандийи, книгопродавец на Тверской улице в Москве») (рис. 5)³⁴, "F. RISS, père et fils, Libraires, dans la Pétrovka, a Moscou" («Рисс, отец и сын, на Петровке в Москве»)³⁵, "Chez Engelbach Libraire à Moscou" («У Энгельбаха книгопродавца в Москве»)³⁶, "Riss & Saucet à Moscou" («Рисс и Соке в Москве»)³⁷,

Rey. MDCCLXII. Инв. № библ. ПЗМ 8704; Campagne de Monsieur le marechal Duc de Noailles, en Allemagne, l'an MDCCXLIII. Contenant Les Letres de ce Maréchal & celles de plusieurs autres Officiers Généraux, au Roi, & à Mr. d'Argenson, Ministre au Département de la Guerre; Recueil très intéressant, & d'autant plus digne de l'attention du Public, qu'il a été sur les Originaux, qui se trouvent au Dépôt de la Guerre de la Cour de France. Première partie. A Amsterdam, Chez Marc-Michel Rey. MDCCLX. Инв. № библ. ПЗМ 8705.

³⁴ Campagne du maréchal de Villars de 1713, jувie de la Paix de Rastat. Chez la Veuve de Courbe, rue de Hurpoix du costé du Pont saint Michel, à la Palme. MDCCXV. Avec Approbation & Privilege du Roy. Инв. № библ. ПЗМ 8701.

³⁵ Considerations sur les mouvemens stratégiques Des armées française, dans quelques-unes des campagnes de Napoléon Bonaparte, et particulièrement dans ses quatre dernières, Suivies D'un Mémoire où l'on discute les avantages plus ou moins assurés que l'on trouverait à défendre la France contre une invasion, plutôt par des forces actives que par l'extension des places fortes; Et de Trois cartes du théâtre de la guerre en 1806, 1812 et 1813, où sont tracées les différentes marches, et les operations calculées par une méthode géométrique. Par L. C. Duchateau, Lieutenant-colonel d'état major, chevalier de l'ordre royal et militaire de Saint-Louis. A Paris, Chez Anselin et Pochard (Succ^{rs} de Magimel), Libraires pour l'Art militaire, rue Dauphine, n° 9. 1822. Инв. № библ. ПЗМ 9034, ПЗ-КП-7883.

³⁶ Essai sur les grandes operations de la Guerre, ou Recuil des Observations de différens Auteurs, sur la maniere de les perfectionner. Par M. le Baron d'Espagnac, Brigadier des Armée du Roi. Tome premier. A la Haye, & se trouve a Paris, Chez Ganeau, rue Saint Severin, aux Armes de Dombes. MDCCCLV. Инв. № библ. ПЗМ 8697; Théorie de l'art du mineur; par M. J. M. Geuss, Professeur de Mathématiques en l'Université de Copenhague. Traduite de l'allemand par M. A. L. Smeets, Capitaine au Régiment des Mineurs & Sapeurs au Service des Provinces-Unies. A Maestricht, Chez Jean-Edme Dufour & Philippe Roux, Imprimeur-Libraires, associés. MDCCCLXXVIII. Инв. № библ. ПЗМ 8626, ПЗ-КП-7961; Examen historique et militaire de la principale cause des succès ou des disgraces à la guerre, depuis le premier Cyrus jusqu'à Frederic le Grand. Par Mons. Le Bar. d'Ecrammeville, Capitaine de remplacement au regiment de Cambresis. Tome premier. 1791. Инв. № библ. ПЗМ 8727, ПЗ-КП-7926.

³⁷ Manuel du général et de l'officier, ou cahiers militaires portatifs, contenant Une nouvelle Idée sur le Génie, des remarques & extraits sur ce qui concerne une Armée & le service militaire en général, &c. Par Mr.

“Libraire de Charles Wey... ci-devant Klostermann rue d’Isaac No... à St. Pétersbourg” («Книгопродавец Шарль Вей... прежде Клостерман улица Исаакиевского собора №... в Петербурге»)³⁸, “Chez BIEBER & REYMANN vis-a-vis de Peftschei à la maison de Nikite Pawlof” («У Бибера и Реймана напротив Певчей капеллы в доме Никиты Павлова»)³⁹, “À St. Pétersbourg chez Klostermann” («В Петербурге у Клостермана»)⁴⁰, “A Strasbourg

de Tissot Grenus, Ancien Commandeur d’un corps de troupes & Lieutenant-Colonel au service de L. H. P. les Etat-Généraux de Hollande. Avec douze planches en taille-douce. A La Haye, Et se vend à Lausanne, Chez Jules Henri Pott et Comp. 1790. Ивн. №№ библ. ПЗМ 8856, 10599, ПЗ-КП-9451; Petit Manuel du canonnier, ou Instruction générale sur le service de toutes les bouches à feu en usage dans l’artillerie. Troisième Édition. Augmentée de la Manœuvre d’une piece de 4, et ornée de Planches. Prix 2 liv. broché. A Paris, Chez Magimel, Libraire pour l’Art militaire et les sciences et art, quai des la Vallée, près le Pont-Neuf. L’an deuxième de la République. Ивн. № библ. ПЗМ 8673, ПЗ-КП-7918; Dissertation sur l’ordonnance de l’infanterie, par le général de brigade H. Meunier. A Paris, Chez Magimel, Libraire pour l’Art militaire, quai des Augustins, № 73. An XIII – 1805. Ивн. № библ. ПЗМ 8281, ПЗ-КП-7932.

³⁸ Mémoires sur l’organisation de la Cavalerie et sur l’administration des corps, par M. le lieutenant-général Préval; imprimés en fevrier 1815, par ordre de son excellence le ministre de la guerre. A Paris, Chez Magimel, Anselin et Pochard, Libraires pour l’Art militaire, rue Dauphine, n° 9. 1816. Ивн. № библ. ПЗМ 8861, ПЗ-КП-7879; Manuel de Cavalerie, a l’usage des Cavaliers, Brigadiers, et Sous-Officiers, en temps de paix et en temps de guerre; Imprimé pour la première division de la Garde royal, par ordre de Monsieur le Lieutenant-Général Comte de Bordesoulle, commandante cette division. Basé sur les Reglemens de service intérieur des 24 juin 1792 et 22 mai 1816; sur ceux de service en campagne du 12 août 1788, de Schoenbrunn 1809; et sur les Instructions du roi de Prusse à ses troupes légères, Melfort, Montécuculi, Guibert, etc. Par l’Auteur du Guide des Officiers de Cavalerie. A Paris, de l’Imprimerie de Didot jeune, rue des Maçons Sorbonne, n° 13. 1817. Ивн. № библ. ПЗМ 8678, ПЗ-КП-7908.

³⁹ Elemens de la Tactique de l’Infanterie, ou Instruction d’un Lieutenant-Général Prussien, pour les Troupes de son Inspection. Traduit de l’Allemand. Avec plans. MDCCLXXXIII. Ивн. № библ. ПЗМ 8619; Annibal et Scipion ou les Grands Capitaines; avec les Ordres & Plans des Batailles, et les Annotations, Discours & Remarques Politiques & Militaires de Mr. le Comte G. L. de Nassau, &c. Auxquelles on a ajouté un autre traite de Remarques Politiques. A Amsterdam, chez Marc-Michel Rey, MDCCLXVIII. Ивн. № библ. ПЗМ 8877.

⁴⁰ Observation sur le canon, par rapport a l’Infanterie en Général, et a la colonne en particulier; Suivies de quelques Extraits de l’Essai sur l’usage de l’Artillerie, avec les réponses. A Amsterdam, Et se trouve, a Paris, Chez

chez les Fr. GAY" («В Страсбурге у братьев Гей»)»⁴¹. Благодаря этому у них имелась возможность без каких-либо изъятий и лакун ознакомиться с образцами новейшей военной мысли.

Приведённые материалы говорят о том, что они не просто поверхностно знакомились с военной теорией и практикой, но и изучали их, сопровождая это изучение критическим разбором прочитанного и исправляя подмеченные ошибки. Французская военная мысль распространялась в русских офицерских кругах, подготавливая встречу соперников не на учебном плацу, а на поле битвы, где, в конечном счёте, русская военная практика, вдохновлённая, в том числе, французской теорией, одержала сокрушительную победу.

Иллюстрации

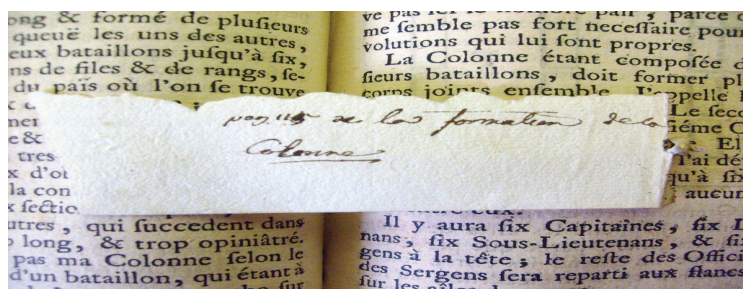

Рис. 1. Закладка в книге Ж.-Ш. Фолара
«Новые открытия о войне»

Charles Antoine JOMBERT, Libraire du Roi pour l'Artillerie & le Génie, rue Dauphine, à l'Image Notre Dame. M.DCC.LXXII. Инв. № библ. ПЗМ 8890.

⁴¹ Histoire Événemens militaires et politiques de la dernière guerre, dans les quatre parties du monde. Troisième Édition, Revue, corrigée & augmentée; Par M. De Longchamps, de l'Académie de la Rochelle. Tome premier. A Amsterdam, Et se trouve à Paris, Chez la Veuve Duchesne, Libraire, rue Sainte-Jacques. 1787. Инв. № библ. ПЗМ 8661.

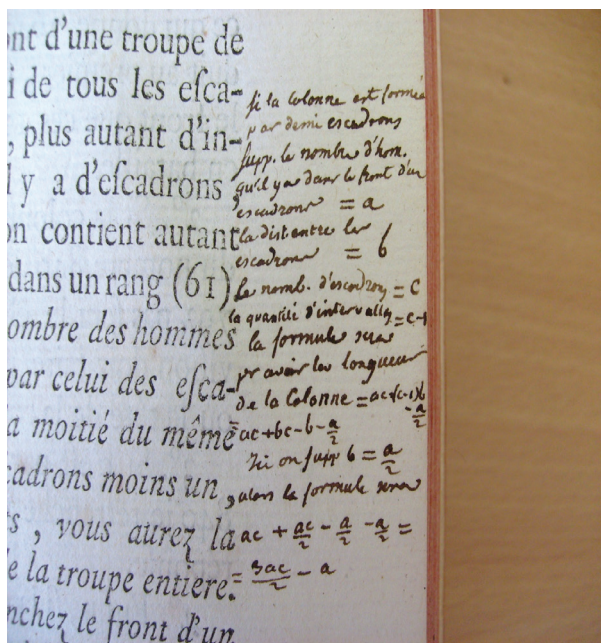

Рис. 2. Запись в книге Ж. Нуайя
«Применение математики в военном деле»

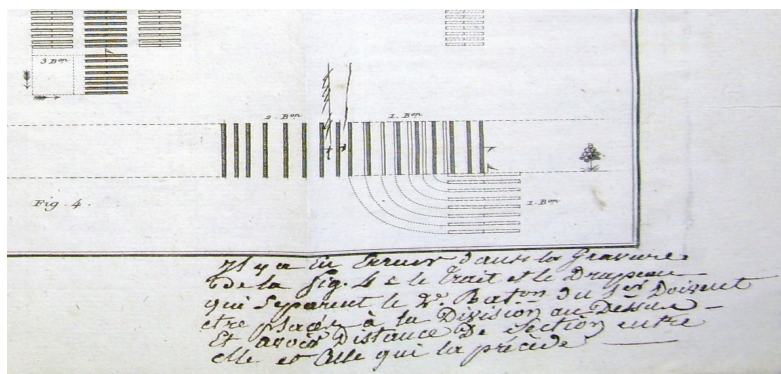

Рис. 3. Запись на рисунке в книге Г.-А.-Ж. Мённе
«Исследование пехотного порядка»

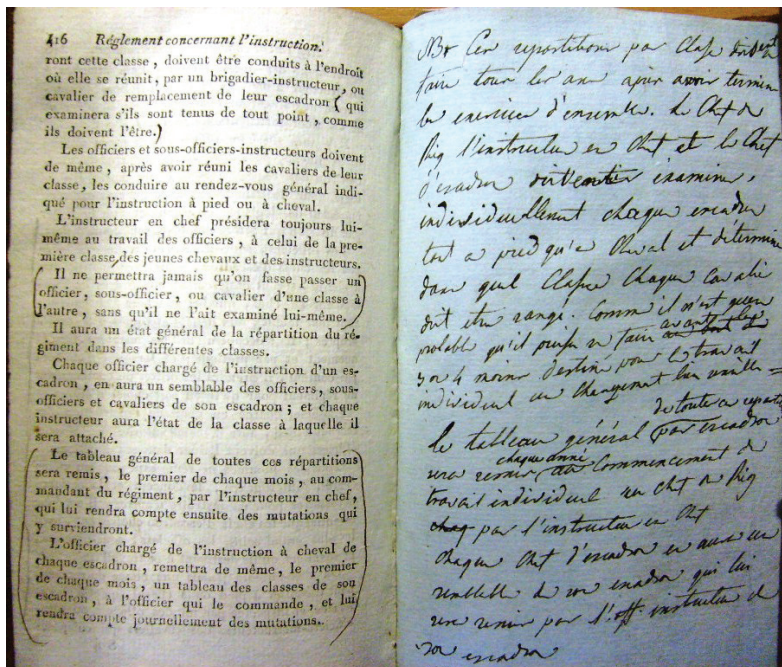

Рис. 4. Разворот французской кавалерийской Инструкции 1801 г. с записями Д. В. Голицына

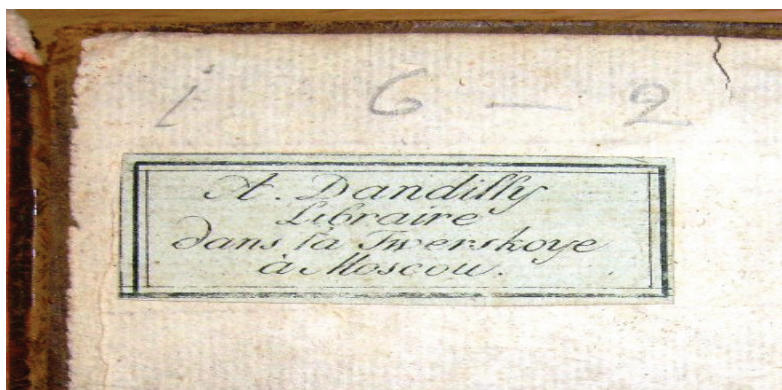

Рис. 5. Ярлык книгопродавца А. Дандийи

Литература

- Жучков К. Б. Строевое обучение русской кавалерии накануне 1812 г. // Эпоха 1812 года. Труды ГИМ. 2013. Вып. 195. С. 251–261.
- Опыт наставлений, касающихся до экзерциции и манёвров кавалерийского полка. СПб., 1805.
- Тактические правила или наставления воинским эволюциям. СПб., 1794.
- Чертежи, принадлежащие к опыту наставлений, касающихся до экзерциции и манёвров кавалерийского полка. Орёл, 1804.
- Annibal et Scipion ou les Grands Capitaines; avec les Ordres & Plans des Batailles, et les Annotations, Discours & Remarques Politiques & Militaires de Mr. le Comte G. L. de Nassau, & c. Auxquelles on a ajoute un autre traite de Remarques Politiques. A Amsterdam, chez Marc-Michel Rey. MDCCLXVIII.
- Applications des mathématiques a la Tactique. Ouvrage utile aux jeunes officiers qui savent les élémens des Mathématiques, ou qui, en les apprenant, veulent s'occuper de l'art de la guerre, au lieu des problèmes de pure curiosité, qu'on a coutume de résoudre. Par M. Nouail, Maître de Mathématiques. P.: L. Celot. MDCCLXXI.
- Campagne de Monsieur le Maréchal de Marsin en Allemagne l'an M. DCC. IV. Contenant Les Lettres de ce Maréchal & celles de plusieurs autres Officiers-Généraux au Roi & à Mr. de Chamillart, Ministre au Département de la Guerre, avec les Réponses du Roi & de ce Ministre, Recueil formé sur les Originaux qui se trouvent en dépôt au Bureau de la Guerre de la Cour de France. Tome premier. A Amsterdam, Chez Marc Michel Rey. MDCCLXII.
- Campagne de Monsieur le marechal Duc de Noailles, en Allemagne, l'an M. DCC. XLIII. Contenant Les Letres de ce Maréchal & celles de plusieurs autres Officiers Généraux, au Roi, & à Mr. d'Argenson, Ministre au Département de la Guerre; Recueil très intéressant, & d'autant plus digne de l'attention du Public, qu'il a été sur les Originaux, qui se trouvent au Dépôt de la Guerre de la Cour de France. Premiere partie. A Amsterdam, Chez Marc-Michel Rey. MDCCLX.
- Campagne du maréchal de Villars de 1713, juivie de la Paix de Rastat. Chez la Veuve de Courbe, rue de Hurpoix du costé du Pont saint Michel, à la Palme. MDCCXV. Avec Approbation & Privilege du Roy.

- Considerations sur les mouvemens stratégiques Des armées française, dans quelques-unes des campagnes de Napoléon Bonaparte, et particulièrement dans ses quatre dernières, Suivies D'un Mémoire où l'on discute les avantages plus ou moins assurés que l'on trouverait à défendre la France contre une invasion, plutôt par des forces actives que par l'extension des places fortes; Et de Trois cartes du théâtre de la guerre en 1806, 1812 et 1813, où sont tracées les différentes marches, et les opérations calculées par une méthode géométrique. Par L. C. Duchateau, Lieutenant-colonel d'état major, chevalier de l'ordre royal et militaire de Saint-Louis. A Paris, Chez Anselin et Pochard (Succ^{rs} de Magimel), Libraires pour l'Art militaire, rue Dauphine, n° 9. 1822.
- Défense D'Ancone, et des départemens Romains, Le Tronto, Le Musone et Le Metauro; par le général Mennier, aux Année VII et VIII. Ouvrage mêlé d'épisodes sur l'état de la politique, de la morale et des arts à Raguse, et dans les villes principales de l'Italie, à cette époque. Orné de cinq gravures. Par Michel-Ange-Bernard Mangourit, Ex-commissaire des relations de la capitulation, associe libre de la Société philotechnique de Paris, et membre de la Société des Sciences phisique de Lausanne. Tome second. P.: Charles Pougens, Imprimeur-Libraire, quai Voltaire, n.° 10. An X — 1802.
- Défense du système de guerre moderne, Ou Réfutation complete du Système de M. de M... D... Par l' Auteur de l'Essai général de Tactique. Tome Premier. Neuchatel: S/i. MDCCLXXIX.
- Dissertation sur l'ordonnance de l'infanterie, par le général de brigade H. Meunier. P.: Magimel. An XIII — 1805.
- Dissertation sur l'ordonnance de l'infanterie, par le général de brigade H. Meunier. A Paris, Chez Magimel, Libraire pour l'Art militaire, quai des Augustins, N° 73. An XIII — 1805.
- Elemens de la Tactique de l'Infanterie, ou Instruction d'un Lieutenant-Général Prussien, pour les Troupes de son Inspection. Traduit de l'Allemand. Avec plans. MDCCLXXXIII.
- Elemens de la Tactique de l'Infanterie, ou Instruction d'un Lieutenant-Général Prussien, pour les Troupes de son Inspection. Traduit de l'Allemand. Avec plans. MDCCLXXXIII.
- Èlémens de tactique pour la cavalerie. Par M. Mattin de la Balme, Capitaine de Cavalerie, ancien Officier-Major de la Gendarmerie de France. A Paris, Chez Jombert, Fils aîné, Lib. rue Dauphine, Ruault, libraire, rue de la Harpe. MDCCLXXVI.

- Essai général de Tactique, précède d'un discours sur l'état actuel de la Politique & de la Science Militaire en Europe; avec le plan d'un ouvrage intitulé: La France politique et militaire. Tome premier. Londres: Libraries Associés. MDCCLXXII.
- Essai sur les grandes operations de la Guerre, ou Recueil des Observations de différens Auteurs, sur la maniere de les perfectionner. Par M. le Baron d'Espagnac, Brigadier des Armée du Roi. Tome premier. A la Haye, & se trouve a Paris, Chez Ganeau, rue Saint Severin, aux Armes de Dombes. MDCCLV.
- Examen historique et militaire de la principale cause des succès ou des disgraces à la guerre, depuis le premier Cyrus jusqu'à Frederic le Grand. Par Mons. Le Bar. d'Ecrammeville, Capitaine de remplacement au regiment de Cambresis. Tome premier. 1791.
- Freie Gedanken über einige Theile Der Kriegskunst; C'est-à-dire: Pensées libres sur différentes Parties De L'Art de la Guerre. Nouvelle Édition, faite d'après celle de Francfort; revue & enrichie d'un vocabulaire Allemand-François. Pour l'usage de l'Ecole Royale Militaire. Par M. Junker, docteur en Philosophie, Professor de la Langue Allemande à l'Ecole Royale Militaire, Membre ordinaire de l'Academie Royale-Allemande de Goettingen. P.: Musier fils. MDCCLXIV.
- Histoire Événemens militaires et politiques de la dernière guerre, dans les quatre parties du monde. Troisième Édition, Revue, corrigée & augmentée; Par M. De Longchamps, de l'Académie de la Rochelle. Tome premier. A Amsterdam, Et se trouve à Paris, Chez la Veuve Duchesne, Libraire, rue Sainte-Jacques. 1787.
- Instruction concernant l'exercice et les Manœuvres des Troupes a cheval, rédigée sur les ordonnances actuellement en activité, et suivre de cent-cinquante-deux Planches. Nouvelle Édition. A Paris, Chez Magimel, Libraire pour l'art militaire et les sciences et arts, quai des Augustins, près le Pont Neuf. An X — 1801.
- Instruction concernant les manœuvres des troupes a cheval, rédigée sur les ordonnances actuellement en activité, Et suivie de cent-quarante-deux Planches. Nouvelle Édition. A Paris, Chez Magimel, Libraire pour l'Art militaire et les Sciences et Arts, quai des Augustins, près le Pont-Neuf. An X — 1802.
- Manuel de Cavalerie, a l'usage des Cavaliers, Brigadiers, et Sous-Officiers, en temps de paix et en temps de guerre; Imprimé pour la première division de la Garde royal, par ordre de Monsieur le Lieutenant-Général Comte de Bordesoulle, commandante

- cette division. Basé sur les Reglemens de service intérieur des 24 juin 1792 et 22 mai 1816; sur ceux de service en campagne du 12 août 1788, de Schoenbrunn 1809; et sur les Instructions du roi de Prusse à ses troupes légères, Melfort, Montécuculi, Guibert, etc. Par l'Auteur du Guide des Officiers de Cavalerie. A Paris, de l'Imprimerie de Didot jeune, rue des Maçons Sorbonne, n° 13. 1817.
- Manuel du général et de l'officier, ou cahiers militaires portatifs, contenant Une nouvelle Idée sur le Génie, des remarques & extraits sur ce qui concerne une Armée & le service militaire en général, &c. Par Mr. de Tissot Grenus, Ancien Commandeur d'un corps de troupes & Lieutenant-Colonel au service de L. H. P. les Etat-Généraux de Hollande. Avec douze planches en taille-douce. A La Haye, Et se vend à Lausanne, Chez Jules Henri Pott et Comp. 1790.
- Mémoires sur l'organisation de la Cavalerie et sur l'administration des corps, par M. le lieutenant-général Préal; imprimés en février 1815, par ordre de son excellence le ministre de la guerre. A Paris, Chez Magimel, Anselin et Pochard, Libraires pour l'Art militaire, rue Dauphine, n° 9. 1816.
- Notice sur les principaux Historien anciens et modernes, considérés militairement // Mémoial topographique et militaire, redigé au dépôt général de la guerre... N° 2. Historiqué. IVe. Trimestre de l'an X. P.: Imprimerie de la République. Brumaire an XI. P. 42-122.
- Nouvelles Découvertes sur la Guerre, dans une dissertation sur Polybe. Ouvrage utile & nécessaire à tous les Généraux, Commandans & Officiers d'Armées. Par le Sr. de Folard, Chevalier de l'Ordre Militaire de S. Louis & Mestre de Camp d'Infanterie. Seconde Édition. Revue par l'Auteur. Brusselle; P.: F. Foppens; N. Tilliard. MDCCLIII.
- Observation sur le canon, par rapport à l'Infanterie en Général, et à la colonne en particulier; Suivies de quelques Extraits de l'Essai sur l'usage de l'Artillerie, avec les réponses. A Amsterdam, Et se trouve, a Paris, Chez Charles Antoine JOMBERT, Libraire du Roi pour l'Artillerie & le Génie, rue Dauphine, à l'Image Notre Dame. MDCCLXXII.
- Ordonnance provisoire sur l'exercice et les manœuvres de la Cavalerie, redigée par ordre du ministre de la guerre. P., 1804.
- Ordonnance provisoire sur l'exercice et les manœuvres de la Cavalerie, redigée par ordre du ministre de la guerre. Du 1er

- vendémiaire an XIII. A Paris, Chez Magimel, libraire pour l'art militaire, quai des Augustins, № 73. AN XIII – 1804.
- Ordonnance provisoire sur l'exercice et les manœuvres de la Cavalerie, rédigée par ordre du ministre de la guerre. Du 1er vendémiaire an XIII. Planches. A Paris, Chez Magimel, libraire pour l'art militaire, quai des Augustins, № 73. AN XIII – 1804.
- Ordonnance provisoire sur l'exercice et les manœuvres de la cavalerie, redigée par ordre du ministre de la Guerre. Du 1er vandémiaire An XIII. Seconde édition. Planches. A Paris, Chez Magimel, Libraire pour l'Art militaire, rue Thionville n.º 9. An 1808.
- Petit Manuel du canonnier, ou Instruction générale sur le service de toutes les bouches à feu en usage dans l'artillerie. Troisième Édition. Augmentée de la Manœuvre d'une pièce de 4, et ornée de Planches. Prix 2 liv. broché. A Paris, Chez Magimel, Libraire pour l'Art militaire et les sciences et art, quai des la Vallée, près le Pont-Neuf. L'an deuxième de la République.
- Planches relatives à l'Instruction concernant l'exercice et les Manœuvres des Troupes a cheval. A Paris, Chez Magimel, Libraire pour l'art militaire et les Sciences et Arts, quai des Augustins n.º 73, près le Pont-Neuf. An X – 1801.
- Règlement provisoire sur le service intérieur des troupes a cheval, Dont l'exécution est ordonnée par S. Ex. M. le Duc de Feltré, Ministre Secrétaire d'État au Département de la guerre. Deuxième édition. A Paris, Chez Magimel, Anselin et Pochard, Libraires pour l'Art militaire, rue Dauphine, n. 9. 1816.
- Théorie de l'art du mineur; par M. J. M. Geuss, Professeur de Mathématiques en l'Université de Copenhague. Traduite de l'allemand par M. A. L. Smeets, Capitaine au Régiment des Mineurs & Sapeurs au Service des Provinces-Unies. A Maestricht, Chez Jean-Edme Dufour & Philippe Roux, Imprimeur-Libraires, associés. MDCCLXXVIII.

Жучков Константин Борисович, доцент кафедры отечественной истории, кандидат исторических наук (Псковский государственный университет; Псков, Россия), эл. почта: zhuchkov.konstantin@rambler.ru

**The French Military Thought in Russia on the Eve
of the Patriotic War of 1812**

In the second half of the 18th century during the Revolutionary wars and Napoleonic wars some significant changes occurred in military

science in Western European countries. They brought about a great number of special studies by European military theorists in which the problems of conducting military activities were discussed. One can find a lot of foreign, primarily French books on these issues in private libraries of Russian noblemen, because they were in great demand. In the aftermath of revolutionary upheavals in Russia libraries of the gentry were confiscated and moved to Soviet institutions. As a result, some European military books were gathered in a separate collection which formed a part of the library of the Pushkin Estate-Museum "Mikhaylovskoye". The books which are now in "Mikhaylovskoye" library collection contain hundreds of owners' scribbled notes demonstrating attentive reading of foreign military books by Russian readers. Studying these records allows us to conclude that Russian nobles were not only interested in the ongoing changes in foreign military theory but also attempted to implement these innovations into their own practice. Thus, French military ideas were widespread in Russian military circles and, therefore, prepared the confrontation of Russian and French armies on the battlefields, and Russian military practice inspired by French military theory ultimately won a crushing victory.

Key words: Military and Historical Museum, Pushkin Reserve "Mikhaylovskoye", linear tactics of the 18th century, tactics of columns, extended order, nobiliary libraries, European military books.

Konstantin Zhuchkov, Associate Professor of the Department of Russian History, Candidate of Historical Sciences (Pskov State University; Pskov, Russia), e-mail: zhuchkov.konstantin@rambler.ru

References

- Zhuchkov K. B. Stroevoe obuchenie russkoy kavalerii nakanune 1812 g. // Epokha 1812 goda. Trudy GIM. 2013. Vyp. 195. S. 251–261.
- Opyt nastavleniy, kasayushchikhsya do ekzertsitsii i manyevrov kavaleriyskogo polka. SPb., 1805.
- Takticheskie pravila ili nastavleniya voinskim evolyutsiyam. SPb., 1794.
- Chertezhi, prinadlezhashchie k opytu nastavleniy, kasayushchikhsya do ekzertsitsii i manyevrov kavaleriyskogo polka. Oryel, 1804.
- Annibal et Scipion ou les Grands Capitaines; avec les Ordres & Plans des Batailles, et les Annotations, Discours & Remarques Politiques & Militaires de Mr. le Comte G. L. de Nassau, &c. Auxquelles on a ajoute un autre traite de Remarques Politiques. A Amsterdam, chez Marc-Michel Rey. MDCCLXVIII.
- Applications des mathématiques a la Tactique. Ouvrage utile aux jeunes officiers qui savent les élémens des Mathématiques, ou qui, en les apprenant, veulent s'occuper de l'art de la guerre, au lieu des problèmes de pure curiosite, qu'on a coutume de résoudre. Par M. Nouail, Maître de Mathématiques. P.: L. Cellot. MDCCLXXI.

- Campagne de Monsieur le Maréchal de Marsin en Allemagne l'an M. DCC. IV. Contenant Les Lettres de ce Maréchal & celles de plusieurs autres Officiers-Généraux au Roi & à Mr. de Chamillart, Ministre au Département de la Guerre, avec les Réponses du Roi & de ce Ministre, Recueil formé sur les Originaux qui se trouvent en dépôt au Bureau de la Guerre de la Cour de France. Tome premier. A Amsterdam, Chez Marc Michel Rey. MDCCLXII.
- Campagne de Monsieur le marechal Duc de Noailles, en Allemagne, l'an M. DCC. XLIII. Contenant Les Lettres de ce Maréchal & celles de plusieurs autres Officiers Généraux, au Roi, & à Mr. d'Argenson, Ministre au Département de la Guerre; Recueil très intéressant, & d'autant plus digne de l'attention du Public, qu'il a été sur les Originaux, qui se trouvent au Dépôt de la Guerre de la Cour de France. Première partie. A Amsterdam, Chez Marc-Michel Rey. MDCCLX.
- Campagne du maréchal de Villars de 1713, juiwie de la Paix de Rastat. Chez la Veuve de Courbe, rue de Hurpoix du costé du Pont saint Michel, à la Palme. MDCCXV. Avec Approbation & Privilège du Roy.
- Considerations sur les mouvemens stratégiques Des armées française, dans quelques-unes des campagnes de Napoléon Bonaparte, et particulièrement dans ses quatre dernières, Suivies D'un Mémoire où l'on discute les avantages plus ou moins assurés que l'on trouverait à défendre la France contre une invasion, plutôt par des forces actives que par l'extension des places fortes; Et de Trois cartes du théâtre de la guerre en 1806, 1812 et 1813, où sont tracées les différentes marches, et les operations calculées par une méthode géométrique. Par L. C. Duchateau, Lieutenant-colonel d'état major, chevalier de l'ordre royal et militaire de Saint-Louis. A Paris, Chez Anselin et Pochard (Succrs de Magimel), Libraires pour l'Art militaire, rue Dauphine, no 9. 1822.
- Défense D'Ancone, et des départemens Romains, Le Tronto, Le Musone et Le Metauro; par le général Mennier, aux Année VII et VIII. Ouvrage méle d'episodes sur l'état de la politique, de la morale et des arts à Raguse, et dans les villes principales de l'Italie, à cette époque. Orné de cinq gravures. Par Michel-Ange-Bernard Mangourit, Ex-commissaire des relations de la capitulation, associe libre de la Société philotechnique de Paris, et membre de la Société des Sciences phisique de Lausanne. Tome second. P.: Charles Pougens, Imprimeur-Libraire, quai Voltaire, n.o 10. An X — 1802.
- Défense du système de guerre moderne, Ou Réfutation complete du Système de M. de M... D... Par l' Auteur de l'Essai général de Tactique. Tome Premier. Neuchatel: S/i. MDCCLXXIX.
- Dissertation sur l'ordonnance de l'infanterie, par le général de brigade H. Meunier. P.: Magimel. An XIII — 1805.
- Dissertation sur l'ordonnance de l'infanterie, par le général de brigade H. Meunier. A Paris, Chez Magimel, Libraire pour l'Art militaire, quai des Augustins, N° 73. An XIII — 1805.

- Elemens de la Tactique de l'Infanterie, ou Instruction d'un Lieutenant-Général Prussien, pour les Troupes de son Inspection. Traduit de l'Allemand. Avec plans. MDCCLXXXIII.
- Elemens de la Tactique de l'Infanterie, ou Instruction d'un Lieutenant-Général Prussien, pour les Troupes de son Inspection. Traduit de l'Allemand. Avec plans. MDCCLXXXIII.
- Éléments de tactique pour la cavalerie. Par M. Mattin de la Balme, Capitaine de Cavalerie, ancien Officier-Major de la Gendarmerie de France. A Paris, Chez Jombert, Fils aîné, Lib. rue Dauphine, Ruault, libraire, rue de la Harpe. MDCCLXXVI.
- Essai général de Tactique, précède d'un discours sur l'état actuel de la Politique & de la Science Militaire en Europe; avec le plan d'un ouvrage intitulé: La France politique et militaire. Tome premier. Londres: Libraries Associés. MDCCCLXXII.
- Essai sur les grandes operations de la Guerre, ou Recueil des Observations de différens Auteurs, sur la maniere de les perfectionner. Par M. le Baron d'Espagnac, Brigadier des Armée du Roi. Tome premier. A la Haye, & se trouve a Paris, Chez Ganeau, rue Saint Severin, aux Armes de Dombes. MDCCLV.
- Examen historique et militaire de la principale cause des succès ou des disgraces à la guerre, depuis le premier Cyrus jusqu'à Frederic le Grand. Par Mons. Le Bar. d'Ecrammeville, Capitaine de remplacement au regiment de Cambresis. Tome premier. 1791.
- Freie Gedanken über einige Theile Der Kriegskunst; C'est-à-dire: Pénées libres sur différentes Parties De L'Art de la Guerre. Nouvelle Édition, faite d'après celle de Francfort; revue & enrichie d'un vocabulaire Allemand-François. Pour l'usage de l'Ecole Royale Militaire. Par M. Junker, docteur en Philosophie, Professor de la Langue Allemande à l'Ecole Royale Militaire, Membre ordinaire de l'Academie Royale-Allemande de Goettingen. P.: Musier fils. MDCCCLXIV.
- Histoire Événemens militaires et politiques de la dernière guerre, dans les quatre parties du monde. Troisième Édition, Revue, corrigée & augmentée; Par M. De Longchamps, de l'Académie de la Rochelle. Tome premier. A Amsterdam, Et se trouve à Paris, Chez la Veuve Duchesne, Libraire, rue Sainte-Jacques. 1787.
- Instruction concernant l'exercice et les Manœuvres des Troupes a cheval, rédigée sur les ordonnances actuellement en activité, et suivre de cent-cinquante-deux Planches. Nouvelle Édition. A Paris, Chez Magimel, Libraire pour l'art militaire et les sciences et arts, quai des Augustins, près le Pont Neuf. An X — 1801.
- Instruction concernant les manœuvres des troupes a cheval, rédigée sur les ordonnances actuellement en activité, Et suivie de cent-quarante-deux Planches. Nouvelle Édition. A Paris, Chez Magimel, Libraire pour l'Art militaire et les Sciences et Arts, quai des Augustins, près le Pont-Neuf. An X — 1802.

- Manuel de Cavalerie, a l'usage des Cavaliers, Brigadiers, et Sous-Officiers, en temps de paix et en temps de guerre; Imprimé pour la première division de la Garde royal, par ordre de Monsieur le Lieutenant-Général Comte de Bordesoulle, commandante cette division. Basé sur les Reglemens de service intérieur des 24 juin 1792 et 22 mai 1816; sur ceux de service en campagne du 12 août 1788, de Schoenbrunn 1809; et sur les Instructions du roi de Prusse à ses troupes légères, Melfort, Montécuculi, Guibert, etc. Par l'Auteur du Guide des Officiers de Cavalerie. A Paris, de l'Imprimerie de Didot jeune, rue des Maçons Sorbonne, n° 13. 1817.
- Manuel du général et de l'officier, ou cahiers militaires portatifs, contenant Une nouvelle Idée sur le Génie, des remarques & extraits sur ce qui concerne une Armée & le service militaire en général, &c. Par Mr. de Tissot Grenus, Ancien Commandeur d'un corps de troupes & Lieutenant-Colonel au service de L. H. P. les Etat-Généraux de Hollande. Avec douze planches en taille-douce. A La Haye, Et se vend à Lausanne, Chez Jules Henri Pott et Comp. 1790.
- Mémoires sur l'organisation de la Cavalerie et sur l'administration des corps, par M. le lieutenant-général Préval; imprimés en fevrier 1815, par ordre de son excellence le ministre de la guerre. A Paris, Chez Magimel, Anselin et Pochard, Libraires pour l'Art militaire, rue Dauphine, n° 9. 1816.
- Notice sur les principaux Historien anciens et modernes, considérés militairement // Mémorial topographique et militaire, redige au dépôt général de la guerre... № 2. Historiqué. IVe. Trimestre de l'an X. P.: Imprimerie de la République. Brumaire an XI. P. 42-122.
- Nouvelles Découvertes sur la Guerre, dans une dissertation sur Polybe. Ouvrage utile & nécessaire à tous les Généraux, Commandans & Officiers d'Armées. Par le Sr. de Folard, Chevalier de l'Ordre Militaire de S. Louis & Mestre de Camp d'Infanterie. Seconde Édition. Revue par l'Auteur. Brusselle; P.: F. Foppens; N. Tilliard. MDCCLIII.
- Observation sur le canon, par rapport a l'Infanterie en Général, et a la colonne en particulier; Suivies de quelques Extraits de l'Essai sur l'usage de l'Artillerie, avec les réponses. A Amsterdam, Et se trouve, a Paris, Chez Charles Antoine JOMBERT, Libraire du Roi pour l'Artillerie & le Génie, rue Dauphine, à l'Image Notre Dame. MDCCLXXII.
- Ordonnance provisoire sur l'exercice et les manœuvres de la Cavalerie, redigée par ordre du ministre de la guerre. P., 1804.
- Ordonnance provisoire sur l'exercice et les manœuvres de la Cavalerie, redigée par ordre du ministre de la guerre. Du 1er vendémiaire an XIII. A Paris, Chez Magimel, libraire pour l'art militaire, quai des Augustins, № 73. AN XIII — 1804.
- Ordonnance provisoire sur l'exercice et les manœuvres de la Cavalerie, rédigée par ordre du ministre de la guerre. Du 1er vendémiaire an XIII. Planches. A Paris, Chez Magimel, libraire pour l'art militaire, quai des Augustins, № 73. AN XIII — 1804.

- Ordonnance provisoire sur l'exercice et les manœuvres de la cavalerie, redigée par ordre du ministre de la Guerre. Du 1.er vendémiaire An XIII. Seconde édition. Planches. A Paris, Chez Magimel, Libraire pour l'Art militaire, rue Thionville n.o 9. An 1808.
- Petit Manuel du canonnier, ou Instruction générale sur le service de toutes les bouches à feu en usage dans l'artillerie. Troisième Édition. Augmentée de la Manœuvre d'une pièce de 4, et ornée de Planches. Prix 2 liv. broché. A Paris, Chez Magimel, Libraire pour l'Art militaire et les sciences et art, quai des la Vallée, près le Pont-Neuf. L'an deuxième de la République.
- Planches relatives à l'Instruction concernant l'exercice et les Manœuvres des Troupes a cheval. A Paris, Chez Magimel, Libraire pour l'art militaire et les Sciences et Arts, quai des Augustins n.o 73, près le Pont-Neuf. An X – 1801.
- Règlement provisoire sur le service intérieur des troupes a cheval, Dont l'exécution est ordonnée par S. Ex. M. le Duc de Feltre, Ministre Secrétaire d'État au Département de la guerre. Deuxième édition. A Paris, Chez Magimel, Anselin et Pochard, Libraires pour l'Art militaire, rue Dauphine, n. 9. 1816.
- Théorie de l'art du mineur; par M. J. M. Geuss, Professeur de Mathématiques en l'Université de Copenhague. Traduite de l'allemand par M. A. L. Smeets, Capitaine au Régiment des Mineurs & Sapeurs au Service des Provinces-Unies. A Maestricht, Chez Jean-Edme Dufour & Philippe Roux, Imprimeur-Libraires, associés. MDCCCLXXVIII.

В. В. Фролов

ОБРАЗ ГЕРМАНИИ НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКОГО ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ИЗДАНИЯ «ЛЕТОПИСЬ ВОЙНЫ» 1914–1917 гг.

В статье рассматривается и анализируется образ Германии как врага Российской империи в годы Первой мировой войны, который формировали в сознании своих читателей отечественные дореволюционные журналисты на страницах периодического издания «Летопись войны» в первые годы этого военного столкновения (1914–1915 гг.). Можно выделить следующие отличительные черты образа Германии, создаваемого журналистами «Летописи...»: Германия — это главный виновник и зачинщик мировой войны; шовинистское государство; страна лжи и вандализма; нарушитель международного права; угроза славянскому миру.

Ключевые слова: Первая мировая война, информационная безопасность, информационная война, образ врага, общественное сознание, информационное воздействие, Германия, журнал «Летопись войны», история российской журналистики.

В современных политических реалиях ведущие мировые державы уделяют особое внимание вопросам обеспечения своей информационной безопасности. Для этого многие государства в рамках своей внешней политики активизировали использование различного рода технологий информационной войны. Одним из наиболее эффективных инструментов ведения таких войн являются средства массовой информации. Именно благодаря СМИ ещё в начале XX в., в период Первой мировой войны, между участниками данного глобального вооруженного столкновения разгорелась битва за умы людей — первая по-настоящему масштабная информационная война на нашей планете.

В современной научной литературе различного рода аспекты темы информационной безопасности государства рассматривали такие исследователи, как Е. К. Волчинская¹,

¹ Волчинская Е. К. Роль государства в обеспечении информационной безопасности // Информационное право. 2008. № 4. С. 9–17.

А. Ю. Лазарев, П. С. Скопец², М. А. Ческидов³, О. В. Литвиненко⁴, И. Н. Карапетова, О. М. Яковлева⁵, А. А. Смирнов⁶, Ш. А. Мирабдуллаева⁷, А. Госмер⁸ и др.

В условиях информационной войны важнейшее внимание уделяется формированию в общественном сознании образа врага. основополагающей силой, формирующей такой образ, является государство. При этом общественное сознание оказывается под воздействием различных источников информации: публичных выступлений представителей политических элит, официальной публицистики, СМИ и т. д. Для формирования негативного образа врага большое значение имела и имеет периодическая печать.

В представленной статье мы обратимся к рассмотрению образа Германии как врага Российской империи в период Первой мировой войны, создаваемого на страницах публиковавшегося в 1914–1917 гг. периодического издания «Летопись войны» в первые годы этого военного столкновения (1914–1915 гг.).

«Летопись войны» — это военный журнал, являвшийся одним из основных официальных информационных источников Российской империи о событиях Первой мировой во-

² Лазарев А. Ю., Скопец П. С. Информационная безопасность в системе национальной безопасности государства // Вестник Российской правовой академии. 2006. № 4. С. 71–75.

³ Ческидов М. А. Информационная война как угроза экономической безопасности государства // Новый университет. Серия: Экономика и право. 2013. № 4 (26). С. 11–13.

⁴ Литвиненко О. В. Роль масс-медиа в обеспечении информационной безопасности государства // Новый университет. Серия: Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2014. № 2 (35). С. 38–42.

⁵ Карапетова И. Н., Яковлева О. М. СМИ как инструменты обеспечения информационной безопасности современного государства // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2014. № 5–4. С. 238–241.

⁶ Смирнов А. А. К вопросу о международно-правовом обеспечении информационной безопасности государства // Актуальные проблемы современного международного права. 2014. С. 93–104.

⁷ Мирабдуллаева Ш. А. Роль и влияние информационной безопасности на международные процессы // Наука и Мир. 2016. Т. 3. № 3 (31). С. 123–125.

⁸ Госмер А. Информационная безопасность и перспективы мирового развития // Дипломатическая служба. 2010. № 6. С. 48–57.

йны. Это еженедельное иллюстрированное периодическое издание издавалось на протяжении большей части войны: с 1914 г. до свержения монархии в России. Всего было выпущено 132 номера «Летописи...». Главным редактором журнала являлся генерал-майор Д. Н. Дубенский. Печаталось данное издание в типографии «Товарищество Р. Голике и А. Вильборг» в Санкт-Петербурге⁹.

В № 1 за 1914 г. в заметке «До войны» её автор С. Недачин отмечает, что «ненасытная алчность толкала немцев на дальнейшие завоевания и территориальные приобретения от чужих народов... Не довольствуясь победой при Седане и захватом у французов богатейших областей в Эльзасе и Лотарингии, немцы обратили свои взоры на Ближний Восток, где расположились беззащитные мелкие славянские народности»¹⁰. Автор данной статьи возлагает всю ответственность за разжигание мировой войны именно на Германию. По мнению С. Недачина, Первая мировая война — это «великая борьба европейских народов со стремлением германизма к достижению полной гегемонии в Европе»¹¹.

В № 3 за 1914 г. в разделе «Наша печать» журналисты «Летописи...» анализируют российскую прессу, пишущую о событиях войны. В частности, они обращают внимание своих читателей на одну из публикаций газеты «Вечернее время», в которой говорится о том, что «Германия и Австрия ведут войну исключительно за грубые шкурные интересы... Что добыли бы, если бы победили, Германия и Австрия? Новые торговые выгоды и право насильничать на законном основании, так как они заставят мир признать их гегемонию... Нам не нужно никакой гегемонии, против насильников мы и поднимали голос...»¹².

В материалах рубрики «На Руси» (№ 3 за 1914 г.) представлено следующее важное сообщение идеолого-патриотического характера: «В настоящее время, когда немцы показали

⁹ Фролов В. В. Журнал «Летопись войны 1914–1917 гг.» как информационный источник о событиях Первой мировой войны // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 26. [Электронный ресурс]: URL: <http://e-koncept.ru/2016/46436.htm> (дата обращения: 16.12.2016).

¹⁰ Летопись войны. 1914. № 1. С. 7.

¹¹ Там же. С. 12.

¹² Летопись войны. 1914. № 3. С. 46–47.

всему миру, кто они и что они, нашему ли богатому русскому языку обращаться за помощью к немецкому и брать из немецкого словаря название для царствующего града нашего»; «... Нет более Петербурга, а имеется столица Российской империи Петроград»¹³.

В публикации рубрики «За границей»¹⁴ (№ 4 за 1914 г.) её автор обвиняет германского императора Вильгельма II Гогенцоллерна в наглой лжи и отмечает, что кайзер в этом искусстве «превзошёл змея-искусителя»: «...Согласно новой заповеди Гогенцоллерна, каждый германский солдат должен существовать не для интересов Отечества, а “для жён и детей своих [Вильгельма II. – В. Ф.]”»¹⁵. В статье внимание читателей также обращено на то обстоятельство, что «не к лучшим приёмам прибегают немцы и для собственного патриотического воодушевления. Так, 3 сентября в иллюстрированном приложении к газете “Berliner Tageblatt” напечатаны фотографии германских разрушений г. Калиш [польский город, подвергшийся варварскому разрушению со стороны немецких войск в 1914 г. – В. Ф.]. Те же самые фотографии помещены 7 сентября в газете “Hamburger Fremdenblatt”, но уже с надписью: “Разрушенный русскими город Восточной Пруссии”». По мнению автора анализируемой публикации, приведенный факт показывает, «до какой степени безнравственности дошёл наш противник в измышлениях всяких небывлиц о русских зверствах»¹⁶. В конце статьи внимание читателей «Летописи...» акцентируется на том, что «население в Германии в безумном страхе прячет своё золото и серебро. В стране насчитываются миллионы безработных, из коих три четверти женщины... Подвоз из-за границы пищевых продуктов прекратился, а того, что вырабатывается в стране, абсолютно не хватает. От такой жизни поневоле приходится изворачиваться и пускаться на всякие лживые хитрости»¹⁷.

В № 6 за 1914 г. в рубрике «За границей»¹⁸ содержится обвинение Германии в вандализме. «Весь мир содрогается при виде погрома немцами божественных и человеческих зако-

¹³ Летопись войны. 1914. № 3. С. 49.

¹⁴ Автор статьи не указан.

¹⁵ Летопись войны. 1914. № 4. С. 67.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 68.

¹⁸ Автор статьи не указан.

нов. Подобно подвигу Герострата, уничтожение сокровищ Брюсселя, Малина и Лувена, бессмысленное разрушение чуда искусства — Реймского собора, всё это попадёт на страницы мировой истории и навсегда обесславит немцев». Автор данной публикации обращает внимание читателей журнала на то обстоятельство, что «произведения искусства, храмы и памятники охраняются от ужасов войны ст. 27 Гаагской конвенции 1907 г., подписанной Германией. Но что для немца значит собственная подпись “на клочке бумаги”, и какое может быть там право, раз существует тевтонский кулак»¹⁹. По мнению журналиста, немцы — это варвары XX века.

В статье этого же номера «Летописи...» «Эхо печати»²⁰ до читателей доводится мысль о том, что «настоящая война является борьбой против унижительного немецкого гнёта, который вот уже в течение нескольких десятилетий тяготеет над Европой. Постоянная угроза миру со стороны австро-германской коалиции, подкреплённая непрерывными вооружениями, держала европейские народы под гипнозом немецкого могущества, немецкой непобедимости, немецкого превосходства во всех областях науки и техники. Эта всеобщая уверенность в немецком превосходстве... стала для самих немцев символом национальной веры, постоянным источником самовосхищения, призрачного ко всему не немецкому и негодования от малейших попыток освободиться от немецкого гипноза»²¹. По мнению автора, России и другим европейским странам предстоит огромная работа в самых различных областях политики, науки и искусства по радикальному очищению от всего «немецкого».

В статье «Эхо печати. Безумство храбрых и автоматический героизм»²² (№ 9 за 1914 г.) автор обвиняет германскую армию в «бесчестном героизме». По его мнению, немецкий солдат, «с одной стороны — это свирепые, упорные, настойчивые атаки; с другой — ряд позорнейших деяний, нарушающих весь кодекс военной чести: злоупотребления неприятельскими мундирами, красным крестом и белым флагом, разрывные пули, добивания раненых, грабежи, погромы,

¹⁹ Летопись войны. 1914. № 6. С. 97.

²⁰ Автор статьи не указан.

²¹ Летопись войны. 1914. № 6. С. 99.

²² Автор статьи не указан.

пытки, издевательства, убийство мирных жителей, насильственные женщины...»²³. Журналист обвиняет немцев в шовинизме. «Система германского героизма заключается именно в отрицании чести. Традиционный “честный” героизм — не ко двору нации, в течение полувека живущей в безграничном шовинизме... Немецкие военные теоретики, подвергшие в своих лабораториях героизм тщательному научному анализу, совершенно последовательно выбросили за борт воинскую честь, абсолютно не совместимую с немецким национальным самосознанием — шовинизмом»²⁴. В качестве доказательства своей точки зрения автор статьи приводит отрывки из напутственного слова германского императора Вильгельма II немецким солдатам, отправлявшимся в 1914 г. в Китай: «Вступив на почву Китая, знайте: пощады нет, врагов в плен не брать. Ведите войну так, чтобы даже через тысячу лет ни один китаец не помыслил косо взглянуть на немца...». В завершение журналист отмечает, что «бездушный, звериный, а следовательно, бесчестный героизм — это и есть система немецкого героизма, совершенно последовательного и вытекающего из основных принципов немецкой тактики»²⁵. При этом убить в немецком солдате душу помогает «прекрасное средство — алкоголь, огромное потребление которого в немецкой армии удостоверено многочисленными свидетельствами»²⁶.

В № 13 за 1914 г. в рубрике «На Руси» журналисты «Летописи...» акцентируют внимание своих читателей на том, что Германия несёт смертельную угрозу всему славянству. «Быть объединённому славянству или не быть — вот что скажут результаты настоящей войны... Пока не будет разбита Германия, не может быть и речи о мире»²⁷.

В статье «Полгода войны» (№ 24 за 1915 г.) Германия обвиняется в целенаправленном вовлечении в войну новых государств-участников, которым это военное столкновение было не так уж и необходимо. «Именно Вильгельм увлёк в войну с нами Турцию... Под его давлением немецкая партия в Константинополе одержала верх над голосами благоразумия»²⁸.

²³ Летопись войны. 1914. № 9. С. 149.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 150.

²⁷ Летопись войны. 1914. № 13. С. 213.

²⁸ Летопись войны. 1915. № 24. С. 386.

При этом автор публикации²⁹ отмечает, что «неизвестно, как долго выдержит Германия настоящую войну. Потери её достигают до 2,5 миллионов людей. Запасы людей для покрытия этих потерь уже исчерпаны... И чувствуется уже приближение момента, когда наша армия, закалённая полугодовальным пребыванием в победоносных боях, сломит последнее сопротивление обесиленного противника...»³⁰.

В рубрике «Политическое обозрение» этого же номера делается акцент на том, что «...за полгода войны Германия оказалась экономически разбитой». Отрезанная от всего мира дозорными судами английской блокады и потерявшая $\frac{3}{4}$ своего торгового флота, Германская империя не может более жить продуктами производства своей страны. Ей грозит буквально голод — основа всех экономических потрясений... Объявленная в Берлине государственная монополия на продажу хлеба, перемешанного к тому же с картофельной мукой, угрозы штрафом и тюрьмой за потребление хлеба более 2,5 килограммов на человека в неделю, призыв правительства к кухаркам «беречь отбросы», — всё это является красноречивым показателем действительного положения экономической жизни Германии»³¹. Журналисты «Летописи...» также обращают внимание своих читателей на то, что «не только “хлебный голод” грозит Германии; он грозит ей и в других областях промышленности, — особенно в металлургической, столь важной в военное время. Скупка германцами в нейтральных странах меди, даже низкого сорта и бывшей в употреблении, определённо говорит о том, что рост крупновских пушек должен скоро остановиться»³².

В № 27 за 1915 г. в рубрике «За границей» Германия опять предстаёт нарушителем международного права. «Германское правительство объявило под блокадой Северное море, чтобы обуздать Англию, закрывшую всякий доступ жизненных припасов в империю». При этом Германия выдвинула угрозу «топить всякое нейтральное судно, приближающееся к берегам Великобритании». Осуществление этой угрозы — есть полное нарушение Гаагской конвенции 1907 г. и Лондонской

²⁹ В конце данной статьи указаны только инициалы её автора — «С. И.».

³⁰ Летопись войны. 1915. № 24. С. 386.

³¹ Там же. С. 386–387.

³² Там же. С. 387.

морской декларации 1909 г., подписанных Германией³³. Эта угроза была реализована уже через три дня после объявления блокады: «8 февраля [1915 г. – В. Ф.], недалеко от острова Боркума погиб на немецкой mine американский пароход “Эвелин”, а на следующий день был пущен ко дну германскою подводною лодкою норвежский пароход “Бельридж”»³⁴.

Таким образом, анализируя материалы, представленные на страницах военного журнала «Летопись войны» за 1914–1915 гг., мы можем отметить ряд характерных черт образа Германии, создаваемого журналистами данного периодического издания; по их мнению, Германия — это главный виновник и зачинщик мировой войны; шовинистское государство; страна лжи и вандализма; нарушитель международного права; угроза славянскому миру.

Завершая рассмотрение образа Германии, созданного авторами «Летописи...», следует отметить, что он был в определённой степени субъективен и идеологизирован. Это обстоятельство можно объяснить тем, что одной из основных целей «Летописи войны», как и многих других правительственных и официозных печатных СМИ того времени, было не только внушить ненависть к государству, являвшемуся лидером Тройственного (позднее — Четверного) союза, но и убедить население России в необходимости войны с этим агрессором. При этом в самой Германии происходил похожий процесс по созданию образа врага в лице Российской империи и её союзников по Антанте.

В заключение следует отметить, что в России, как и в других ведущих странах мира, уже в начале XX в. периодической печати отводилась особая роль в информационном воздействии на массовое сознание. Правительственные СМИ на своих страницах могли формировать практически любой образ государства или народа («отрицательный», «нейтральный» или «положительный»), который в определённый момент истории был им необходим и соответствовал политическим интересам Российской империи. На современном этапе истории человечества СМИ превратились в мощный инструмент ведения информационных войн, которые, в свою очередь, в XXI в. стали одним из ключевых элементов внешней политики ведущих мировых держав.

³³ Летопись войны. 1915. № 27. С. 436.

³⁴ Там же. С. 438.

Источники

Летопись войны. 1914–1915. №№ 1, 3, 4, 6, 9, 13, 24, 27.

Литература

- Волчинская Е. К.* Роль государства в обеспечении информационной безопасности // Информационное право. 2008. № 4. С. 9–17.
- Госмер А.* Информационная безопасность и перспективы мирового развития // Дипломатическая служба. 2010. № 6. С. 48–57.
- Каранетова И. Н., Яковлева О. М.* СМИ как инструменты обеспечения информационной безопасности современного государства // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2014. № 5–4. С. 238–241.
- Лазарев А. Ю., Скопец П. С.* Информационная безопасность в системе национальной безопасности государства // Вестник Российской правовой академии. 2006. № 4. С. 71–75.
- Литвиненко О. В.* Роль масс-медиа в обеспечении информационной безопасности государства // Новый университет. Серия: Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2014. № 2 (35). С. 38–42.
- Мирабдуллаева Ш. А.* Роль и влияние информационной безопасности на международные процессы // Наука и Мир. 2016. Т. 3. № 3 (31). С. 123–125.
- Смирнов А. А.* К вопросу о международно-правовом обеспечении информационной безопасности государства // Актуальные проблемы современного международного права 2014. С. 93–104.
- Фролов В. В.* Журнал «Летопись войны 1914–1917 гг.» как информационный источник о событиях Первой мировой войны // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 26. [Электронный ресурс]: URL: <http://e-koncept.ru/2016/46436.htm> (дата обращения: 16.12.2016).
- Ческидов М. А.* Информационная война как угроза экономической безопасности государства // Новый университет. Серия: Экономика и право. 2013. № 4 (26). С. 11–13.

Фролов Василий Владимирович, старший преподаватель кафедры связей с общественностью и журналистики, кандидат исторических наук (Псковский государственный университет; Псков, Россия); эл. почта: frolov1406@mail.ru

The Image of Germany on the Pages of Russian Pre-revolutionary Periodical "Chronicle of the War" of 1914-1917

The article discusses and analyzes the image of Germany as an enemy of the Russian Empire during the First World War. It was formed in the minds of the readers by the pre-revolutionary Russian journalists on the pages of the periodical "Chronicle of the War", in the first years of military clashes (1914-1915). As a part of this study, the author has analyzed more than 30 issues of the journal "Chronicle of the War". Consequently, the author of the paper comes to the conclusion that at the beginning of the 20th century periodicals played a special role in the informational impact on people's minds in Russia. Government media could generate on their pages almost any image of the state and the people, which might be necessary at this moment of history of the government in power, provided that it was consistent with the political interests of the Russian Empire. At this stage of the global community media has turned into one of the most effective tools in information warfare, which, in its turn, has become one of the key elements in foreign policy of the leading world powers in the 21st century. The article may be useful to all those who are interested in the history of the First World War and the history of Russian journalism at the beginning of 20th century.

Key words: the First World War, information warfare, information security, enemy image, social awareness, information influence, Germany, the journal "Chronicle of the War", history of Russian journalism.

Vasilii Frolov, Senior Lecturer of the Department of Public Relations and Journalism, Candidate of Historical Sciences (Pskov State University; Pskov, Russia); e-mail: frolov1406@mail.ru

References

- Volchinskaya E. K. Rol' gosudarstva v obespechenii informatsionnoy bezopasnosti // Informatsionnoe pravo. 2008. № 4. S. 9-17.
- Gosmer A. Informatsionnaya bezopasnost' i perspektivy mirovogo razvitiya // Diplomaticheskaya sluzhba. 2010. № 6. S. 48-57.
- Karapetova I. N., Yakovleva O. M. SMI kak instrumenty obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti sovremenного gosudarstva // Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoy nauki. 2014. № 5-4. S. 238-241.
- Lazarev A. Yu., Skopets P. S. Informatsionnaya bezopasnost' v sisteme natsional'noy bezopasnosti gosudarstva // Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii. 2006. № 4. S. 71-75.

- Litvinenko O. V. Rol' mass-media v obespechenii informatsionnoy bezopasnosti gosudarstva // Novyy universitet. Seriya: Aktual'nye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk. 2014. № 2 (35). S. 38–42.
- Mirabdullaeva Sh. A. Rol' i vliyanie informatsionnoy bezopasnosti na mezhdunarodnye protsessy // Nauka i Mir. 2016. T. 3. № 3 (31). S. 123–125.
- Smirnov A. A. K voprosu o mezhdunarodno-pravovom obespechenii informatsionnoy bezopasnosti gosudarstva // Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava 2014. S. 93–104.
- Frolov V. V. Zhurnal "Letopis' voyny 1914–1917 gg." kak informatsionnyy istochnik o sobytiyakh Pervoy mirovoy voyny // Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal "Kontsept". 2016. T. 26. [Electronic resource]; URL: <http://e-koncept.ru/2016/46436.htm> (date of access: 16.12.2016).
- Cheskidov M. A. Informatsionnaya voyna kak ugroza ekonomicheskoy bezopasnosti gosudarstva // Novyy universitet. Seriya: Ekonomika i pravo. 2013. № 4 (26). S. 11–13.

А. В. Филимонов

РЕПАТРИАНТЫ В ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1944–1949)

В статье рассказывается о возвращении в Псковскую область в первые послевоенные годы граждан, вывезенных во время Второй мировой войны немецко-фашистскими оккупантами в Германию и другие европейские страны. Рассматриваются динамика процесса репатриации, проблемы устройства репатриированных в родных местах.

Ключевые слова: депортация, репатриация, эвакуация, реэмиграция, приёмно-распределительный пункт, хозяйственное обустройство, «филтрация».

Великая Отечественная война сопровождалась не только колоссальными разрушениями и многомиллионными жертвами, но и массовыми передвижениями населения. Значительная часть мужского населения оказалась в рядах Красной Армии, сражаясь на различных фронтах вдали от родных мест, другие находились в партизанских отрядах, многие советские люди, спасаясь от гитлеровского нашествия, эвакуировались в тыловые районы страны. Эвакуация проводилась в плановом порядке и государственными органами, особенно при перемещении в восточные районы промышленных предприятий, и люди, оказавшиеся в глубоком тылу, ковали победу над врагом. Немалое количество граждан СССР оказалось вывезенным гитлеровскими захватчиками в Германию или в другие страны, оккупированные фашистским «рейхом».

По мере освобождения временно оккупированных советских территорий и перемещения боевых действий за пределы СССР подавляющая масса граждан стала возвращаться в места прежнего жительства, но особенно интенсивно этот процесс развернулся с окончанием войны. Он включал в себя несколько моментов: демобилизацию воинов Красной Армии, реэвакуацию из советского тыла и репатриацию граждан, насильственно вывезенных за пределы страны, составляя в то же

время единое явление, характеризующее возвращение страны к мирной жизни. Каждое из указанных направлений может стать предметом самостоятельного научного исследования, в данной же статье предпринята попытка осветить лишь вопрос о репатриации советских граждан, и делается это на примере одной из российских областей — Псковской, образованной в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 августа 1944 г.

В силу политических соображений, цензурных ограничений, закрытости многих архивных фондов вопрос о репатриации, устройстве и судьбах репатриированных в течение длительного времени почти не изучался. Лишь с 1990-х гг. стали выходить глубокие научные статьи, а затем и монографии общероссийского характера, в которых раскрывался сложный и противоречивый процесс возвращения советских граждан на Родину, условия их жизни и существования после фашистской неволи¹. Появились работы по теме и на региональном уровне, в том числе на примере северо-западных областей РСФСР. И. В. Говоров, например, основывался преимущественно на материалах Ленинградской области, а И. Н. Толстых написал исследование по материалам Новгородской области². О Псковской области, которая, как и Новгородская, в годы войны являлась частью единой обширной Ленинград-

¹ Земсков В. Н. К вопросу о репатриации советских граждан. 1944–1951 годы // История СССР. 1990. № 4. С. 26–41; *он же*. Репатриация советских граждан в 1944–1946 годах. Опираясь на документы // Россия XXI. 1993. № 5. С. 74–81; *он же*. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 3–13; Шевяков А. А. «Тайны» послевоенной репатриации // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 3–11; *он же*. Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационных зонах государств антигитлеровской коалиции // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994. С. 195–222; Полян П. М. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. М., 1996; *он же*. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002.

² Говоров И. В. Репатриация на Северо-Западе РСФСР. 1944–1949 гг. Автореферат дис... канд. ист. наук. СПб., 1998; Толстых И. Н. Репатрианты Новгородской области в 1944–1948 гг. Автореферат дис... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2005.

ской области, таких работ пока что нет. Отдельные региональные сюжеты, правда, имелись уже в работах советского периода, хотя вопрос о репатриации жителей Псковской области в них затрагивался очень кратко и в самом общем плане. А поскольку эти труды являлись историко-партийными исследованиями, то внимание авторов сосредоточивалось преимущественно на агитационно-массовой работе среди репатриированных, другие же важные сюжеты в поле их зрения не попадали³. В обобщающих работах, посвящённых непосредственно Псковской области, эта тема оказалась, по существу, вообще обойдённой⁴.

Между тем, актуальность изучения вопроса для Псковской области очень значима, т. к. территория её в отличие от соседних областей, Ленинградской и Новгородской, была оккупирована противником целиком, она в полной мере испытала на себе все жестокости оккупационного режима, в том числе и массовый угон населения в неволю. Поэтому и репатриация большой массы жителей, размещение и трудоустройство их в дотла разорённом крае протекали значительно труднее. К тому же и вывезено за пределы Псковской области оказалось гораздо больше жителей, чем из соседних территорий. Всего за трёхлетний период оккупации Псковщины было увезено в принудительном порядке 112701 чел., из которых подавляющую массу составляли женщины и дети в возрасте до 16 лет⁵. Учитывая, что по весьма приблизительным подсчётам численность населения вновь образованной области составляла в 1940 г. свыше 860 тыс. чел., то вывезенным оказался почти каждый седьмой её житель. К началу 1945 г., т. е. уже после ча-

³ *Абрамова М. А.* На освобожденной земле: Деятельность Коммунистической партии по возрождению освобожденных от немецко-фашистской оккупации районов северо-западных областей РСФСР. 1944–1950 гг. Л., 1981. С. 18–19, 93–97; *Кутузов В. А.* Возрождение земли Ленинградской: Коммунисты в авангарде восстановления народного хозяйства Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. Л., 1985. С. 78, 85–86.

⁴ Псковский край в истории СССР: Очерки истории. Л., 1970; Очерки истории Псковской организации КПСС. Л., 1971; Псков: Очерки истории. Изд. 2-е. Л., 1990; Псковский край в истории России: Учебное пособие. Псков, 1993.

⁵ Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). Ф. Р-903. Оп. 1. Д. 183. Л. 21.

стичной реэвакуации и репатриации, численность населения области едва превысила 60 % от довоенной⁶.

Поэтому руководство области в целях получения рабочих рук для восстановления хозяйства края было заинтересовано в возвращении как можно большего количества угнанных на чужбину, что в полной мере соответствовало и целям руководства страны. Этот вопрос неоднократно поднимался на переговорах с союзниками по антигитлеровской коалиции в годы войны, на которых СССР требовал обязательной выдачи всех советских граждан независимо от их желания. Поэтому репатриация носила не только характер добровольного возвращения граждан на Родину, но и во многом принудительный, т. к. определённое число освобожденных военнопленных и перемещённых гражданских лиц желало остаться за границей, опасаясь после возвращения репрессий.

Насильственный вывоз населения с территории Псковского края начался оккупантами с 1942 г., но массовый угон был предпринят в период отступления гитлеровских войск в 1944 г. Стремительное наступление советских войск не позволило гитлеровцам вывезти большую часть псковичей в Германию, и они были освобождены на территории республик Прибалтики. Возвращение указанной части вывезенных оказалось более простым делом — как в силу близости к Псковщине территории Эстонии, Латвии и Литвы, так и вследствие непродолжительности пребывания там советских граждан, делавшей ненужной формализованную процедуру проверок и «фильтраций». Поэтому возвращение жителей на Родину началось сразу после освобождения территории Псковской области летом 1944 г.

В октябре 1944 г. было создано Управление Уполномоченного СНК по делам репатриации, а 6 января 1945 г. СНК СССР принял постановление «Об организации приёма и устройства репатриированных граждан». Эти решения стали нормативными документами, регулировавшими процессы репатриации, приёма репатриированных на местах и их хозяйственно-трудового устройства. Псковский облисполком 12 марта 1945 г. принял постановление «О приёме, размещении и хозяйственном устройстве репатриированных совет-

⁶ Отделение документов новейшей истории и по личному составу (далее — ОДНИЛС) ГАПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 395. Л. 164.

ских граждан, возвращающихся в Псков», которым возложил всю работу по приёму и устройству ранее проживавших в Пскове на горисполком, поручив ему создать в городе приёмно-распределительный пункт⁷. На территории области этими вопросами занимались райисполкомы, в 1944 г. при облисполкоме был создан переселенческий отдел (он ведал и другими вопросами, но устройство репатриированных тоже входило в его функции), а вскоре для приёма репатриированных были созданы Псковский и Дновский приёмно-распределительные пункты (областного уровня) и 11 районных пунктов⁸.

6 июля 1945 г. последовало постановление СНК РСФСР «О приёме и устройстве репатриированных советских граждан», а Псковский облисполком 1 августа обсудил меры по его выполнению. С учётом уже проделанной в течение года работы он констатировал, что «приём и хозяйственное устройство репатриированных советских граждан в районах, и особенно в г. Пскове, проходит неудовлетворительно»: райисполкомы не разработали и не представили в облисполком планы размещения и хозяйственного устройства репатриированных, а Псковский горисполком «самоустранился от их приёма на работу». В результате этого большое количество трудоспособных проживало на приёмно-распределительных пунктах — без прописки и без работы, денежные средства и фонды промтоваров, отпущенные райисполкомам на оказание помощи остро нуждавшимся репатриированным гражданам, использовались слабо, органы народного образования не занимались учётом и размещением по детдомам детей, прибывающих без родителей, плохо оказался поставленным учёт возвращающихся. Облисполком обязал местные органы власти в кратчайшие сроки навести в этом деле порядок, и не позднее 15-го числа каждого месяца представлять письменные отчёты о проделанной работе⁹.

Всего к 1 октября 1945 г. в область вернулось 90794 чел. репатриированных, больше всего их прибыло в Псковский, Порховский, Дедовичский, Славковский районы и в город Псков. Возвращались они преимущественно из Германии или с пути следования в эту страну (из Прибалтики, Восточной Пруссии, Польши), а вместе с ними учитывались и переселя-

⁷ ГАПО. Ф. Р-903. Оп. 1. Д. 82. Л. 150.

⁸ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 73. Л. 85.

⁹ ГАПО. Ф. Р-903. Оп. 1. Д. 92. Л. 2-5.

емые из Финляндии «ингерманландцы». Последние в довоенные годы на территории Псковской области не проживали, а были угнаны в Финляндию из нескольких районов Ленинградской области. В соответствии с Постановлением ГКО «О переселении из Финляндии ранее проживавшего в Ленинградской области населения ингерманландского происхождения» от 19 ноября 1944 г., местом их расселения было определено несколько областей РСФСР, в том числе Псковская. Они являлись, таким образом, тоже репатриантами, но не «псковскими», т. к. здесь оказались впервые в качестве вселённых в принудительном порядке¹⁰. За вычетом их цифра вернувшихся в Псковскую область прежних её жителей к 1 октября 1945 г. окажется меньшей. По указанным четырём районам картина репатриации была следующей¹¹:

Таблица 1

Районы	Прибыло всего граждан (человек)	Из Германии	С пути следования в Германию	Из Финляндии
Псковский	23566	4986	18580	—
Порховский	12518	2876	8442	1200
Дедовичский	9846	2524	7042	280
Славковский	5941	611	4892	438

Основная масса репатриантов вернулась в Псковскую область в течение 1944–1945 гг., хотя возвращение продолжалось и в последующее время, но уже в неизмеримо меньшем количестве. В 1946 г., например, таковых оказалось всего 329 чел. В целом же процесс репатриации в 1944–1946 гг. характеризуется следующими показателями¹²:

¹⁰ Подробнее об этом см.: Филимонов А. В. «Ингерманландское» население в северо-западных областях РСФСР в конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы (1944–1948 гг.) // *Метаморфозы истории*. 2014. Вып. 5. С. 424–451; *он же*. «Ингерманландцы» в Псковской области (конец 1940-х — начало 1950-х гг.) // *Метаморфозы истории*. 2015. Вып. 6. С. 275–382.

¹¹ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 73. Л. 85.

¹² ГАПО. Ф. Р-903. Оп. 1. Д. 183. Л. 21.

Таблица 2

Число репатриантов	На 1.01.1946 г.	На 1.01.1947 г.	За весь период
Всего, в том числе:	96733	329	97062
мужчин	30509	92	30601
женщин	66224	237	66561
Из них трудоспособных:			
мужчин	8953	76	9029
женщин	39930	158	40088
Детей до 16 лет	35321	39	35360
Детей, потерявших родителей	163	14	177

На этом репатриацию бывших жителей Псковской области можно было считать завершённой, т. к. количество вернувшихся в последующие годы исчислялось уже единицами: за весь 1947 г. — 14 чел., а в 1948 г. — только один¹³.

В связи с этим уже в 1946 г. были ликвидированы областные приёмно-распределительные пункты: Псковский — в апреле, Дновский — в сентябре¹⁴, и теперь главная работа сводилась к трудоустройству и обеспечению репатриированных; сосредоточивалась она в переселенческом отделе облисполкома. Всего же за 1944–1948 гг. в область вернулось в общей сложности 97077 чел., т. е. далеко не все из вывезенных оккупантами (112701 чел.). В связи с этим в декабре 1948 г. из Переселенческого управления при Совете Министров РСФСР в Псков поступило следующее предписание: «В настоящее время органы репатриации усиливают работу по розыску и выявлению советских граждан, которые ещё не возвратились на Родину в результате различных препятствий, чинимых враждебными элементами нашему государству. По данным учёта по состоянию на 1 ноября 1948 г. в вашей области числится не возвратившихся 15624 чел. Придавая особое значение этой работе, Переселенческое управление при СМ РСФСР предлагает: принять меры к сбору материалов о работе и местонахождении через родственников и знакомых о гражданах, которые ещё не вернулись в СССР», на предмет их возвращения¹⁵.

¹³ ГАПО. Ф. Р-1121. Оп. 2. Д. 9. Л. 7; Д. 11. Л. 5.

¹⁴ ГАПО. Ф. Р-1121. Оп. 2. Д. 4. Л. 11.

¹⁵ ГАПО. Ф. Р-1121. Оп. 2. Д. 11. Л. 6.

Областное руководство тоже было обеспокоено тем, что немалая часть оказавшихся за пределами страны жителей (около 14 %) не возвратилась в родные места, тем более, что уже тогда ощутимо сказывались демографические последствия войны. В течение 1946 г., например, численность городского населения в области увеличилась на 13,5 тыс. чел., в то время как сельское население, наоборот, сильно сократилось — на 29,4 тыс. чел. Произошло это в результате переселения части сельских жителей в города, в другие регионы страны и уменьшения естественного прироста¹⁶. В таких условиях жизненно важным для области являлся любой источник пополнения людских ресурсов, в том числе и репатриация. Но надежды на неё после 1948 г. всё больше угасали: те из прежних жителей, кто пожелал вернуться на Родину, это уже сделал, а многие не могли вернуться по той простой причине, что погибли или умерли на чужбине. Некоторая часть избрала местом жительства другие области и республики СССР, но были и такие, кто просто не пожелал вернуться и остался проживать за границей, пополнив ряды «второй волны» эмиграции. В 1949 г. в порядке репатриации удалось вернуть в Псковскую область всего 111 советских граждан (65 мужчин и 46 женщин), из них 93 трудоспособных¹⁷.

Правда, Псковская область, хотя и в очень малой степени, столкнулась с таким явлением, как реэмиграция: стали возвращаться отдельные граждане, покинувшие Россию еще до начала Второй мировой войны, или же потомки эмигрантов «первой волны». Так, в ноябре 1946 г. в Псков вернулась из Франции семья бывшего русского эмигранта Федотова (4 чел.). Сам Федотов устроился работать на шпагатную фабрику, работали и все остальные члены семьи; им была предоставлена от предприятия двухкомнатная квартира. В ноябре 1947 г. в область прибыло уже 8 таких семей (12 чел.), в 1948 г. — ещё четыре (7 чел.) — из Франции и Чехословакии. Среди них преобладали одинокие граждане: Владимир Иванович Плихта — из Франции, Татьяна Всеволодовна Витторф и Евгения Николаевна Акрман-Мельникова — из Чехословакии; из Сахалинской области прибыл переселившийся туда из Франции Павел Андреевич Вознесенский с тремя членами

¹⁶ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 395. Л. 165.

¹⁷ ГАПО. Ф. Р-1121. Оп. 2. Д. 17. Л. 5.

семьи. Прибывший из Франции одинокий Иван Ефимович Михайлов в 1948 г. умер от болезни. Большинство прибывших поселилось в общежитиях по месту трудоустройства, а в перспективе надеялось получить более комфортное жильё. Но сразу же возникли и проблемы. В связи с тем, что 8 семей прибыли в конце 1947 г., они не успели сразу получить ни земельных участков под индивидуальное жилищное строительство, ни ссуд на страхование и хозяйственное обзаведение. В результате проведённого вскоре обследования было установлено, что реэмигранты устроились всё же удовлетворительно, особенно с учётом трудных жилищных условий в Пскове. К концу 1948 г. 6 семей проживали в коммунальных квартирах и 8 семей — в отдельных комнатах частновладельческих домов. Большинство из прибывших сразу же включились в трудовую деятельность. Из 18 чел. трудоспособных 15 чел. устроились на работу в предприятиях и организациях (не работало всего 3 чел.: две домохозяйки и один — по болезни). Например, Яков Иванович Сюньков работал столяром на авторемзаводе, там же трудились два его сына; все они выполняли нормы выработки, а заработали они вместе за месяц 2066 руб. В 1948 г. в переселенческий отдел облисполкома поступило заявление от В. И. Плихты с просьбой оказать содействие в устройстве на работу, т. к. с прежнего места он был уволен. Просьба была удовлетворена: Плихта был устроен в Псковскую районную контору «Торгплодоовощ».

По данным на 1 января 1950 г. в области проживало 10 семей (24 чел.) реэмигрантов (21 чел. из Франции, 2 — из Чехословакии и один новорождённый). «Никаких заявлений и жалоб от прибывших из Франции и Чехословакии не было», «Политико-моральное состояние граждан, прибывших из-за границы, удовлетворительное», — отмечалось в отчётах переселенческого отдела. В 1949 г. со стороны Е. Н. Акрман-Мельниковой была предпринята попытка выехать из Пскова в Карелию: «Был ею уже получен пропуск, но после проведённой беседы в Переселенческом отделе последняя решила остаться... Так же поступил и Сюньков, попытавшийся выехать в Тюмень...». «Теперь можно считать, что все граждане, прибывшие из-за границы до 1949 г., прочно закрепились в Псковской области», — делал вывод отдел¹⁸.

¹⁸ ГАПО. Ф. Р-1121. Оп. 2. Д. 9. Л. 3, 13-14; Д. 13. Л. 10; Д. 17. Л. 4-5.

Небольшое число реэмигрантов, прибывших в область, существенным образом на положение с трудовыми ресурсами не повлияло, хотя их тоже необходимо было трудоустроить, обеспечить жильём и оказать предусмотренную государством помощь. В этом отношении они не отличались от основной массы репатриантов.

Возвращение большого числа репатриированных на Родину было сопряжено с многими трудностями, обусловленными, прежде всего, тяжёлыми последствиями немецко-фашистской оккупации. Наиболее острой оказывалась жилищная проблема, особенно в разрушенных почти дотла городах. В ряде сельских районов, где деревни уцелели, она решалась проще, хотя и не повсеместно. Репатрианты при возвращении надеялись поселиться в собственных домах, однако после прибытия на Родину часто оказывалось, что жильё их было разрушено или требовало капитального ремонта, либо занято другими людьми. Поэтому не являлось редкостью проживание репатриантов в приспособленных помещениях, мало пригодных для жилья, в блиндажах, подвалах, лачугах и землянках, или же они по решению органов власти подсалялись в порядке уплотнения к другим жильцам. В конце 1945 г. обстановка с расселением репатриантов по нескольким районам области была следующей¹⁹:

Таблица 3

Районы	Всего прибыло репатриантов (чел.)	Прожили в собственных домах и предоставленных квартирах	Размещены в порядке уплотнения	Прожили в землянках
Порховский	12218	9531	2332	456
Славковский	5941	3500	1800	641
Пожеревицкий	1991	1077	893	21

Кроме репатриантов в жильё нуждались и другие категории, прибывающие в область — демобилизованные из армии, эвакуированные из советского тыла, возвращающиеся из лесов местные жители, как и проживавшие в период оккупации в родных местах. По мере восстановления пострадавшего жилищного фонда и развёртывания нового строительства по-

¹⁹ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1219. Оп. 1.Д. 73. Л. 86.

ложение с размещением репатриантов, как и всех остальных граждан, стало постепенно улучшаться. Многие промышленные предприятия и строительные организации эту задачу решали весьма успешно, занявшись в первую очередь восстановлением и оборудованием общежитий и жилых домов. Так, значительную работу по жилищно-бытовому устройству своих работников, в том числе репатриированных, провёл Псковский льнокомбинат: более 200 репатриантов, работающих на комбинате, к концу 1945 г. проживали в капитально отремонтированных домах. «Всё новые и новые группы псковичей возвращаются в родной город, — писала по этому поводу областная газета «Псковская правда». — Как тяжёлый сон, остались позади ужасы немецкого плена, рабский труд, издевательства. Истосковавшиеся по родине люди жадно вглядываются в знакомые профили улиц, ищут глазами привычные очертания своих домов. Но домов многие не нашли — они разрушены немцами. 167 чел. репатриированных направлены на льнокомбинат. Коллектив его приветливо встретил земляков. Бригады штукатуров тов. Артемьева и плотников т. Фёдорова оставались по вечерам, чтобы быстрее восстановить общежитие. 14 семей репатриантов переселены из временных помещений в заново отделанные чистые дома. Приехавшие снабжаются топливом и овощами. Большую массово-политическую работу среди них проводит партийная организация: члены её бывают в общежитиях, читают газеты, проводят беседы. На каждую комнату выписано по 2–3 экземпляра газет... Репатриированные работают в коллективе льнокомбината: на разборке завалов, кладке кирпича, земляных работах и др.»²⁰.

Но так обстояло дело далеко не везде. Трудности начинались уже в 1944–1945 гг., с момента прибытия первых репатриантов в приёмно-распределительные пункты. Чаще всего на станциях прибытия не было жилых построек, и прибывшие вынуждены были ютиться в полуразрушенных помещениях, или же в ожидании транспорта для переезда к местам вселения ночевать прямо под открытым небом. В Пскове положение облегчалось тем, что приёмно-распределительный пункт был организован в зданиях бывших казарм Иркутского полка, — хотя и полуразрушенных, но расположенных вблизи от

²⁰ Корганова Т. Тепло встретили репатриированных // Псковская правда. 1945. 23 сентября.

железнодорожного вокзала, и у прибывших по железной дороге была возможность через короткое время оказаться «под крышей». Но отправка к местам жительства из-за нехватки транспорта, неопределённого положения с трудоустройством, отсутствия жилья в городах и сёлах, порой задерживалась, и приёмно-распределительный пункт превращался в место длительного проживания прибывших. 17 июля 1945 г. Псковский горисполком в стремлении разгрузить его решил предоставить в распоряжение пункта здание по ул. Гоголя, 7 — бывшее общежитие землеустроительного техникума, недавно освобождённое воинской частью²¹. Оно должно было стать своего рода «перевалочным» пунктом, где репатриированные находились после регистрации и соответствующих процедур на приёмно-распределительном пункте (регистрация, санитарная обработка, медицинский осмотр и др.) в ожидании отправки к местам работы и постоянного жительства. Но как оказалось, это здание превратилось в «стационарное общежитие» репатриированных на несколько лет.

Обнаружилось это после того, как решением Псковского горисполкома от 29 декабря 1947 г. здание решено было передать под общежитие областной школе руководящих колхозных кадров. Дом сильно пострадал за время фашистской оккупации, а в результате размещения пункта вообще пришёл в непригодное для эксплуатации состояние: местами на нём не было крыши, разрушена была часть комнат, отсутствовали зимние рамы, электрическое освещение, дымоходы давно не чистились, прогнили межэтажные перекрытия, в четырёх комнатах грозили обвалом потолки и др. Для полного ремонта дома требовалась сумма в 585 тыс. руб. Школа получила его на баланс в марте 1948 г., но за первые полгода для его восстановления ничего не могла сделать, т. к. в нём продолжали проживать в чрезвычайной скученности репатрианты: 370 чел. на площади всего в 1100 кв. м (в некоторых комнатах проживали по 6 и более семей, а на человека приходилось в среднем только 1,7 кв. м). Облисполком вынес решение о выселении их в срок до 1 августа 1948 г., но горисполком не смог его выполнить: переселить людей было некуда²².

²¹ ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 3. Д. 20-а. Л. 215.

²² ГАПО. Ф. Р-1836. Оп. 1. Д. 3. Л. 52-53.

Таким было положение в то время, когда процесс репатриации в области в основном завершился, а жилищный вопрос в Пскове по-прежнему оставался крайне острым. По этой причине пункт *временного* пребывания репатриированных и превратился в место их *постоянного* жительства. Чтобы разместить в более-менее сносных условиях всех прибывших, а вместе с ними и всех остальных жителей города, требовалось время и немалые усилия. Из всех репатриированных в область в 1944–1948 гг. примерно пятая часть их (20741 чел.) была направлена для работы в промышленность и строительство, т. е. фактически в город Псков, где в то время находились основные предприятия. Большая часть прибывших (76335 чел.) направлялась для работы в сельском хозяйстве, т. е. преимущественно в колхозы²³.

В сельской местности первоочередной задачей являлось переселение людей из землянок, и на этот счёт уже в 1944–1945 гг. в области началось осуществление обширной строительной программы. Строительство вели строительные бригады колхозов, а также сами колхозники с помощью получаемых от государства ссуд. В Славковском районе, например, большая часть репатриированных сумела построить для себя дома. Так, в колхоз «Коммунар» Большепетского сельсовета прибыло 18 семей, и с помощью колхоза всем им были построены дома, в колхозе «Малые Заходы» того же сельсовета новые дома были построены 15 семьям. В Псковском районе репатриированные получили кредит из Сельхозбанка на жилищное строительство в сумме 420 тыс. руб. В области была поставлена задача построить в срок до 1 января 1946 г. дома для всех колхозников, проживавших в землянках, и во исполнение её в 1945 г. было построено 8013 домов, и еще 6400 домов находилось в стадии строительства²⁴. Но все эти положительные моменты никоим образом не могли заслонить того факта, что жилищный вопрос и в сельской местности продолжал оставаться одним из самых «больных». К тому же в среде репатриантов оказалась значительная доля одиноких женщин, подростков, детей до 16 лет, престарелых граждан, которым, несмотря на выделяемые ссуды, в одиночку построить собственные дома оказалось затруднительным.

²³ ГАПО. Ф. Р-1121. Оп. 2. Д. 11. Л. 1.

²⁴ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 73. Л. 86.

Прибывающие в область нуждались не только в крыше над головой, но порой и в самом элементарном: одежде, обуви, продовольствии, предметах первой необходимости. По прибытию их производилось выявление особо нуждавшихся репатриированных и детей-сирот, которым в первую очередь и оказывалась неотложная помощь. Так, в 1946 г. денежные пособия получили 382 чел. на общую сумму 77 тыс. руб., помощь промтоварами (одежда, обувь, ткани) была оказана 344 чел. на сумму 26650 руб., еще 300 чел. получили продовольственную помощь. Из отпущенных 10 т шерсти было изготовлено 4382 пары валенок (взрослых и детских), из которых большая часть выдана нуждающимся бесплатно, и лишь незначительное количество продано по себестоимости. Всего в 1946 г. общая сумма затрат по приёму и обеспечению репатриированных, включая транспортные расходы по их перевозке, достигла 361,6 тыс. руб.²⁵ Аналогичные виды помощи продолжали оказываться и в дальнейшем, и не только репатриированным, но и реэмигрантам. Последним, например, в 1947 г. была оказана помощь в сумме 300 руб., а в 1948 г. — 1594 руб.²⁶

Репатриированные в большинстве своем активно включались в трудовую деятельность, принимали активное участие в восстановлении народного хозяйства области. Так, например, в Порховском районе в конце 1945 г. 4830 чел. работали в колхозах и 381 чел. — на предприятиях и в учреждениях. Некоторые из них были выдвинуты на руководящую работу в колхозах и сельсоветах: один работал председателем сельсовета, 12 чел. — председателями колхозов и 78 — бригадирами и счетоводами. Председатель Туготинского сельсовета Смирнов, вернувшийся из Латвии, за короткое время оживил работу комиссий сельсовета, и в целом сельсовет успешно справился с уборкой урожая и заготовками сельскохозяйственных продуктов. Председателем колхоза «Корж» Селищенского сельсовета работал репатриированный Чернов, под руководством которого артель одной из первых провела сельхозработы и сдачу продукции государству. В артели «За колхоз» Немоевского сельсовета Сошихинского района председателем работал репатриированный Дмитриев, который хорошо организовал в колхозе труд, навёл порядок, укрепил трудовую дисципли-

²⁵ ГАПО. Ф. Р-1121. Оп. 2. Д. 4. Л. 11-12.

²⁶ ГАПО. Ф. Р-1121. Оп. 2. Д. 9. Л. 13; Д. 13. Л. 10.

ну. Добросовестно трудились и многие рядовые колхозники, труженики различных небольших предприятий, выполняя и перевыполняя нормы выработки²⁷.

Официальные документы, как правило, отражали только положительные результаты деятельности по устройству репатриированных, чаще всего не касаясь сложных моментов социального и психологического характера. Между тем, репатриация была сопряжена не только с большими трудностями материального порядка, но и с тем, что в первые послевоенные годы ко всем побывавшим в плену и проживавшим на оккупированной территории было негативное отношение вплоть до навешивания на них клейма «предателей» и «изменников» Родины. В это число попадали и репатриированные граждане, которые по возвращению на Родину брались на учёт и проверялись, т. е. подвергались так называемой «фильтрации». Сама по себе она являлась вполне объяснимым мероприятием, т. к. вместе с принудительно вывезенными под видом репатриантов на Родину могли возвращаться пособники оккупантов и даже лица, запятнавшие себя зверствами по отношению к соотечественникам. Но на деле «фильтрация» нередко превращалась в средство унижительной тщательной проверки всех без исключения граждан и формирования негативного мнения в отношении всех прибывших. Она осуществлялась как органами военной администрации на территории самой Германии, так и при пересечении границы и даже по прибытии граждан на место жительства. В настоящее время в архиве Управления ФСБ по Псковской области хранятся около 40 тыс. «фильтрационных» дел — регистрационных листов на репатриированных, «дел предварительной оперативной проверки», «анкет» и т. п. документов граждан СССР, возвращающихся из Германии и из других стран. В них содержатся сведения о пребывании в лагерях, показания свидетелей, переписка о прибытии граждан на место жительства и постановке их на учёт и др. Вместо паспортов этим людям выдавались специальные удостоверения, передвижение их и переселение из одной местности в другую строго контролировалось и документировалось. Проверки лиц, побывавших в фашистских застенках, на каторжных работах в Германии и просто на оккупированных территориях продолжались в

²⁷ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 73. Л. 87.

течение нескольких послевоенных лет. Так, только в Порховском районе за время «фильтрации» в 1944–1949 гг. было учтено свыше 6000 репатриированных и 129 чел., побывавших в плену²⁸.

Особенно настороженное отношение было к тем, кто по каким-либо причинам уклонялся от трудовой деятельности. Особенно часто такие настроения выявлялись в сельской местности: репатрианты, направленные на работу в колхозы, часто не видели никакого смысла трудиться за «палочки», т. е. ничем не обеспечиваемые трудодни, а к тому же и жилищные условия их порой оказывались невыносимыми. Во время пребывания в Германии советские люди видели более передовые методы хозяйствования и образцы благосостояния, не сравнимые с колхозными, поэтому критическое восприятие действительности у них было выражено наиболее обострённо. В условиях нищенского существования они не только уклонялись от работы в колхозах и стремились любыми способами уйти в город, но и проявляли в своих высказываниях настроения, квалифицируемые как «антисоветские» и «вражеские». Впрочем, подобные явления были характерны не только для репатриированных, но к последним партийные и советские органы, как и сотрудники спецслужб, относились с большим «пристрастием». «В Псковском районе до тысячи человек трудоспособных не приступили к работе в колхозах, — отмечалось в записке обкома ВКП(б) в ноябре 1945 г. — В Сосновском с/совете до 50 семей уклоняются от работы в колхозах. В районе имеется 12 колхозов, которые не восстановлены в связи с тем, что репатриированные не остаются в деревне. Только в два колхоза — им. Кирова и «Прогресс» — явилось несколько хозяйств, которые начали строительство жилых домов, но сева озимых не производили...»²⁹.

В октябре 1945 г. начальник Псковского райотдела НКВД докладывал в райком партии о настроениях среди репатриированных и «антисоветских» высказываниях некоторых из них. Среди последних были, например, зафиксированы следующие: «Вернулась я из Германии и поместили нас две семьи в одну землянку. Не знаем, как начать жить. В лагерях было и то много лучше, чем здесь дома», «В колхозах и при Советской

²⁸ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 803. Л. 33.

²⁹ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 73. Л. 87.

власти придётся подохнуть с голоду. При немцах жили сами по себе и все были сыты», «Нас загоняют насильно в колхозы, а мы в колхозе работать не хотим. Мы пожили у немца и много нажили себе, а здесь ничего нет». «Все эти лица, — говорилось в заключение доклада, — профильтрованы»³⁰.

Аналогичные сводки и доклады поступали в партийные органы регулярно, но по содержанию они мало чем отличались друг от друга, разве что назывались новые имена и приводились другие примеры. Очень «болезненно» воспринимали их авторы не только словесные заявления репатриантов, но и то, что люди пытались найти другие способы выживания. Особенно негативным было отношение к тем, кто при возвращении привёз из Германии какие-либо вещи или продукты, и благодаря этому на первых порах мог облегчить своё существование. В конце лета 1945 г., например, из того же Псковского района поступила в обком партии информация, гласившая: «Из колхозов района поступают многочисленные сигналы о том, что прибывшие из Германии ведут себя вызывающе, занимаются самоуправством, отказываются от работы в колхозах. Например, в колхоз «Путь женщины» Сосновского с/совета прибыло из Германии 6 семей колхозников. Все они заявили, что не считают себя колхозниками и в колхозах работать не намерены. Большинство из них занимаются спекуляцией на базаре в Пскове.

В колхоз «Привет» вернулась семья из Германии Алексеевой Марии. В январе 1944 г. эта семья добровольно ушла к немцам из лесного партизанского лагеря, при отступлении немцев последовала за ними в Германию. В настоящее время Алексеева самовольно заняла под жильё колхозную кладовую, ведёт себя вызывающе, в колхозе работать отказывается. У Алексеевой и всех членов семьи нездоровые антисоветские высказывания.

В колхоз «Ленинские искры» прибыла из Германии семья из трёх трудоспособных, на предложение председателя с/совета о выходе на работу в колхоз все трое ответили руганью, заявив: «Пусть ваш колхоз провалится или сгорит вместе с вами, мы работать в ваших колхозах не будем». Вернувшийся из Германии Макаров с дочерьми самовольно занял дом МТС в д. Неелово. Дочери Макарова в период оккупации были жё-

³⁰ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 995. Оп. 4. Д. 57. Л. 142.

нами немецких офицеров и в момент отступления добровольно ушли с немцами. Вся семья Макаровых настроена антисоветски, вредно влияет на соседних колхозников.

Некоторые семьи привезли с собой большое количество ценных вещей и продовольствия, ведут паразитический образ жизни, разлагают колхозы, рассказывают о лёгкой жизни в Германии. Так, в колхоз им. Горького прибыла семья Данилиной, в багаже которой оказалось до десятка пальто, сорок костюмов, тюки с мануфактурой и большой запас продовольствия. В д. Овсище немецкой грузовой машиной приехала из Германии семья Карпунцова. Шофёру-немцу за перевозку Карпунцов заплатил 25 тыс. руб., привёз более тонны различных ценных вещей.

Многие из прибывших, не приступив к работе, предъявили требования о выдаче пайка и коров. При получении отказа они угрожали жалобой в Москву³¹.

Партийные комитеты, принимая подобные доклады к сведению, в свою очередь, сами давали указания о проведении «фильтрации», применении к таким лицам других «специальных» мер и привлечении их к ответственности. Так, 7 августа 1945 г. секретарь Псковского райкома ВКП(б) давал указания начальнику райотдела НКВД: «На днях в колхоз “Погорелка” Тупицкого сельсовета из Германии вернулся Баринов Александр. В 1943 г. он добровольно уехал к немцам, перед этим был допущен немцами в сожжённую деревню и украл хлеб из ямок соседней. Сейчас вернулся из Германии, имеет до 20 мест багажа. Раскопал на огороде яму, где было до 50 пудов хлеба. На работу в колхоз не ходит и настроен явно антисоветски. Прошу установить наблюдение и принять соответствующие меры»³².

Приводимые в указанных сводках примеры, очевидно, в действительности место имели, но они были скорее исключениями, потому что основная масса репатриированных вернулась на Родину не то что с «тоннами ценностей», а чаще всего не имела ничего. Но подозрительное отношение, обвинение в предательстве или упрёки в сотрудничестве с врагом испытал на себе гораздо более широкий круг вернувшихся. «Колхозное население, укравшееся от немцев в лесах, резко

³¹ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 79. Л. 109-110.

³² ОДНИЛС ГАПО. Ф. 995. Оп. 4. Д. 57. Л. 111.

осуждает поведение этой части репатриированных, и к их настроениям относится враждебно, — подчеркивалось в информации обкома ВКП(б). — Неприязнь население проявляет и к прибывающим с большими возами вещей и продуктов, предпочитающим вместо работы заниматься спекуляцией»³³.

Помимо «фильтрации» и других «профилактических» мер, Псковский обком ВКП(б) во исполнение постановления ЦК партии обязал райкомы широко развернуть среди репатриированных политико-массовую работу — как на приёмно-распределительных пунктах, так и в местах их проживания и трудоустройства. Руководство страны отдавало себе отчёт в том, что угнанные в Германию советские граждане подвергались там соответствующей «идеологической обработке» — воздействию фашистской пропаганды, направленной на дискредитацию советских порядков, убеждение в бессмысленности сопротивления перед мощью германского оружия, лишение граждан чувства гордости за свою страну, национального достоинства. Когда же фашизм был побеждён, и советским людям открылась дорога домой, в Германии, особенно в зонах оккупации союзников, активно развернули деятельность различные эмигрантские и националистические группы, пытавшиеся помешать возвращению на Родину советских людей: они сулили всяческие блага тем, кто останется на Западе, запугивали советских граждан ужасами, которые их ожидают после возвращения в «сталинский Советский Союз». Одновременно Победа породила в народе надежды на лучшую жизнь, ослабление пресса тоталитарного государства на личность, ликвидацию его наиболее одиозных издержек. «Демократическому импульсу» войны, однако, противостояла вся мощь существовавшей в СССР Системы. Её позиции не только не были ослаблены в годы войны, но ещё больше окрепли. Власть, обеспокоенная нарастанием «вольномудства», не пошла по пути демократизации общества, чего настоятельно требовала жизнь и что находило отражение в «антисоветских» высказываниях отдельных представителей населения, а встала на путь дальнейшего укрепления тоталитарного режима. Ввести в нужные ей рамки она стремилась всё население, и особенно те его слои, которые, по её мнению, «наслушались вражеских разговоров» и изрядно «распустились» в годы войны. К ним относились и репатрианты.

³³ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 73. Л. 90.

Для систематической работы с ними уже на приёмно-распределительных пунктах в Псковской области были выделены специальные агитаторы, прибывающие снабжались здесь средствами печатной пропаганды (газеты, брошюры, листовки), областным радиокомитетом раз в неделю давались специальные передачи по различным темам: ряд бесед прокурора области, выступления начальника областного пункта по репатриации, передавались содержания статей «Репатриированные снова трудятся на родных советских предприятиях», уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерала Ф. И. Голикова «Год работы по репатриации советских граждан», очерки Гейликмана «День на пункте», беседа с колхозницей, которую изуродовали оккупанты. С целью ознакомления репатриированных с тем, что произошло в стране, радиокомитет дал два цикла: «Советская музыка в дни Отечественной войны» — сюда вошли пять бесед с прослушиванием музыкальных произведений, и «Советская литература в дни войны» — семь бесед о творчестве М. Шолохова, Н. Тихонова, Б. Горбатова, Л. Леонова, К. Симонова, В. Гроссмана и др. Кроме того, в «Последних известиях» регулярно помещались заметки о прибытии репатриированных на Псковщину, их участии в труде, ознакомлении репатриированных с избирательным законом.

Райкомы партии организовали с руководителями агитколлективов, лекторами и докладчиками, заведующими избями-читальнями семинары по вопросам работы среди репатриированных. За несколько месяцев 1944–1945 гг. с репатриантами были проведены доклады и беседы по темам: «О силе и крепости колхозного строя», «О великой Победе Красной Армии над германским фашизмом», «Об источниках силы и могущества Советского государства», «О трудовом героизме рабочего класса СССР», «Об основных этапах Великой Отечественной войны», «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства района, освобожденного от немецкой оккупации» и др., всего 572 доклада с охватом свыше 17 тыс. чел. Проводились также беседы и доклады по темам трудоустройства, строительства домов, снабжения продуктами и т. п., чтение газет и журналов. Они проводились почти во всех районах области, а в местах с наибольшим количеством репатриированных устраивались специальные собрания. В Порховском

районе, например, было проведено 10 собраний, на которых были поставлены доклады работников прокуратуры на тему «Основные законы и постановления Советского правительства, принятые в период Отечественной войны», а также юридические консультации по разнообразным вопросам. Во всех сельсоветах Гдовского района в августе 1945 г. были проведены совещания с репатрированными по вопросу участия их в уборочной кампании, в Сошихинском районе — районное собрание с постановкой доклада «Наши задачи в восстановлении района». С конца 1945 г. повсеместно проводилось разъяснение положения о выборах, Конституции СССР и др. — в связи с предстоящими в 1946 г. выборами в Верховный Совет СССР³⁴.

Проведение политико-массовой работы затруднялось отсутствием необходимой материальной базы — недостатком клубов, изб-читален, библиотек, кинопередвижек и др., не говоря уже об их оснащении, но по мере восстановления, строительства и оборудования культпросветучреждений условия для идеологической работы улучшались. Несмотря на предпринимаемые попытки убедить репатриантов в преимуществах советского строя и правильности их решения вернуться на Родину, настроения их оставались различными — от лояльных к советской действительности до откровенно враждебных. Обусловливалось это не столько недостаточной эффективностью проводимой агитационной работы, сколько материально-бытовыми проблемами, порождёнными последствиями немецко-фашистской оккупации, разрешить которые за короткое время было просто невозможно. Сказывалось и существовавшее недоверие к репатриантам со стороны властей, ущемление их в правах по сравнению с основной массой населения. В конце 1940-х гг., когда началась кампания борьбы с космополитизмом, недоверчивое отношение к ним ещё больше возросло, и комплекс неполноценности тысячи людей испытывали ещё в течение ряда лет. Но при всех этих обстоятельствах главным всё же было то, что они, насильственно угнанные фашистами на чужбину, перенёсшие там много страданий и горя, возвратились на Родину.

³⁴ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 73. Л. 88–89.

Источники

- ГАПО. Ф. Р-903. Оп. 1. Д. 82, 92, 183.
ГАПО. Ф. Р-1121. Оп. 2. Д. 4, 9, 11, 13, 1.
ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 3. Д. 20-а.
ГАПО. Ф. Р-1836. Оп. 1. Д. 3.
ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1219. Оп.1. Д. 73, 79, 395, 803.
ОДНИЛС ГАПО. Ф. 995. Оп. 4. Д. 57.
Псковская правда. 1945. 23 сентября.

Литература

- Абрамова М. А.* На освобождённой земле. Деятельность Коммунистической партии по возрождению освобождённых от немецко-фашистской оккупации районов северо-западных областей РСФСР. 1944–1950 гг. Л., 1981.
- Говоров И. В.* Репатриация на Северо-Западе РСФСР. 1944–1949 гг. Автореферат дис... канд. ист. наук. СПб., 1998.
- Земсков В. Н.* К вопросу о репатриации советских граждан. 1944–1951 гг. // История СССР. 1990. № 4. С. 26–41.
- Земсков В. Н.* Репатриация советских граждан в 1944–1946 годах. Опираясь на документы // Россия XXI. 1993. № 5. С. 74–81.
- Земсков В. Н.* Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 3–13.
- Кутузов В. А.* Возрождение земли Ленинградской. Коммунисты в авангарде восстановления народного хозяйства Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. Л., 1985.
- Полян П. М.* Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. М., 1996.
- Полян П. М.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002.
- Толстых И. Н.* Репатрианты Новгородской области в 1944–1948 гг. Автореферат дис... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2005.
- Филимонов А. В.* «Ингерманландское» население в северо-западных областях РСФСР в конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы (1944–1948 гг.) // Метаморфозы истории. 2014. Вып. 5. С. 424–451.

Филимонов А. В. «Ингерманландцы» в Псковской области (конец 1940-х — начало 1950-х гг.) // *Метаморфозы истории*. 2015. Вып. 6. С. 375–382.

Шевяков А. А. «Тайны» послевоенной репатриации // *Социологические исследования*. 1993. № 8. С. 3–11.

Шевяков А. А. Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационных зонах государств антигитлеровской коалиции // *Население России в 1920–1950-е гг.: численность, потери, миграции*. М., 1994. С. 195–222.

Филимонов Анатолий Васильевич, профессор кафедры отечественной истории, кандидат исторических наук, профессор (Псковский государственный университет; Псков, Россия); эл. почта: istfakultet@rambler.ru

Repatriates in the Pskov Region in the Early Postwar Years (1944–1949)

The article reviews the problem of returning to the Pskov region Soviet citizens deported by Nazist occupiers to Germany and other European countries during World War II.

Pskov region, whose territory was completely occupied, was among the most severely devastated Russian regions. One of the consequences of the occupation was a significant number of citizens deported to a foreign countries — more than 120,000 people, or about 15 % of population of Pskov region. The majority of them returned to their homes during 1944–1945. Repatriation continued in subsequent years too, but to a much smaller number.

Pskov region also faced a phenomenon of re-emigration: some persons who have left Russia at various times before the Second World War came back in postwar years. 15,000 people (14 % of the total amount of deported citizens) didn't return to Pskov region. Process of repatriation was fraught with great difficulties of organizational and material nature caused by the consequences of the occupation and economic damage caused by Nazis.

Citizens who spent any time in Nazis' prisons were viewed by Soviet authorities as potential spies. They were subjected to various kinds of inspections ("filtration") which formed a negative image about them in the eyes of other inhabitants. Much time has passed before the stigma of "turncoats" and "traitors of Motherland" was washed away.

Key words: deportation, repatriation, evacuation, re-emigration, reception and resettlement camp, economic recovery, "filtering".

References

- Abramov M. A. Na osvobozhdyennoy zemle. Deyatel'nost' Kommunisti-cheskoy partii po vozrozhdeniyu osvobozhdyen-nykh ot nemetsko-fashistskoy okkupatsii rayonov severo-zapadnykh oblastey RSFSR. 1944–1950 gg. L., 1981.
- Govorov I. V. Repatriatsiya na Severo-Zapade RSFSR. 1944–1949 gg. Avtoreferat dis... kand. ist. nauk. SPb., 1998.
- Zemskov V. N. K voprosu o repatriatsii sovetskikh grazhdan. 1944–1951 gg. // Istoriya SSSR. 1990. № 4. S. 26–41.
- Zemskov V. N. Repatriatsiya sovetskikh grazhdan v 1944–1946 godakh. Opirayas' na dokumenty // Rossiya XXI. 1993. № 5. S. 74–81.
- Zemskov V. N. Repatriatsiya sovetskikh grazhdan i ikh dal'neyshaya sud'ba (1944–1956 gg.) // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1995. № 5. S. 3–13.
- Kutuzov V. A. Vozrozhdenie zemli Leningradskoy. Kommunisty v avangarde vosstanovleniya narodnogo khozyaystva Leningradskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. L., 1985.
- Polyan P. M. Zherty dvukh diktatur. Ostarbaytery i voennoplennye v tret'em reykh'e i ikh repatriatsiya. M., 1996.
- Polyan P. M. Zherty dvukh diktatur: Zhizn', trud, unizheniya i smert' sovetskikh voennoplennykh i ostarbayterov na chuzhbine i na rodine. M., 2002.
- Tolstykh I. N. Repatrianty Novgorodskoy oblasti v 1944–1948 gg. Avtoreferat dis... kand. ist. nauk. Velikiy Novgorod, 2005.
- Filimonov A. V. "Ingermanlandskoe" naselenie v severo-zapadnykh oblastiakh RSFSR v kontse Vtoroy mirovoy voyny i v pervye poslevoennye gody (1944–1948 gg.) // Metamorfozy istorii. 2014. Vyp. 5. S. 424–451.
- Filimonov A. V. "Ingermanlandtsy" v Pskovskoy oblasti (konets 1940-kh – nachalo 1950-kh gg.) // Metamorfozy istorii. 2015. Vyp. 6. S. 375–382.
- Shevyakov A. A. "Tayny" poslevoennoy repatriatsii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1993. № 8. S. 3–11.
- Shevyakov A. A. Repatriatsiya sovetskogo mirnogo na-seleniya i voennoplennykh, okazavshikhsya v okkupatsionnykh zonakh gosudarstv antigitlerovskoy koalitsii // Naselenie Rossii v 1920–1950-e gg.: chislennost', poteri, migratsii. M., 1994. S. 195–222.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	Вестник древней истории. М.
ННИИ	Новая и новейшая история. М.
ОИ	Отечественная история. М.
АМИ	Archäologische Mitteilungen aus Iran. B.
BAI	Bulletin of the Asia Institute. Bloomfield (Mich.).
BASOR	Bulletin of the American Schools of Oriental Research. South Hadley (Mass.).
BCH	Bulletin de correspondance hellénique. Athènes; P.
BCSHPP	Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des sciences de Saint-Petersbourg. SPb.
BMB	Berliner Münzblätter. B.
BSOAS	Bulletin of the School of Oriental and African Studies. L.
EHR	The English Historical Review. L.
EIr	Encyclopaedia Iranica. N. Y.
FD	Fouilles de Delphes. P.
HZ	Historische Zeitschrift. München.
IrAnt	Iranica Antiqua. Leiden; Gent.
JHS	The Journal of Hellenic Studies. L.
JRAS	Journal of the Royal Asiatic Society. L.
MA	Mélanges Asiatiques. P.
Nachtergaelel	<i>Nachtergaelel G.</i> Les Galates en Grece et les Soteria de Delphes. Bruxelles, 1977. Appendice.
NC	The Numismatic Chronicle. L.
RN	Revue numismatique. P.
SbGEG	Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. Dorpat.
Syll ³	Sylloge Inscriptionum Graecarum / Ed. W. Dittenberger. Editio III. Vol. I-IV. Lipsiae, 1915-1924.
Tod	<i>Tod M. N.</i> A Selection of Greek Historical Inscriptions. 2 nd ed. Vol I-II. Oxford, 1946-1948.
Welles	<i>Welles C. B.</i> Royal Correspondence in the Hellenistic period. New Haven, 1934.
ZDMG	Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Wiesbaden; Stuttgart; Mainz; Leipzig.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ научного альманаха «Метаморфозы истории»

Рукописи представляются в редколлегию альманаха в электронном виде. Набор текста осуществляется в текстовом редакторе Microsoft Word со следующими параметрами: шрифт – Times New Roman, междустрочный интервал – 1, размер шрифта – 14, все поля – 2 см, выравнивание – по ширине, абзацный отступ – 1,25 см. Файл с электронным вариантом рукописи должен иметь формат *.doc. Объём рукописи **не должен превышать** 1 авторского листа (40 000 знаков с пробелами). Иллюстрации выполняются в графических редакторах и представляются дополнительно к тексту рукописи в виде отдельных графических файлов форматов *.tif или *.jpg с разрешением не ниже 300x300 dpi.

Материалы для опубликования могут быть представлены в редколлегию журнала на русском и английском языках.

Адрес для отправки рукописей: **metamist@mail.ru**.

Вместе с текстом статьи в редакцию представляется **авторская справка**, в которой **обязательно** указываются: фамилия, имя, отчество (полностью), полное и краткое наименование организации, являющейся местом работы (для аспирантов – учёбы) автора, должность, учёная степень, учёное звание, контактная информация (телефон, адрес электронной почты). Фамилия, имя, отчество автора приводятся **на русском и английском языках**.

Материалы, представляемые для опубликования, должны содержать шифр УДК, а также на русском и английском языках: заглавие; резюме (250–400 печатных знаков – на русском языке; **1600–1700 знаков – на английском языке**); ключевые слова (до 10 слов)).

Резюме на английском языке является **отдельным** (т. е. **не повторяющим** русскоязычное резюме) и **крайне важным** элементом статьи. Оно должно представлять собой **краткий реферат, ясно и достаточно полно передающий содержание статьи** для не владеющих русским языком читателей.

Ссылки на используемую литературу оформляются в виде **подстрочных ссылок** (примечаний) **в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008**. Размер шрифта – 10, интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1 см. Точка и

тире, разделяющие области библиографического описания, заменяются точкой (т. е. **тире не ставится**); издательство, объём работы в страницах, ISBN **не указываются**. При ссылке на конкретные страницы работы указываются их номера. Фамилия и инициалы автора выделяются курсивом. Например:

¹ *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли. М., 1990. Т. 2.

² *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли. М., 1990. Т. 2. С. 27–29.

При ссылке на публикацию в сборнике, журнале и т.п. **указываются** номера первой и последней страниц публикации, либо конкретные страницы, на которые делается ссылка. Например:

³ *Корявко В. И.* Эволюция форм применения объединений ВМФ // Военная мысль. 2006. № 4. С. 64–67.

⁴ *Корявко В. И.* Указ. соч. С. 64.

⁵ Там же. С. 66.

Пример ссылки на Интернет-ресурс:

⁶ *Ермолова И. Е.* Римская империя и федераты в IV в. // Новый исторический вестник. 2001. № 4. [Электронный ресурс]: URL: http://www.nivestnik.ru/2001_2/3.shtml#_ednref19/ (дата обращения: 28.05.2012).

Пример ссылки на архивный документ:

¹ Государственный архив Псковской области (далее — ГАПО). Ф. 12. Оп. 7. Д. 29. Л. 3.

² ГАПО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 23. Л. 7, 7 об.

Ссылки на сочинения древних и средневековых авторов помещаются в тексте статьи в круглых скобках с сокращением имени автора и названия сочинения по общепринятым правилам, указанием номера книги римскими цифрами, главы и параграфа — арабскими. Например:

Об этих событиях сообщают многие авторы (*Arrian. Anab.* II.3.2, 4.2–3; III.1.2; *Greg. Tur. Hist. Franc.* III.2; IV.1–3; *Herod.* III.51 и др.).

При использовании иллюстраций **обязательно** приводятся ссылки на их источники.

Слова «век», «века», «год», «годы», наименования мер длины, площади, массы и т.п., числительные («тысяча», «миллион» и т. д.) **сокращаются** («в.», «вв.», «г.», «гг.», «м», «км», «кг», «т», «тыс.», «млн» и т. д.) в соответствии с ГОСТ Р 7.0.12—2011 «Система стандартов по информации, библиотечному и

издательскому делу. Библиографическая запись. Сокращение слов и словосочетаний на русском языке. Общие требования и правила» и ГОСТ 8.417 – 2002 «Государственная система обеспечения единства измерений. Единицы величин».

В конце статьи приводится составленный в алфавитном порядке список использованных источников и литературы, куда включаются все публикации, на которые имеются ссылки в тексте. Список оформляется по тем же правилам, что и ссылки; размер шрифта – 14. Все слова, кроме артиклей и предлогов, в названиях работ на английском языке пишутся с заглавной буквы.

К статье отдельным файлом **обязательно** прилагается список использованных сокращений:

НИИ – Новая и новейшая история. М.

RE – Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa. Stuttgart.

Рукописи проходят процедуру рецензирования. По итогам рецензирования редколлегия имеет право возвратить рукопись автору для доработки либо отказать в принятии её к публикации в случае несоответствия профилю журнала или недостаточно высокого научного уровня.

Направляя статью для опубликования в альманахе «Метаморфозы истории», автор тем самым:

- 1) гарантирует, что представленная статья ранее не была опубликована, и он действительно является её автором;
- 2) выражает согласие на размещение электронной копии статьи в открытом доступе в сети Интернет.

Авторы несут ответственность за достоверность приводимых в публикациях фактов, цифр, цитат, библиографических описаний, статистических данных, имён собственных и прочих сведений.

ПРИМЕР
оформления рукописи статьи

УДК 94(5)

И. И. Иванов

**РОССИЯ И ЛИГА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

На современном этапе отношения Российской Федерации (РФ) и Лиги арабских государств (ЛАГ) характеризуются рядом новых тенденций. В статье рассмотрены экономические и политические аспекты взаимоотношений России и ЛАГ в начале XXI в. Отдельное внимание уделено проблеме глобализации.

Ключевые слова: Россия, Лига арабских государств, глобализация, экономика, политика.

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи.
Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи.

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи.
Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи.

Источники

Herodoti Historiarum libri IX / Ed. H. R. Dietsch. Ed. altera, stereotypa. Lipsiae, 1903. Vol. 2.

Аристотель. Афинская полития. Государственное устройство афинян / Пер., примеч. и послесл. С. И. Радцига. 3-е изд., испр. М., 2007.

Литература

Гаврилов В. П., Ивановский С. И. Общество и природная среда. М., 2006.

Ермолова И. Е. Римская империя и федераты в IV в. // Новый исторический вестник. 2001. № 4. URL: http://www.nivestnik.ru/2001_2/3.shtml#_ednref19/ (дата обращения: 28.05.2012).

Шмидт С. О., Гутнова Е. В., Исламов Т. Р. Абсолютизм в странах Западной Европы и в России (опыт сравнительного изучения) // ННИ. 1985. № 3. С. 42-54.

Frye R. N. The History of Ancient Iran. München, 1984.

Ivan I. Ivanov

Russia and the League of Arab States

At the present stage the relationship of Russian Federation (RF) and the League of Arab States (LAS), or Arab League, is characterized by a number of new trends. Article describes the economic and political aspects of relations between Russia and the Arab League at the beginning of XXI century. A special attention is paid to the process of globalization.

Key words: Russia, the Arab League, globalization, economics, politics.

GUIDELINES for Authors of “Metamorphoses of History”

This guide describes how to prepare contributions for submission. We recommend you read this in full if you have not previously submitted a contribution to “**Metamorphoses of History**”. Papers must be submitted to the editorial board in the form of electronic documents prepared in Microsoft Word with the following parameters:

Font and Spacing: the usual font for “**Metamorphoses of History**” is Times New Roman and the size is always 14-pt. Single space your paper.

Margins: the standard margin size is 2 cm for all four sides. Text should be justified, indented 1.25 cm.

Please save Word documents using the file extension doc. Instructions to do this are as follows:

Select the Office button in the upper left corner of the Word 2007 window and choose “Save As”;

Select “Word 97 – 2003 Document”;

Enter a file name and select “Save”.

The paper should not exceed 1 author’s sheet (40000 characters with spaces). Illustrations and figures must be presented as **separate** graphic files of *.tif or *.jpg format with resolution not lower than 300x300 dpi.

Papers for publication may be submitted to the editorial board in English or in Russian.

Address for submission of manuscripts: **metamist@mail.ru**.

All papers are published in the almanac without any charges.

Please fill out and submit your **Author Information** which must include: first name, middle name, surname; contact information (telephone number and e-mail address) and **Author Affiliation**: include department, institution (full and short titles of place of work), position, academic degree, academic rank. Graduate students should give the name of their university.

Contribution for publication should include its **title, abstract** (300–500 characters, spaced), **key words** (up to 10 words or terms).

References in the text of the article should be given as **footnotes**. The usual font is Times New Roman and the size is 10-pt, single-spaced, justified, indented 1 cm, the author's name should be given in italics. For example:

¹ *Sykes P.* A History of Persia. Vol. 1. L., 1921. P. 19–21.

² *Sykes P.* Op. cit. P. 19–20.

³ *Ibid.* P. 117.

When referring to an article in a book, a magazine, etc., the numbers of the first and last pages of the publication or specific pages to which a reference is made **must be indicated**. For example:

⁴ *Mommsen Th.* Ammians Geographica // Hermes. 1881. Bd. 16. S. 602–636.

⁵ *Drijvers J. W.* Ammianus Marcellinus' Image of Arsaces and Early Parthian History // The Late Roman World and its Historian: Interpreting Ammianus Marcellinus. L.; N.Y., 1999. P. 193–206.

⁶ *Mommsen Th.* Op. cit. S. 635.

⁷ *Drijvers J. W.* Ammianus Marcellinus' Image of Arsaces and Early Parthian History. P. 203.

References to the works of Classical and Medieval authors are placed in the text in parentheses with the abbreviations of the name of the author and the title of works according to common rules, specifying the number of book in Roman numerals, whereas chapters and sections are given in Arabic. For example:

Many classical and medieval authors wrote about these events (Arrian. *Anab.* II.3.2, 4.2–3; III.1.2; Oros. III.16.12; Greg. Tur. *Hist. Franc.* III.2; IV.1–3).

When using illustrations links to their sources **should be given**.

Contribution must be supplied with the **list of used primary sources and secondary sources** (books, articles) in alphabetical

order, which include all the publications, which are referred to in the text.

A separate file with the list of abbreviations is required. For example:

CQ – The Classical Quarterly. Oxford.

DOP – Dumbarton Oaks Papers. Washington (D.C.).

Papers are evaluated by means of peer review. The paper may be accepted for publication without any further changes required from the authors, or it may be accepted for publication in principle once the authors have made some revisions in response to the referees' comments, the paper can be rejected with no offer to reconsider a submitted version, if it doesn't correspond to subject area of this almanac or does not report original scientific research and is of no scientific importance.

Authors are responsible for the accuracy of facts, figures, citations, statistic data, proper names and any other information.

An example of formatting a paper is given below.

John J. Johnson

RUSSIA AND THE LEAGUE OF ARAB STATES AT THE MODERN STAGE

At the present time the relationship of the Russian Federation (RF) and the League of Arab States (LAS), or Arab League, is characterized by a number of new trends. The article describes economic and political aspects of relations between Russia and the Arab League at the beginning of the XXI century. A special attention is paid to the process of globalization.

Keywords: Russia, the Arab League, globalization, economics, politics.

The text of the article. The text of the article. The text of the article. The text of the article. The text of the article. The text of the article.

The text of the article. The text of the article. The text of the article. The text of the article. The text of the article. The text of the article.

Primary sources

- Herodoti Historiarum libri IX / Ed. H. R. Dietsch; cur. H. Kallenberg. Ed. altera, stereotypa. Lipsiae, 1903. Vol. 2.
- Dionis Cassii Cocceiani Historia Romana. Vol. 4 / Cum annot. L. Dindorfii. Lipsiae, 1864.

Secondary sources

- Brunt P. A.* Persian Accounts of Alexander's Campaigns // CQ. 1962. Vol. 12 (56). P. 141-155.
- Cameron A.* Agathias on the Sassanians // DOP. 1969-1970. № 23/24. P. 67-183.
- Drijvers J. W.* Ammianus Marcellinus' Image of Arsaces and Early Parthian History // The Late Roman World and its Historian: Interpreting Ammianus Marcellinus. L.; N. Y., 1999. P. 193-206.
- Bacevich A.* The New American Militarism. Oxford; N. Y., 2005.

Научное издание

МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИИ
Metamorphoses of History

Научный альманах
Scientific Almanac

Выпуск 9
Issue 9

*На первой странице обложки: Эдип разгадывает загадку Сфинкса.
Изображение на античной вазе
(Кул Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. М., 1954. С. 421).*

Технические редакторы:
В. А. Дмитриев, М. Е. Самуйлова
Корректор: С. Н. Емельянова
Компьютерная верстка: Н. А. Васильева

Подписано в печать 19.06.2017. Формат 60x90/16.
Гарнитура Book Antiqua. Объём издания усл. п. л. 16,75.
Тираж 100. Заказ № 5348.

Отпечатано на Versant 2100.

Адрес издательства:
180000, Россия, г. Псков, ул. Л. Толстого, д. 4^а, корп. 3^а.
Издательство Псковского государственного университета